**Державний
історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську**

Святогірський альманах
2014

Збірка наукових праць

I. Археологічні дослідження.

II. Історичні і пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство.

III. Матеріали до ювілеїв.

IV. Дискусії

Донецьк
2014

УДК 902.6
ББК Т4(4УКР)
С25

Святогірський альманах 2014. Збірка наукових праць.
КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську».
Донецьк. ТОВ «Східний видавничий дім», ТОВ «РА «Ваш імідж», 2014. – 216с.

ISBN 978-966-317-241-5

Редакційна колегія

Добров П. В. – докт. істор. наук, проф. (гол. редактор)
Колесник О. В. – канд. істор. наук, доцент (заст. гол. редактора)
Темірова Н. Р. − докт. істор. наук, проф.
Гєдьо А. В. − докт. істор. наук, проф.
Литвиненко Р. О. − докт. істор. наук, проф.
Титова О. М. – канд. істор. наук, доктор філософії
Дєдов В. М. – редактор-упорядник

В збірнику «Святогірський альманах 2014» публікуються результати наукових досліджень останнього часу, які присвячені історико-культурній спадщині Святогірського історичного ареалу в Донецькій області, а також актуальним питанням музеєзнавства, збереження і реставрації пам'яток на Донеччині.

До збірки залучені статті та повідомлення науковців КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську», інших наукових, науково-дослідних, музейних, і освітянських закладів, а також краєзнавців з Донецької, Харківської областей, м. Києва.

Рекомендовано до друку Науковою радою КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську» (протокол №10 від 11.11.2014р.)

ISBN 978-966-317-241-5

© КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник
у м. Святогірську», 2014

ВСТУП

Проведення в 2005 і 2014 роках Всеукраїнських науково-практичних конференцій з проблем збереження культурної спадщини України на базі Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську дало поштовх до розширення тематики досліджень Святогірського історичного ареалу і подальшого вивчення історико-культурної спадщини північної Донеччини в цілому. В період 2006-2014 роках проводився комплекс науково-дослідних робіт в межах території середньої течії Сіверського Дінця, яка останнім часом визначена як Святогірський історичний ареал. Ядром ареалу є комплекс пам'яток історії та культури XVII-XIX ст. Святогірського Успенського монастиря, оголошений урядом України в 1980 р. історико-архітектурним заповідником. Разом з цим до Святогірського історичного ареалу входить значна кількість археологічних пам'яток, об'єкти монументального мистецтва і історичні комплекси періоду Великої Вітчизняної війни. Результати наукових досліджень історико-культурної спадщини вказаного регіону викладені в щорічних наукових збірках «Святогірський альманах 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013». Назва збірки відображає мету редакційної колегії – якомога ширше охопити спектр наукових інтересів стосовно такого унікального явища в природному і історико-культурному просторі України як Святі Гори на Сіверському Дінці. В 2014 році 31 автора – науковців музейних закладів Донецької, Харківської областей і м.Києва надали для публікації в збірці 20 різнопланових досліджень. Поряд з основними розділами збірки – «Археологічні дослідження»; «Історичні і пам'яткоохоронні дослідження. Музеєзнавство» вже традиційним стає розділ «Матеріали до до ювілейних дат». В 2014 році на пропозицію редакційної колегії введений розділ «Дискусії», в якому публікуються дослідження комплексу речового матеріалу давньоруського походження на території середньовічних пам'ятників Подінців'я (автори Шамрай А.В., Соловкін О.О, Філіпов О.П.). Звертає на себе увагу публікація матеріалів археологічної експедиції Г.Г. Афендика 1936 року на городище у с.Маяки і курганів у с.Сидорово в розділі «Археологічні дослідження» (Гриб В.К., Кравченко Е.Є., Кучугура Л.І.). Темою для використання в роботі багатьох музейних закладів є статті другого розділу альманаху про наукові методи

реставрації археологічного каменю (стаття Н.В. Поляцькової, м. Київ) і старовинних меблів (спільна робота С.С. Шарабан, Проскурякова В.А., Легейди А.В.). В 2014 році значно збільшився як обсягом матеріалів, так і за тематикою розділ, присвячений ювілейним датам. Опубліковані матеріали до 70-річчя визволення України від німецько-фашистських загарбників (Щибря Л.І.), 100-річчя перебування М. Цвєтаєвої у Святих Горах (Рижкова М.С.), 155-річчя будівництва Успенського собору Святогірської лаври (Духін О.Й., Кохан О.К., Плахов О.В.), 95-річчя археолога Д.І. Телегіна (Духін О.Й.), 125-річчя заснування Воскресенської церковно-парафіяльної школи у Слов'янську (Шабанова В.М., Трубачова О.І.).

Надані матеріали в більшості ілюстровані, які безумовно піднімають рівень статей і привабливість збірки. Більшість авторів є випускниками або викладачами історичного факультету Донецького національного університету, тому невипадково редакційна колегія вже протягом дев'яти років представлена професорсько-викладацьким складом факультету. Наукові матеріали друкуються на мові рукописів, наданих авторами.

Від імені редакційної колегії висловлюю вдячність всім авторам, які протягом багатьох років надають матеріали своїх наукових досліджень в збірку «Святогірський альманах», яка стала щорічним виданням Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську.

Редактор – упорядник збірки,
провідний науковий співробітник
КЗ «Державний історико-архітектурний
заповідник у м. Святогірську»

В. М. Дєдов

ЗМІСТ

Вступ 3

Розділ І
Археологічні дослідження

Давыденко В. В., Гаврилова А. Н., Зоря А. Н.
ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОДОК КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ. В УСТЬЕ ТОРА
(исторические и археологические реалии) 8

Дедов В. Н.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯТОГОРЬЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В ПОСТРОЕНИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ СВЯТОГОРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 21

Колесник А. В., Коваль Ю. Г.
СЫРЬЕВАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ В КРЕМНЕВЫХ ИНДУСТРИЯХ ЭПОХИ КАМНЯ –
ПАЛЕОМЕТАЛЛА БОЛЬШОГО ДОНБАССА (предварительные замечания) 49

Додаток до розділу 1
Гриб В. К., Кравченко Э. Е., Кучугура Л. И.
ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ДОНЦЕ 64

Розділ ІІ
Історичні і пам'яткоохоронні дослідження.
Музеєзнавство

Дедова Я. Д., Дедов А. В.
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В СВЯТЫХ ГОРАХ
(дело о конфликте в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года) 98

Дєдова Я. Д.
ТВОРЧА ПАЛІТРА СВЯТИХ ГІР
(до питання про формування колекції живопису Святогірського заповідника) 105

Ісаїв О. Я.
ДЖЕРЕЛА ДЛЯ ДОСЛІДЖЕННЯ БОРОВА-ГОРОХОВАТСЬКОГО МОНАСТИРЯ
НА ОСКОЛІ 116

Коцаренко В. Ф.
ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ
В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОГО КРАМАТОРСКА..... 129

Поляцкова Н. В.
ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ КАМНЯ
(на примере надгробной плиты XVIII киевского губернатора) 136

Ситниченко С. М.
КОЛЕКЦІЇ СТАРОЖИТНОСТЕЙ ДОРАДЯНСЬКОГО ЧАСУ
І ЇХ РОЛЬ У СТВОРЕННІ МУЗЕЇВ 141

Соляник А. А.
Г.Д. ИЛОВАЙСКИЙ И ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ДЕЛЕ ПОД МЕДЫНЬЮ 147

Чепіга Г. Г.
ПРО СТАН ДОСЛІДЖЕННЯ ДЕЯКИХ ПРОБЛЕМ ІСТОРІЇ
ДНІПРО-ДОНЕЦЬКОГО МЕЖИРІЧЧЯ У XVII–XVIII СТ. 155

Шалаєва Н. Г.
ДОСВІД ВИКОРИСТАННЯ ГРАФІЧНИХ РЕДАКТОРІВ
В ЕКСПОЗИЦІЙНІЙ І ФОНДОВІЙ РОБОТІ СДІАЗ 160

Шарабан С. С., Проскуряков В. А., Легейда А. В.
РЕСТАВРАЦІЯ МЕБЛІВ XIX СТ. З ФОНДІВ СВЯТОГІРСЬКОГО ЗАПОВІДНИКА 165

Розділ III.
МАТЕРІАЛИ ДО ЮВІЛЕЙНИХ ДАТ

Духін О. Й.
ДЕКІЛЬКА СЛІВ ПРО Д.Я. ТЕЛЕГІНА
(до 95-ліття з дня народження археолога Телегіна) 171

Духін О. Й., Кохан О. К., Плахов О. В.
АРХІТЕКТОРИ УСПЕНСЬКОГО СОБОРУ СВЯТОГІРСЬКОЇ ЛАВРИ
(до 155-річчя будівництва Успенського собору Святогірської лаври) 172

Рыжкова М. С.
«ТЕБЕ, ИМЕЮЩЕМУ БЫТЬ РОЖДЕННЫМ СТОЛЕТИЯ СПУСТЯ…»
(к 100 юбилею пребывания М. Цветаевой в Святых Горах) 178

Шабанова В. Н., Трубачева Е. И.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШНУРКОВЫХ В СЛАВЯНСКЕ
(к 125-летию основания Воскресенской церковно-приходской школы) 187

До 70-річчя визволення України від німецько-фашистських загарбників

Щибря Л. И.
НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СВЯТОГОРЬЕ
(из опыта работы по поиску места гибели лётчика А. Казакова) 196

Розділ IV.
ДИСКУСІЇ

Шамрай А. В., Соловкин А.А., Филиппов А. П.
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ
В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА 206

Розділ І

АРХЕОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

Давыденко В.В., Гаврилова А.Н., Зоря А.Н.

ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОДОК КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ. В УСТЬЕ ТОРА (исторические и археологические реалии)

Вступление

Определение фортификационных особенностей и планировки, локализации на конкретной местности и на топографической карте некоторых сторожевых и оборонительных сооружений XVII-XVIII вв., располагавшихся в среднем течении Северского Донца, имеет ряд определенных трудностей. Прежде всего, это связано с утратой отдельных письменных источников того времени или их недостаточной информативностью, а также не достаточно разработанной методикой исследования таких объектов.

Кроме того, некоторые исторические и историографические материалы иногда однобоко или не в полной мере освещают историческую географию, определённые этапы строительства и функционирования отдельных фортификационных сооружений, их фортификационные особенности.

Краеведческая литература содержит нередко ошибочные, надуманные, а иногда и противоречивые сообщения или выводы, которые подлежат тщательной перепроверке.

В изучении целого ряда таких сооружений необходим комплексный, планомерный и целенаправленный научный подход. Одним из важных направлений в изучении указанных объектов должно выступать систематическое, стационарное археологическое их исследование.

Опыт изучения некоторых из таких объектов позволяет не только совершенствовать методику исследований, но и даёт свои положительные результаты на примере проводимых нами изысканий по оборонительным сооружениям XVII в. на Среднем Донце [6], Торскому и Маяцкому острожкам [4], Торской укрепленной линии [3], Маяцкому городку-крепости [5].

Предлагаемая статья посвящена исследованию одного из военно-инженерных сооружений конца XVII – пер. пол. XVIII вв. на Среднем Донце, известного в исторической литературе – как «земляной городок» в устье Тора [14, с. 119-120] и в научной литературе как поселение «Казачья Пристань» [7].

Целью работы также является определение исторической географии этого объекта, локализация его на современной местности и на топографической карте, установление фортификационных особенностей, изучение современного состояния, перспективы археологического исследования и рассмотрение результатов проводимых ранее археологических раскопок на исследуемой местности [7]. На основании архивных данных, историографических и краеведческих материалов сделана попытка воссоздания схемы генерального плана этого «земляного городка» и графической реконструкции его фортификационных особенностей.

Исследование

Создание во втор. пол. XVI в. сторожевой пограничной службы, а с XVII в. строительство острожков, городков-крепостей в составе укрепленных линий было тесно

связано с колонизационной политикой российского правительства. Эти меры способствовали укреплению южной границы Российского государства от частых набегов крымских и ногайских татарских орд и формированию Слободской Украины.

В первой пол. XVII в. наблюдается интенсивное перемещение украинского населения в районы Среднего Подонцовья. С целью привлечения украинских переселенцев на южные окраины государства царское правительство предоставляет им широкую свободу хозяйственной деятельности на условиях участия в защите пограничных территорий. Благодаря этому с середины XVII в. активно осваивается территория среднего течения Северского Донца, в том числе междуречье Донца и Тора. Ещё с начала XVII в. «охочие люди» начинают здесь заниматься различными видами промыслов: охотой на пушного зверя, сбором мёда, ловлей рыбы, но в первую очередь солеварением на Торе [1, с.176].

Однако постоянные нападения крымских и ногайских татар на промыслы не давали возможности приезжим людям закрепиться на этой территории. Российским правительством принимаются меры для защиты переселенцев. С этой целью издаётся ряд царских указов, предписывающих строительство укрепленных сооружений в виде острожков, городков-крепостей и укрепленных линий. Так, в 1645 г. у Торского перелаза для охраны соляных промыслов от нападений татар с крымской стороны был сооружен небольшой острожек, который просуществовал около года. По всей видимости, тогда же был сооружен и Маяцкий острожек на Донце с целью несения сторожевой службы у брода через реку и предотвращения нападений татар с ногайской стороны [4]. Однако эти попытки сооружения укрепленного городка возле Торских солёных озёр, предпринятые в 40-х годах XVII в., успеха не имели.

Народная колонизация Подонцовья особенно усилилась после Андрусовского перемирия, согласно которому Украина была разделена по Днепру между Польшей и Россией. Возвращение польской шляхты в свои имения на Правобережной Украине имело своим результатом массовый переход участников национально-освободительной войны на Левобережную Украину и в пределы России. Царское правительство использовало эту ситуацию для заселения возводимых городков-крепостей у дорог, по которым татары достигали центральных районов России.

В 1654 г., после почти полувекового перерыва, возобновляется жизнь на Цареборисовском городище, которое заселяется переселенцами с Правобережной Украины [2; 14, с. 29-31]; (Рис. 1,1).

В 1663 г. на правобережье Северского Донца был сооружен деревянный городок-крепость «Мояк» *(Маяцкая крепость – прим. автора)* [5]; (Рис. 1,3) где были поселены выходцы из Слободской Украины, которая формировалась тогда в пределах Российского государства из черкасс в условиях казацкого самоуправления. Под прикрытием Маяцкой крепости в 1664 году на Торе было заведено казённое солеварение. Но так как Маяцкая крепость находилась в 9 км от солёных озёр, она не могла служить надёжным оборонительным пунктом для солеваров от нападений татар.

В 1676 г. с целью защиты соляных промыслов и прилегающей к ним территории, между солёных озёр сооружается городок-крепость Солёный *(Тор – прим. авторов)*, который заселяется черкасами. Но и после возведения Торской крепости угроза нападений татар не исчезла.

По распоряжению российских соправителей Ивана и Петра в 1684 г. для защиты построенных в междуречье Донца и Тора поселений, соляных промыслов и Святогорского монастыря, началось строительство целой системы укреплений так называемой Торской укрепленной линии [3]. Этот оборонительный объект был своего рода продолжением сооруженной слободскими казаками в 1679-1681 гг. Изюмской линии, которая и получила своё название от построенной Изюмской крепости (Рис. 1,5). Изюмский городок-крепость положил начало формированию Изюмского слободского казацкого полка, к которому со временем были приписаны все упоминаемые укрепленные поселения.

В ходе сооружения в 1684 г. Торской укрепленной линии у старой казацкой пристани, в устье Тора *(Казённого Торца – прим. авторов)*, был сооружен городок-крепость, который был назван просто «Городок», а с начала XVIII в. за ним закрепляется название Рай-городок *(современный населенный пункт Райгородок Славянского района Донецкой области – прим. авторов)*.

По всей видимости, во время сооружения системы укреплений этой линии, на местности между р. Голой Долиной и Черкасским лесом был возведен ещё один городок. В результате исследований были обнаружены остатки земляных укреплений этого фортификационного объекта, который был локализован на местности и на топографической карте. Этот объект под названием «Городок» отмечен на карте Екатеринославской губернии 1863 г. Жители сёл Адамовка и Никольское Славянского района его остатки называют «Турецким городком» (Рис. 1,7). Заметим, что Торскую укрепленную линию жители ряда населенных пунктов Славянского района Донецкой области и Изюмского района Харьковской области называют «Турецким валом».

О планировании и возведении в 1684 г. Торской укрепленной линии и двух «городков» в этой системе укреплений сообщается в царской грамоте и в отчёте полковника Харьковского слободского полка Г.Е. Донца. Так, 22 марта 1684 года на имя белгородского воеводы А.С.Шеина из Разрядного приказа поступила царская грамота о строительстве укреплённой линии, в которой значилось: «В 192 году великие государи… Иван Алексеевич и Петр Алексеевич указали в защиту от приходу воинских людей Мояцкому, Святогорскому монастырю, Торским озерам, Цареву-Борисову и иным украинным черкасским городам от города Изюма от реки Северского Донца, вниз по Донцу, по степи, по урочищам через Черкасский лес по Голой Долине, через реку Торец до верховьев реки Тору сделать земляной вал и деревянные крепости, где какие пристойно… вниз по реке Тору до устья сделать земляные и всякие крепости, а город Маяцкий с прежнего места перенесть на усть реки Тору, где впал Тор в реку Северский Донец. А сделать *(первую часть – авт.)* Харьковскому полку на 18 верстах…» [17, л. 894].

Как было исполнено это царское распоряжение, зафиксировано «строельной книгой», представленной Г.Е. Донцом 1 ноября 1684 г. в канцелярию белгородского воеводы. В ней сообщается, что «… На усть реки Тору и меж реки Северского Донца, у Казацкой пристани, где было велено перенести Мояцкий городок, построено земляной городок мерою городовой стены 174 сажени. По тому городку 2 башни с проезжими вороты да 4 глухих наугольных, в том числе одна – земляная. Около города ров в глубину и в ширину по 3 сажни, вал в вышину 3 сажни с гребнем, у подошвы 3 с половиной сажни. А изнутри того города к валу для крепости ставлены деревянные припалки… А в тот город призван осадчий черкашенин Семен Бронка. Он осадил попа

да черкас 5 семей. Да в том же городе для береженья оставлены на заставе Харьковского полку казаков 20 с переменою. В тот же город дано ис Харьковского полку знамя, пищаль затинная железная, 40 пулек железных, зелья полпуда… А делал тот городок и всякие крепости харьковский полковник Донец с казаками его полку…» [14, с.119-120; 17, ф.210, л. 895-896; 12, с. 127-129]. Известно, что жители Маяцкого городка отказались переселяться в новый городок-крепость, сославшись на то, что они живут за счет доставки дров на торские соляные промыслы. Потому был приглашен осадчий С.Бронка, котрому было поручено заселить этот новый городок. Свидетельства о первых поселенцах содержатся в выше приведенном документе. Сначала этот городок называли Казацкой Пристанью, которая находилась рядом или просто «Городок». В 1685 г., с образованием Изюмского слободского казачьего полка, «Городок», как и другие укрепленные поселения, которые сооружались во втор. пол. XVII в. в междуречье Северского Донца и Казённого Торца, были причислены к этому полку [14, с. 31].

Согласно данным ревизии, за первые 20 лет XVIII в. в этом городке поселились 42 семьи, из них: 16 – из Чугуева, по 4 – из Курска и Ливен, 3 – из Харькова, по две – из Донецкого, Нового Оскола и Хотмыжска, по одной – из Айдара, Белгорода, Валуек, Маяка, Новосилья, Полатова, Рыльска, Севска и Чернавска [14, л. 9; 17; 12, с.127-129].

В начале XVIII в., после большого половодья, которое причинило значительные убытки городку, его жители перешли на более безопасное место и стали называть своё новое поселение Райгородком. Под этим названием оно значится и сегодня в Славянском районе Донецкой области [14, с.29-31].

В дневнике научной экспедиции И.А. Гильденштедта 1774 г. указывалось, что в 10 верстах от Маяцкого Городка, вниз по Донцу, на правой его стороне, располагался Райгородок. Он был сооружен и укреплен, как и Маяки, заселенный украинцами, которые принадлежали Слободско-Украинской губернии» [14, с. 64].

О месте нахождения этого «Городка» также сообщал преосвященный Филарет (Гумилевский): «Райгородок – первоначально расположен был при усть р. Торца. Ещё доселе видны остатки бывшего вала и жильев; там же был храм. Орновский в своей похвальной поэме Захаржевским пишет: там, где была Казацкая пристань, Константин Захаржевский построил Райгород. За построение его Константину и Григорию прислана похвальная грамота от Царей Иоанна и Петра; это было в 1685 г. Разлив Донца вынудил перенесть и храм, и поселения жителей в другое место…» [18, с.162].

Фортификационных укреплений и других сооружений этого городка не сохранилось, но в двух километрах на юго-восток от современного поселка Райгородок, между левым берегом р. Казённый Торец и правым берегом р. Северский Донец, у слияния Торца с Донцом, находится местность, которую коренное население поселка называет «Козачей». Это место представляет собой заброшенную территорию, которая частично поросла лесом, частично бурьяном. Ранее эта территория распахивалась и засаживалась различными сельскохозяйственными культурами. Исследование этой территории проводила археологическая экспедиция Донецкого областного краеведческого музея, результаты которой подтвердили расположенные в устье р. Казённый Торец поселения XVII-XVIII вв. [7-10]. Вместе с тем, указанные исследования не преследовали цели обнаружения и фиксации остатков фортификационных сооружений земляного городка, а также локализации его на местности.

Согласно письменным источников во 2-й пол. XVII в. земляной городок в устье Тора был укрепленным погранично-сторожевым пунктом у брода через Донец, а также выполнял функции военно-оборонительного характера по защите солеварен на Торе.

Практически все планы городков-крепостей XVII в., которые находились в среднем течении Донца, не сохранились. Локализация этих укрепленных пунктов вызывает определенные трудности, так как информация об их расположении на местности расплывчата и не точна. Сохранившиеся их описания дают лишь общее представление о местонахождении, планировке и фортификационных сооружениях этих объектов.

Так, из описания городка у Казацкой Пристани следует, что он находился в пойме двух рек – Тора и Донца, о чем свидетельствуют карта-схема 1724-1729 гг. с обозначением месторасположения городка на полуострове между Торцом и Донцом (Рис. 2) и карта-схема 1738 г. (Рис. 3). На карте Генерального уездного плана Изюмского уезда Харьковской губернии 1786 г. (Рис. 4), а также картах Екатеринославской и Харьковской губерний 1863-1868 гг., имеется обозначение озера с названием «Старый Городок» (Рис. 5). Это же название присутствует на топографических картах 1939-1949 гг. (Рис. 6) и 80-х годов XX в. (Рис. 7). На картах XVIII в. городок показан то на полуострове, между Торцом и Донцом, то на правой стороне Торца. Результаты изучения имеющихся в нашем распоряжении карт со всей очевидностью показывают, что с конца XVIII в. до середины XIX в. русла рек Казенного Торца и Северского Донца изменили свою конфигурацию и в целом изменилась гидрологическая сетка данного региона.

Описание городка даёт некоторое представление о планировке, размерах, длине и высоте земляных и деревянных фортификационных сооружений, конструктивных особенностях укреплений [14, с.119-120]. Используя это описание и современные меры длины, мы приходим к выводу, что земляной городок имел форму квадрата с длиной каждой стороны в 94 м, без башен. Периметр сторон составлял около 376 м. Учитывая размеры деревянных четырехугольных проездных и угловых глухих башен Маяцкого городка [5, с. 80-81], можно сделать вывод, что проездные башни данного городка имели длину каждой стены около 6 м. Угловые деревянные башни представляли в плане квадрат с длиной каждой стены в 4 м. Что же касается размеров и формы земляной башни, то можно предположить, что она была диаметром не более 6-8 м.

Учитывая эти данные можно с уверенностью утверждать, что одна сторона крепости с проезжей башней и двумя угловыми башнями имела длину 108 м, другая сторона, с такой же проезжей башней, одной деревянной угловой башней и земляной башней была длиной не более 112 м. Стороны без проезжих башен имели соответственно длину 102 м и 106 м. Общий периметр стен с башнями предположительно составлял 508 м.

В описании городка имеется также информация о высоте и ширине валов, окружавших это поселение. Так, высота валов с гребнем *(деревянной конструкцией в виде частокола высотой не более 1,5 м по валу – прим. авторов)* составляла около 6,5 м. Ширина вала в его нижней части равнялась 7,5 м. Земляные и деревянные укрепления этого городка были окружены рвом, который имел глубину и ширину равную 6,5 м, через который, по всей видимости, у проезжих башен имелись деревянные мосты.

Учитывая все эти данные, авторы предлагают реконструкцию генерального плана этого земляного городка (Рис. 8).

Основываясь на сведениях письменных источников, можно сделать вывод, что земляной городок у Казачьей Пристани в устье Тора, судя по его местоположению и форме, отвечал древнерусской традиции, связанной с максимальным использованием рельефа местности. Для усиления его неприступности были использованы природные условия, т.е. городок находился непосредственно в пойме междуречья двух рек. Учитывая, что городок был расположен в низменности и был прикрыт лиственным лесом, это укрепленное поселение было практически невидимым для врага. Такое месторасположение укрепленных пунктов использовалось запорожскими казаками при возведении Сечей [13].

К сожалению, от укреплений этого городка не сохранилось каких-либо остатков. Об их конструктивном устройстве можно судить лишь по сведениям, сохранившимся в исторических документах. Так, письменные источники дают некоторое представление о строительных приёмах и облике деревянных четырехугольных проездных и угловых башен [11, рис. 8, 9, 88]. Высота глухой угловой башни не превышала 6 м, а высота такой же по форме проездной башни составляла около 15 м [11, с. 58]. В описании этого городка-крепости нет сведений о высоте башен и их конструктивных особенностях, поэтому при воспроизведении графической реконструкции облика и высоты башен мы использовали уже имеющуюся графическую реконструкцию башен Маяцкого городка-крепости [5, с. 93, рис.5]. Так, высота проездных башен городка в устье Тора, с учетом высоты валов с гребнем в 6,5 м, могла составлять около 9 м, а высота угловых башен не должна была быть ниже 6 м. На основании этих наблюдений нами были воспроизведены основные типы деревянных проездных и угловых башен этого городка (Рис. 9, 1, 2). Описание и графическая реконструкция деревянных башен Маяцкого городка-крепости и земляного городка у Казачьей Пристани, по всей видимости, имели одинаковые конструктивные особенности. Что касается графического воспроизведения земляной башни, то оно может быть только условным. Как нам кажется, земляная башня не должна была иметь диаметр меньше 8 м и высоту не ниже 8 м. Все эти данные позволили графически воспроизвести архитектурный облик указанного сооружения (Рис. 10). Реконструкция генплана и воссоздание облика этого городка, при всей условности и схематизме изображения, дают представление о типе самого укрепления, о его планировочной схеме и объёмно-пространственной композиции.

Выводы

Сопоставляя графическую реконструкцию городка с имеющимися в нашем распоряжении картами XVIII-XX вв. и результатами исследования указанной местности, можно сделать вывод, что земляной городок, сооруженный у Казацкой Пристани в устье Тора в 1684 г. и просуществовавший с конца XVII до пер. пол. XVIII вв., мог находиться на левом берегу современного русла р. Казенный Торец. Однако для окончательного решения задачи по локализации на местности этого сооружения необходимы дополнительные археологические исследования с целью обнаружения остатков его фортификационных сооружений (валов, рвов, фундаментов башен).

Археологическое изучение данного памятника поможет также конкретизировать размеры и формы отдельных сооружений, выявить их конструктивные особенности.

Резюме. *Давыденко В.В., Гаврилова А.Н., Зоря А.Н.Земляной городок конца XVII – первой половины XVIII вв. в устье Тора (исторические и археологические реалии)*

Колонизационная политика Московского государства в южном направлении в XVII в., прежде всего на Слобожанщине и пограничных территориях, проявилась в строительстве серии острожков и городков – крепостей. Одной из таких крепостей был земляной городок возле Казачьей Пристани в устье реки Тор, который был построен для защиты соляного промысла и коммуникаций от татарських набегов. Авторы рассматривают проблему локализации указаного земляного городка, а также его план и вид на основе карт-схем, топографических карт, исторических источников и результатов археологических исследований.

Ключевые слова: *историческая топография, соляной промысел, городки-крепости, земляная башня, археологические исследования, Тор, Северский Донец, татарские нападения,*

Резюме. *Давиденко В.В., Гаврилова О.М., Зоря О.М. Містечко-фортеця кінця XVII – першої половини XVIII ст. в гирлі Тора (історичні і археологічні реалії)*

Колонізаційна політика Московської держави в південному напрямку в XVII ст., перш за все на Слобожанщині і прикордонних територіях, проявилась у будівництві серії острожків и містечок-фортець. Однією з таких фортець було земляне містечко біля Козацької Пристані при гирлі Тору, яке було збудоване для захисту соляних промислів та комунікацій від татарських навал. Автори розглядають проблему локалізації вказаного земляного городка, а також його планування і вигляд на підставі карт-схем та топографічних карт, історичних джерел і результатів археологічних досліджень.

Ключові слова: *історична топографія, солеваріння, містечка-фортеці, земляна башта, археологічні дослідження, Тор, Сіверський Донець, татарські напади.*

Summary: *V.V. Davydenko, A.N. Gavrilova, A.N. Zorya. The earth town at the end of the XVII – the first half of the XVIII centuries in the Tor river estuary (historical and archeological realities)*

The southerly colonization policy of Moscow state in the XVII century, primarily in the County of Sloboda and borderlands, manifested itself in construction of a series of small stockaded and walled towns. One of such fortresses was the earth town near Cossack berthing place in the Tor river estuary that was built to protect the salt-works and communications against Tatar hit-and-run raids. The authors consider the problem of localization of the above earth town, its plan and view based on the schematic maps, topographical maps, historical source publications and the results of archeological researches.

Key words: *historical topography, salt-works, walled towns, earth tower, archeological researches, the Tor river, the Seversky Donets river, Tatar invasions.*

Литература и источники:

1. Акты Московского государства. – СПб.: Типография АН. Т.1. – 1890.
2. Голубєва І.В. Слобожанські житла черкаського типу з археологічних досліджень Цареборисівської фортеці // Святогірський альманах. Збірка наукових праць. – Донецьк: «Донбас», 2013. – С. 8-16.
3. Давиденко В.В. Торська укріплена лінія XVII століття на Середньому Дінці // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 19. – Донецьк, 2010. – С. 116-139.
4. Давыденко В.В., Гаврилова А.Н., Зоря А.Н. Торский и Маяцкий острожки середины XVII века (документальные свидетельства и археологические реалии) // Святогірський Альманах 2013. Збірка наукових праць. – Донецьк: «Донбас». 2013. – С. 20-25.
5. Давыденко В.В., Пирко В.А. Маяцкая крепость – первый укрепленный пограничносторожевой пункт XVII века (фортификация и планировка) // Святогірський альманах 2007. Збірник наукових праць. – Донецьк: «Донбас». 2007. – С. 76-95.
6. Давиденко В.В., Пірко В.О. Оборонні споруди XVII століття у межиріччі Сіверського Дінця і Тору // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. Т.18 – Донецьк: «Східний видавничий дім», 2007. – С. 19-43.
7. Кравченко Э.Е. Раскопки поселения «Казачья Пристань» на Северском Донце // Музейні засоби з народознавства. – Донецьк, 1998. – С. 21-24.
8. Кравченко Є.Е., Духин А.И. Керамические люльки и мелкая пластика поселения Казачья Пристань // Межэтнические культурные связи в Донбассе: История, этнография, культура – Донецк, 2000. – С. 147-161.
9. Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В. Изразцы поселения Казачья Пристань // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 40-44.
10. Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В. Изразцы XVII в. с поселений среднего течения Северского Донца // Проблеми археології та архітектури. В 2-х томах. Т. 1: «Археологія» – Донецьк-Макіївка, 2001. – С. 128-132.
11. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М, 1988.
12. Багалей Д. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московського государства XVI-XVIII вв. Т. 1. – Харьков: Тип. ун-та, 1886.
13. Мицик Ю.А., Плохій С.М., Стороженко І.С. Як козаки воювали. – Дніпропетровськ: Промінь, 1990. – 302 с.
14. Пірко В.О. Заселення Донеччини у XVI-XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). – Донецьк: «Східний видавничий дім», 2003. – 180 с.
15. Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI-XVIII вв. – Киев: УМК ВО, 1988. – 134 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве. – Ф. 350, оп. 2, д. 42, л.9.
17. РГАДА. – Ф. 210. оп.12, д. 1530, л. 894-896.
18. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 5. – Харьков, 1858.

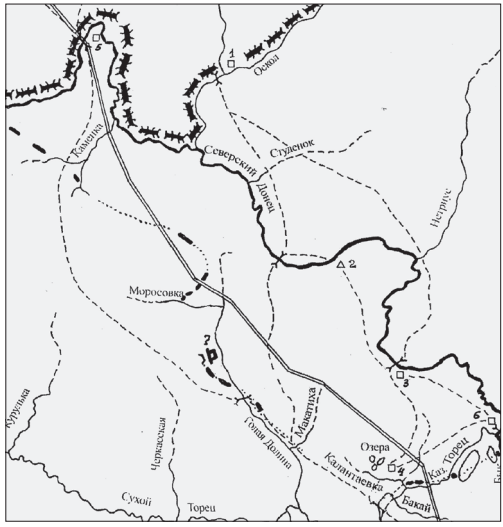


Рис. 1. Карта-схема расположения оборонительных сооружений XVI-XVII вв. в среднем течении Северского Донца:

1. Городок-крепость Царево-Борисов;
2. Святогорский монастырь;
3. Маяцкий городок-крепость;
4. Солёный (Тор) городок-крепость;
5. Городок-крепость Изюм;
6. Земляной городок в устье Тора (Рай Городок);
7. «Турецкий городок».

Условные обозначения:

–дороги XVII-XX вв.; – переправы и мосты;

–«Изюмская черта»; – сохранившиеся участки Торской укрепленной линии.

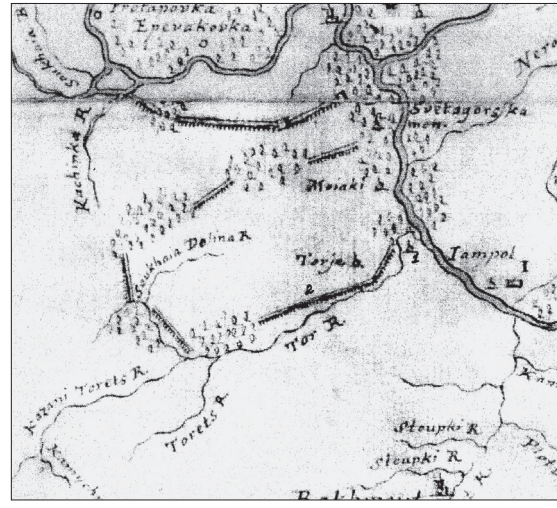


Рис. 2. Расположение земляного городка в устье р. Тор и вала Торской укрепленной линии по карте-схеме 1724-1729 годов.

Условные обозначения:

1. Земляной городок в устье р. Тор у Казачьей Пристани;
2. Участок Торской укрепленной линии.

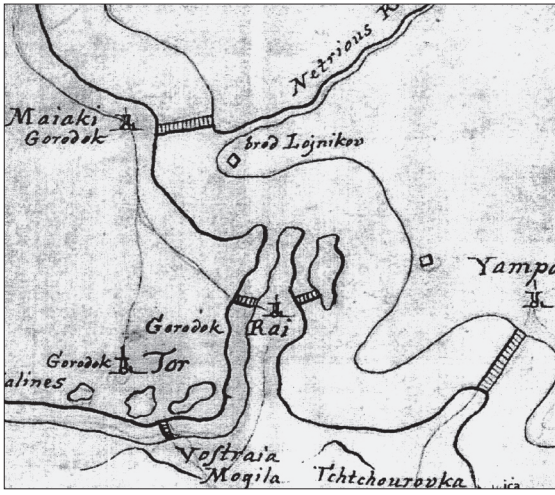


Рис. 3. Карта-схема 1738 г. с обозначением расположения городка (Рай Городка) в устье р. Казённого Торца.

Рис. 4. Русла рек Казённого Торца и Северского Донца по Генеральному уездному плану Изюмского уезда Харьковской губернии 1786 года. (Часть 2).

Условные обозначения:

– предполагаемое место расположения земляного городка в устье р. Казённый Торец.

Условные обозначения:

▣ – предполагаемое место расположения земляного городка
в устье р. Казённый Торец.

Рис. 5. Озеро «Старый городок» в устье р. Казённый Торец
по карте Екатеринославской и Харьковской губерний 1863-1868 годов.
(Ряд XXV, лист 16).

Рис. 6. Русла рек Казенного Торца и Северского Донца по топографической карте 1939-1949 годов, (раздел X 3971 (ВБ)).

Условные обозначения:

– предполагаемое место расположения земляного городка в устье р. Казённый Торец.

Рис. 7. Русла рек Казённого Торца и Северского Донца в устье Торца после сооружения канала «Северский Донец – Донбасс» по топографической карте 80-х годов XX в.

Условные обозначения:

– предполагаемое место расположения земляного городка в устье р. Казённый Торец.

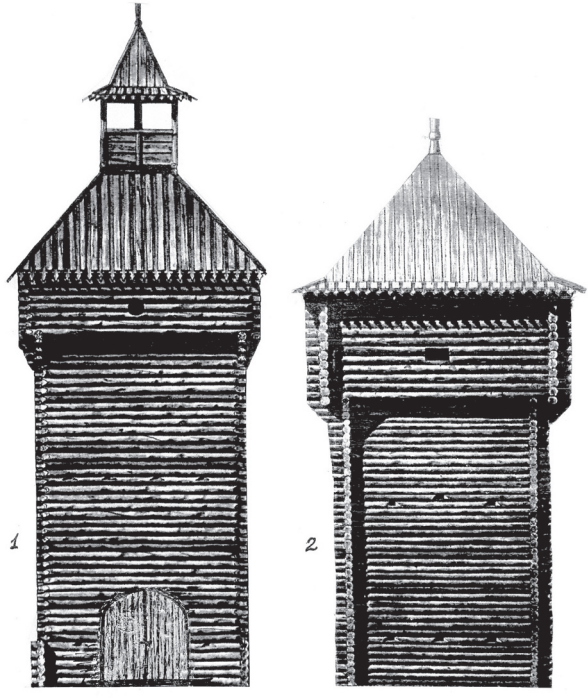


Рис. 8. Основные типы деревянных четырехугольных башен земляного городка XVII века в устье Тора у Казачьей Пристани. Реконструкция (графическое воспроизведение облика башен выполнено по работе Н.П. Крадина. 1988 г. С. 18, 19, 21):
1 – проездная башня с караульным чердаком и обламами;
2 – угловая глухая башня с обламом.

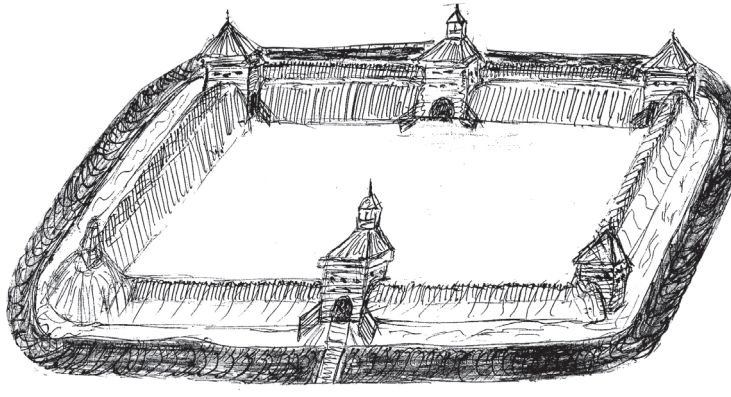


Рис. 9. Графическая реконструкция основных элементов фортификации земляного городка XVII в. в устье Тора у Казачьей Пристани. Авторы В.В. Давыденко и Э.Е. Кравченко.

Дедов В. Н.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СВЯТОГОРЬЯ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПОСТРОЕНИИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ СВЯТОГОРСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Вступление

Древняя история Святых Гор отражена в археологических памятниках материальной и духовной культуры, сохранившихся со времени заселения человеком Подонцовья в период палеолита (древнего каменного века). Вот уже более 100 лет на различных археологических объектах в зоне среднего течения Донца работают экспедиции учёных из Москвы, Киева, Харькова, Донецка, изучая древнейший период истории Святогорья и пополняя собрания различных музеев коллекциями находок. История исследования отдельных памятников археологии в границах территории среднего Подонцовья нашла освещение в литературе. Вместе с тем, обобщающей работы по истории археологических исследований указанного региона пока нет. В некотором смысле эту задачу решает настоящая статья в первой своей части.

Основной целью работы является изложение концепции построения музейной экспозиции на основе результатов археологических исследований с использованием фондовой археологической коллекции Святогорского историко-архитектурного заповедника. Экспозиция была создана в течение 2002-2005 годов в приспособленном помещении одного из корпусов архитектурного ансамбля Святогорского монастыря. Археологическая часть экспозиции, раскрывающая историческое прошлое Святых Гор, начиная с древнейших времён и заканчивая поздним средневековьем, занимает два зала исторического музея заповедника.

Археологические исследования Святогорья

Начало системных археологических исследований на указанной территории следует отнести к концу XIX – началу XX столетия, когда усилиями местных любителей древностей совместно с московскими учёными были проведены разведки и сборы археологического материала, произведены раскопки на отдельных памятниках, в частности курганных могильниках. Всплеск интереса к древностям Подонцовья и организация археологических исследований были связаны с подготовкой XII археологического съезда в Харькове. У истоков археологических исследований на территории Святогорского исторического ареала стоял священник В. Ф. Спесивцев, настоятель храма архангела Михаила в с. Райгородок. Он собрал коллекцию археологических артефактов периодов каменного века, средневековья, зафиксировал открытые им археологические памятники на местности, пригласил к проведению исследований археологов, в частности профессора Н. А. Федоровского, вёл переписку с профессором Харьковского университета Е. К. Рединым, принимал участие в экспедиции по Донцу известного российского археолога, академика В. А. Городцова. В. Ф. Спесивцев делает доклад о результатах исследований на XII археологическом съезде в 1902 году. Его сообщение «Находки в Райгородке» публикуется в трудах съезда [74, с.153-157]. Свою коллекцию находок священнослужитель-краевед передал в музей изящных искусств и древностей Харьковского университета [63, с.65-67]. Исследования

археологических памятников в Изюмском уезде Харьковской губернии, в том числе в пределах Святогорского исторического ареала были произведены в период подготовки XII археологического съезда В. А. Городцовым. Результаты исследований были представлены в докладах съезда, а сами артефакты представлены на выставке съезда и частично опубликованы в Альбоме выставки [1, с.5-6, рис.3,6]. В. Городцов провёл раскопки археологических памятников, начиная с периода каменного века и заканчивая казацким периодом. Особенно впечатляющими были результаты раскопок курганных захоронений в Святогорье эпохи меди-бронзы. Результаты его исследований были положены в основу классификации археологических культур и их периодизации.

В 20-30 гг. XX в. археологические исследования Святогорья напрямую связаны с именем известного украинского археолога, создателя двух довоенных краеведческих музеев – в Изюме и Святогорске – Николая Викентьевича Сибилёва. Исследованию жизненного пути и научного наследия этого неординарного учёного посвящена обширная литература. В последней трети XX в. – начале XXI в. опубликован ряд работ донецких и харьковских археологов, среди которых наиболее плодотворно работали с материалами Н. В. Сибилёва Д. С. Цвейбель, Ж. А. Кононенко, Е. В. Косикова, В. А. Косиков, С. И. Татаринов, К. Милкин, И. А. Снежко [36; 37; 56; 71; 72; 76; 80; 81]. Значительная часть литературы о Н. В. Сибилёве и судьбе его наследия, которая появилась в последние годы, связана с обнаружением в Святогорске части довоенной археологической коллекции учёного [14; 17; 19; 26; 73; 77; 88]. Неутомимая деятельность Н. В. Сибилёва по изучению древностей Подонцовья позволила ему открыть около 350 памятников археологии, часть из которых он успел описать в своих отчётах и дневниках. Благодаря им составлены археологические карты, в том числе карта археологических памятников Святогорского исторического ареала, экспонируемая ныне в историческом музее Святогорского заповедника (ил.1). «Святогорский» период научной и музейной деятельности Н. В. Сибилёва приходится на 1934-1941 годы, когда исследователь переезжает на постоянное место жительства в с.Банное (г. Святогорск), создаёт при Всеукраинском доме отдыха им. Артёма краеведческий музей, проводит разведки и раскопки археологических памятников в Подонцовье. Н.В.Сибилёв работает вначале консультантом музея, а затем научным сотрудником Института археологии АН Украины. Он был членом Московской секции Российской Академии истории материальной культуры, действительным членом Всеукраинского археологического комитета. Диапазон творческих интересов Н. В. Сибилёва был необычайно широк. Кроме хорошо известных в научном мире 4-х выпусков «Древностей Изюмщины» (1926, 1928, 1930) авторству Н. В. Сибилёва принадлежат «Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського» (1950), «Підсумки досліджень палеолітичних і неолітичних стоянок басейну р.Дінця (1944), «Городища, валы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда» (1923), Очерки по доистории и истории Изюмского края (1928), «Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднейшим культурам» (1930), «Микролитические стоянки в бассейне Донца» (1940) и др. [26,с.185]. Некоторые из вышеперечисленных изданий, в частности «Древности Изюмщины», «Городища, валы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда», с автографами автора экспонируются в историческом музее заповедника. Его труды, часть из которых так и осталась неопубликованными,

привлекали внимание крупнейших российских и украинских учёных, зарубежных специалистов. В адрес Святогорского музея в 30-х гг. XX в. приходили письма из Москвы и Киева (от академиков В. А. Городцова и П. П. Ефименко), из Польши (от археолога Л.Савицкого), из Англии (от профессора Г.Миннза). Учёные расспрашивали краеведа об его успехах, сокрушались, что не могут отправиться вместе с ним в разведку, просили прислать написанную им книгу, ставшую за короткое время библиографической редкостью (имеются в виду выпуски «Древности Изюмщины») [81, с.242]. Н. В. Сибилёв собрал огромное количество музейных экспонатов. Абсолютное большинство составляли кремневые изделия каменного века. В своём письме к В. А. Городцову, датированным февралём 1938 года, Н. В. Сибилёв предлагает академику ознакомиться с его собранием «макролитов и микролитов» и называет количество хранящихся у него вещей – 200 тыс. предметов [76, с.241]. К сожалению, большая часть научной коллекции Н. В. Сибилёва утрачена в период Великой Отечественной войны, однако небольшое собрание археологического материала объёмом 3 тыс. предметов, спрятанное Н. В. Сибилёвым на подворье исследовательской партии Института археологии АН УССР в Святогорске в 1942 году, было обнаружено осенью 2008 года. То, что это часть коллекции известного археолога, сомнений не вызывало, ибо большая часть предметов имела полевой шифр, в т.ч. с указанием фамилии исследователя. Частично эта коллекция показана в экспозиции музея заповедника. Здесь же экспонируется альбом фотографий 1936 года археолога В. М. Евсеева, в котором зафиксирована экспозиция довоенного краеведческого музея в Святогорском доме отдыха им.Артёма. Об истории создания музея, его структуре, музейном фонде, директором которого была С. Н. Одинцова, супруга Н. В. Сибилёва, учёный-краевед написал в одной из своих публикаций в журнале «Советская этнография» [69]. В период оккупации 1941-1942 гг. музей был разграблен. Часть экспонатов Н. В. Сибилёву удалось вернуть и подготовить к эвакуации. По свидетельству самого учёного, святогорские музейные материалы заняли 20 ящиков [81, с.250]. Весной 1943 года, после нескольких неудачных попыток переправить музейный и научный фонд через линию фронта, Н. В. Сибилёву всё же удалось эвакуировать часть музейного фонда в г.Уфу. Здесь он продолжал строить планы исследования Подонцовья после победы над фашистской Германией. Однако этим планам не дано было осуществиться. В августе 1943 года Н. В. Сибилёв скончался в возрасте 70 лет. В стенгазете АН УССР был помещён некролог памяти Н. В. Сибилёва, написанного членом-корр. АН УССР Л. М. Славиным, в котором, в частности, подчёркивалось, что деятельность Сибилёва – одна из блестящих страниц украинской археологии и краеведения. С. Н. Одинцова после смерти мужа сдала эвакуированные из г. Изюма и Святогорска экспонаты в музейный фонд г. Уфа (Башкирия), была уволена с должности директора уже несуществующего Святогорского музея и зачислена научным сотрудником в штат Института археологии АН Украины.

В послевоенный период археологические исследования на территории Святогорья были продолжены Институтом археологии АН Украины. С. Н. Одинцова, уже в качестве научного сотрудника Института археологии осуществляла неоднократные выезды на памятники Святогорья, о чём свидетельствуют её письма и публикации [62]. В декабре 1953 года в письме к своей подруге Т. В. Молчановой в с. Банное Софья Николаевна пишет: «Донец не заброшен и не будет заброшен. На него ссылаются,

его изучают. Телегин защитил диссертацию о Донце. В этом году наши сотрудники копали Бондариху… А я пишу сейчас (сохнут чернила) о Миньевском сосуде. Телегин пишет статью о Миньевской стоянке…» [61].

Исследования открытых Н. В. Сибилёвым археологических памятников периода каменного и бронзового веков, средневековых комплексов поселений, могильников, городищ – Теплинского (с. Богородичное), Святогорского, Татьяновского, Сидоровского, Маяцкого продолжили археологические экспедиции Института Археологии НАН Украины (рук. Телегин Д. Я., Кротова А. А.), Харьковского национального университета (рук. Михеев В. К.), Харьковского исторического музея (рук. Снежко И. А.) Донецкого национального университета (рук. Колесник А. В.), Восточно-украинского национального университета (рук. Санжаров С. Н.), Артёмовского краеведческого музея (рук. Татаринов С. Й), Донецкого областного краеведческого музея (рук. Дегерменджи С. Н., Кравченко Э. Е.), Донецкой средневековой экспедиции (рук. Швецов М. Л.) и др.

Последние 30 лет археологические исследования в среднем Подонцовье проводятся с участием Святогорского историко-архитектурного заповедника. Результаты исследований памятников археологии в границах обозначенного исторического ареала, начиная с эпохи древнего каменного века и заканчивая средневековым периодом (до конца XIVв.), изложены в отчётах, отложившихся в научном архиве Святогорского историко-архитектурного заповедника [11; 32; 33; 34; 51; 90; 91; 92]. Они же послужили источником для разработки научной концепции музея на тему «Историко-культурное наследие Святых Гор». Два первых экспозиционных зала музея раскрывают последовательно процесс исторического развития Святогорья с момента его заселения до XV века.

Археологические исследования в построении музейной экспозиции

Систематические археологические исследования памятников среднего течения Донца позволили не только составить карту древнейших археологических памятников Святогорья, но и выделить наиболее интересные объекты, изучение которых продолжается десятилетиями и которым посвящена обширная литература. К числу таких памятников раннего исторического периода в человеческой истории – палеолита (древнего каменного века) следует отнести многослойный памятник – урочище Миневский яр, находящееся на правом берегу Северского Донца, в самом центре Святогорской гряды, между с. Богородичное и Святогорском. Открытие этой стоянки каменного века относится к 1924 году, когда во время совместных разведок, предпринятых археологами П. П. Ефименко и Н. В. Сибилёвым, здесь были обнаружены позднепалеолитические находки. Исследования 30-х гг. Н. В. Сибилёва подтвердили нижнюю дату памятника, расширили его хронологические рамки и позволили сделать вывод о многослойности этой стоянки, которая функционировала в период всего каменного века. Кроме многочисленного кремневого материала, здесь были найдены такие интересные артефакты, как фрагменты остродонного лепного сосуда, костные останки благородного оленя, статуэтка из мела – свидетельство первобытной духовной культуры местного населения. К сожалению, последнюю Н. В. Сибилёву не удалось сохранить, она пропала в период войны в Изюмском музее [26, с.28-30]. В послевоенный период Миневская стоянка изучалась

киевскими археологами И. Ф. Левицким, Д. Я. Телегиным, а в 70-х гг. А. А. Кротовой и луганским археологом А. Ф. Гореликом [6]. Признание Миневского яра в качестве эталонного памятника периода каменного века определил его место в экспозиции исторического музея заповедника. Здесь создана небольшая диорама «Стоянка древнего человека в урочище Миневский Яр» работы засл. художника Украины В. Н. Краснова, представлены костные останки животного мира – бизона, мамонта, северного оленя, каменные орудия труда, лепной остродонный неолитический сосуд (ил.2).

Археологические исследования памятников периода каменного века в границах Святогорского исторического ареала не только позволили определить их местонахождение по сохранившимся картам и описаниям Н. В. Сибилёва, но и расширить их количественный состав [21, с.20-27; 24, с.32-40; 28, с.28-37]. Недалеко от Миневского яра, но уже на левом берегу Северского Донца, у с. Богородичное была обнаружена стоянка каменного века, исследования которой позволили отнести её к однотипной Миневскому яру [5, с.118-129]. На многослойном памятнике «Выдылыха» археологом А. В. Колесником были найдены каменные изделия периода каменного века, в основном кремень периода неолита. В результате проведенных исследований авторам удалось выявить новые памятники археологии периода каменного века в районе среднего Донца, сгруппировать их по функциональному назначению, типологии, культурным связям. В последние годы в районе Святых Гор активно исследуется такой тип памятников, как древние мастерские по обработке камня, созданные в местах выхода на поверхность конкреций качественного кремня - основного материала для изготовления каменных орудий труда [22, с.84-87; 23, с.182-186; 30, с.24-34; 31, с.201-210]. В районе Святогорья была выделена Ю. Г. Ковалем и А. В. Колесником «вислобалкинская» группа памятников финального палеолита, в которую вошли собственно Висла Балка у с.Сидорово, а также мастерские, поименованные по месту их нахождения, – Татьяновка 1, Святые Горы 1 или по летописным названиям (Шарукань – по определению Н. В. Сибилёва, летописный половецкий город Шарукань находился на Теплинском городище у с. Богородичное). Базовой мастерской по производству изделий из кремня определена Висла Балка, где было обнаружено более 17 000 предметов из высококачественного местного тёмно-серого кремня, остатков первичной обработки камня человеком. Эти материальные остатки свидетельствуют, что здесь в древности существовало специализированное производство – расщеплялся кремень с целью получения нуклеусов и пластин [3, с.142]. Три других названных пункта в границах Святогорского ареала являются, по определению исследователей, кратковременными мастерскими [21, с.24]. Находки из палеолитической мастерской Святые Горы 1 (близ памятника Артёму) переданы в фонд заповедника и экспонируются в разделе «Каменный век Святых Гор» исторического музея в качестве реконструкции фрагмента мастерской.

Из местного кремня изготовлены совершенные с технической и эстетической точки зрения каменные изделия, найденные в виде кладов, которые по предположению донецкого археолога А.В.Колесника могли служить не только орудиями труда, но и предметом обмена, т.е. универсальным товаром (своеобразным прообразом денег) в древнем сообществе охотников и рыболовов [27, с. 52-64; 29, с.22-35]. Один из таких кладов, найденных в Святогорском ареале (с. Татьяновка), представлен в экспозиции исторического музея (ил.3).

Если памятники каменного века в границах Святогорского исторического ареала представлены единичными пунктами, то последующая эпоха – меди-бронзы (IV-II тыс. до н.э.) насчитывает на порядок больше памятников, что говорит о быстром росте количества населения в Подонцовье и миграционных процессах. Эпоха революционных изменений в хозяйстве, переход к пашенному земледелию, одомашнивание животных и развитие скотоводства, открытие технологии выплавки металла – меди и бронзы были определяющими признаками эпохи меди – бронзы. Материальная культура племён бронзового века на территории Святогорья представлена в отдельном разделе экспозиции музея (ил.4). Археологами при исследовании памятников бронзового века Святогорья найдены формы для отливки орудий труда из бронзы и отходы литья. Особенно интересна группа памятников, характеризующая не только материальную, но и духовную культуру населения Святогорья в эпоху меди-бронзы, – курганные могильники. Курганы представляют собой крупную агломерацию памятников археологии закрытого типа с многочисленными захоронениями, к сожалению, зачастую ограбленными. Выявленные исследователями различные по форме и обустройству могилы в курганах позволили выделить отдельные археологические культуры, существовавшие в эпоху меди-бронзы: ямную (кон. IV – сер. III тыс. до н.э.), катакомбную (сер. III – нач. II тыс. до н.э.), срубную (XVI-XIII ст. до н.э.). Эта классификация памятников археологии эпохи меди-бронзы, предложенная В. А. Городцовым в нач. XX века, сохраняется в целом до настоящего времени. Большая группа памятников этого времени на территории Святогорья была выявлена разведками Н. В. Сибилёва, в результате которых был накоплен интересный археологический материал, часть из которого нашла своё место в экспозиции довоенного Святогорского краеведческого музея. Исследования курганов, поселений эпохи меди-бронзы Святогорского исторического ареала были продолжены современными исследователями. Так, в 1981 году экспедицией Донецкого областного общества охраны памятников истории и культуры под рук. С. Н. Санжарова было исследовано крупное поселение катакомбной культуры (сер. III – нач. II тыс. до н.э.) на территории г. Святогорска и курганный могильник близ памятника Артёму [65]. В 1995-1996 годах были проведены охранные исследования одного из самых крупных могильников эпохи меди-бронзы близ с.Богородичное (хут. Пасека), имевшего собственное имя среди местного населения, – «Проклята могила». Десятки захоронений – носителей ямной, катакомбной, срубной археологических культур свидетельствовали о почти тысячелетнем использовании кургана в качестве родовых усыпальниц местного населения, его верованиях, погребальных обрядах [38]. Материалы этих исследований были положены в основу реконструкции могильника в экспозиции исторического музея заповедника в виде разреза части кургана «Проклята могила» (ил.5). Захоронения племён ямной культуры осуществлялось в ямах прямоугольной формы, перекрытых деревянными плахами. Умершего клали в скорченном положении. Могилы, как правило, сопровождались инвентарём: сосудами, изделиями из камня, костными останками жертвенных животных.

Погребения представителей племён катакомбной культуры отличает форма могилы в виде катакомбы, в которую ведёт вертикальная шахта. Вход в погребальную камеру, как правило, закрывался деревянными колодами. Могилы в большинстве своём посыпаны земляной краской охрой – символ огня при очищении могилы при пере-

ходе человека в загробный мир. Кроме охры дно катакомбы часто отсыпалось меловой крошкой. Умерших хоронили в скорченном виде, у головы клали сосуд, жаровню, кремень, иногда украшения. Керамику племён катакомбной культуры отличает богатство орнаментации, прежде всего характерные концентрические круги, нанесенные жгутом. Рядом с могилами зачастую археологи находят тризну с остатками костей животных, принесенных в жертву. Могилы представителей племён срубной культуры отличаются «отделкой» стен досками. Инвентарь в захоронениях «срубников» тотже – сосуды, или их развалы, жаровни, кремневые и костяные орудия труда и др. Как правило инвентарь различен в женских и мужских погребениях, что связано с родом занятий при жизни. Часто курганы служили святилищами, где отправлялись обряды, связанными с культом предков. Результаты исследования конкретных памятников эпохи меди-бронзы в границах Святогорского исторического ареала, их классификация, характеристика находок освящены в публикациях специалистов по указанному периоду [18, с.47-51; 55, с.223-228; 82, с.253-271].

Поселения катакомбной и срубной культур обнаружены на песчаных надпойменных террасах на всём протяжении среднего течения Донца. Они имели уже жилища, созданные из дерева, камыша, дёрна. Ремёсла этого периода кроме древней металлургии представлены ткачеством, гончарством. В районе Святогорска был обнаружен большой керамический сосуд, предположительно для хранения зерна. Каменные серпы наряду с бронзовыми использовались при уборки урожая. Об искусстве обработки камня в этот период свидетельствуют шлифованные и просверленные топоры. Среди изделий из бронзы этого периода обращает на себя внимание бронзовый серп. Зерно растирали на каменных зернотёрках. На поселениях и в захоронениях периода бронзового века, как правило, присутствуют предметы из кости.

В I тыс. до н.э. начался период в истории, именуемый железным веком. Основным его признаком является освоение производства железа и, как следствие, революционные изменения в экономике и общественной жизни родоплеменных образований. Этот период совпал по времени с приходом в придонецкие степи ираноязычных скифов (VII ст. до н.э.). Их основным занятием было кочевое скотоводство, поэтому скифских оседлых поселений в Святогорском ареале не выявлено, хотя следы их пребывания фиксируются отдельными находками, прежде всего бронзовыми стрелами. К скифскому времени специалисты относят керамические изделия, среди которых обращает на себя внимание сосуд с ручкой в форме собаки. В течение пяти столетий скифы были безраздельными хозяевами придонецких степей, пока в III столетии до н.э. сюда не мигрировали родственные ираноязычные племена сарматов. Последние, как и скифы, досконально владели военным искусством и оставили после себя на территории Святогорского исторического ареала предметы вооружения. Практически полностью сохранившийся сосуд скифо-сарматского периода был найден во время раскопок Святогорского городища в основании защитного вала. Следы поселений сарматов в период нашествия тюркской орды гуннов фиксируются и раскопками на территории Святогорска [79,с.69-74].

Одну из самых многочисленных групп сарматского племенного объединения составляли аланы (предки современных осетин), которые приняли самое активное участие в формировании салтово-маяцкой культуры и дали современное название реке Донец (с аланского – малая вода). Северским река Донец стала именоваться по названию

славянских племён северян, занимавших в период средневековья территорию в верховьях Донца. Следы племенного объединения протославян обнаружены и в среднем течении Донца. С IV в. н.э начался период в истории, получивший название «великого переселения народов», в коловороте которого оказались племена так называемой пеньковской археологической культуры, памятники которой зафиксированы на территории Святогорья [34; 64].

Часть исследователей соотносит «пеньковцев» с протославянами – антами. По их определению, «анты – одна из диалектно-культурных групп славянства, сформировавшаяся в позднеримское время в условиях славяно-иранского симбиоза. В период переселения народов значительная часть антских племён мигрировала в балкано-дунайские земли, где участвовала в этногенезе дунайских сербов и хорватов, поэльбских сербов, болгар и др.» [68, с.21]. «Пеньковцы» осваивали и территорию Святогорья по обеим берегам Донца в IV-VII ст. н.э. Наиболее исследованными являются поселения в районе с. Богородичное – Выдылыха (правый берег реки Донца) и «Старица» (левобережье). Последнее было основано на месте старого русла Донца. Жилища были наземные или полуземлянки в виде юрт или прямоугольных в плане срубов. Реконструкция такого поселения на памятнике «Старица» осуществлена М. Л. Швецовым на основе археологических исследований памятника. Интересным представляется наличие в центре поселения языческого святилища [89, с.37.] Обитатели «Старицы» занимались земледелием, скотоводством, рыболовством. Отличительные черты имеет керамика «пеньковцев», особенно вотивные сосудики. Весьма характерны и украшения «пеньковцев», которые несут в себе информацию о духовной культуре протославян. К кругу древностей пеньковской культуры археологи относят и находку в ур. Выдылыха пальчатой фибулы [9, с.19-22]. Знакомые с выплавкой цветного металла, «пеньковцы» в то же время овладели технологией выплавки железа. Следы металлургического производства были обнаружены во время экспедиции на поселении «Выдылыха» под рук. А. В. Колесника. Коллекция шлаков и крицы из этого памятника бала передана в фонды заповедника и была исследована специалистами. Исследования шлаков и керамики с железосодержащей корочкой позволили установить, что здесь применялся тигельный (горшечный) способ выплавки металла и, возможно, сыродутный способ [20, с.12-19]. На «пеньковском» поселении «Старица» в этот же период существовал ещё один металлургический центр. Здесь применялись две технологии выплавки металла: в горнах (печах) и в горшках (тиглях). На самом поселении обнаружены места залегания железистого песчаника, сырья для получения металла [35]. Небольшая коллекция железных предметов из святогорских поселений «пеньковцев» представлена в экспозиции музея (ил.6).

Постоянный интерес ученых вызывают средневековые городища в среднем течении Донца, относящиеся к периоду господства Хазарского каганата (VIII-X вв.). Эти укреплённые поселения в большинстве своём топографически расположены на вершинах Святогорской меловой гряды на правом берегу Донца от с. Богородичное (Теплинское городище) до с. Маяки (Царино городище). В эту же агломерацию своеобразных средневековых городов входило и уничтоженное новостройками Райгородское городище при впадении р. Казённый Торец в Донец. Между Теплинским и Маяцким городищами на правом берегу Донца расположены ещё три городища салтово-маяцкой культуры – Святогорское, Татьяновское, Сидоровское. Наиболее

изученным считается городище у с.Маяки. Систематическим исследованиям в последние годы подвергался археологический комплекс у с. Сидорово. Эпизодически велись разведки и раскопки на Теплинском и Святогорском городищах. Указанные памятники отнесены учёными к салтово-маяцкой археологической культуре VIII-X веков, этническими носителями которой считаются средневековые аланы и болгары. В литературе утвердилось мнение, что на городищах среднего течения Донца бытовал болгарский вариант салтово-маяцкой культуры [12,с.20-31; 25; 40; 41,с.12-25; 43,с.208-222; 44, с.41-58; 45; 47,с.39-47; 48; 49, с.37-48; 50, с.50-58; 57; 75,с.26-54]. Вместе с тем, антропологические исследовани показали неоднородность в самой среде болгаро-аланского населения на территории среднего Подонцовья [25, с.23-41]. Салтово-маяцкой культуре посвящён раздел экспозиции исторического музея заповедника, в котором отдельно выделены такие темы железоделательного производства, гончарного ремесла, культуры и верований носителей салтово-маяцкой культуры. Основой экономики населения средневековых городищ были пашенное земледелие и скотоводство. Опыт «металлургов» пеньковской культуры был развит населеним городищ, создавших своеобразные ремесленные центры. Комплекс железных вещей из Сидоровского и Маяцкого городищ представлен в экспозиции разнообразными земледельческими орудиями труда, предметами быта, ремесленными орудиями. О развитии такого ремесла, как ткачество, говорит коллекция пряслиц. Самостоятельной отраслью ремесленного производства стало гончарство. Поражает разнообразие форм глиняной посуды и её специализация. Исследователями выделяются такие группы керамики, как столовая, кухонная, тарная посуда, культовые (погребальне) сосуды. Последние использовались в ритуальных обрядах и погребались вместе с умершим в ямах. Для болгарського варианта салтово-маяцкой культуры характерны ямные погребения в отличие от аланского варианта, где преобладают катакомбы. Многочисленные находки амулетов, подвесок и других предметов сакрального характера, например, бронзовой фигурки «уродца», свидетельствуют о языческих верованиях в среде средневекового населения Святогорья. Так, по предположению исследователей, двуликая бронзовая статуэтка, экспонирующаяся в музее, использовалась в родовом святилище одного из тюркских племён в период VII- XI вв. [7, с.16-19, ил.78].

Редкой находкой, характеризующей мировоззрение населения Святых Гор в средние века, является костяной реликварий с выгравированными рисунками и знаками. Экспонат найден при раскопках на поселении Выдылыха в заполнении хозяйственной ямы №3. Исследователи этого редкого изделия из оленьего рога предполагают, что на флаконе нанесены сюжеты битвы и гибели воина. Не исключено, что некоторые из нанесенных знаков имели магический смисл. Вариант интерпретации сюжета предложен авторами в публикации, посвящённой этому предмету [10, с.7-23]. Ещё один костяной реликварий хазарского времени с выгравированным на нём замысловатым сюжетом был найден на памятнике Царино городище у с. Маяки и входит в настоящее время в собрание Славянского краеведческого музея. Обращают на себя внимание и разнообразные украшения населения салтово-маяцкой культуры, часть из которых также несёт в себе символику, характерную для языческих представлений носителей этой культуры. К числу таких предметов относятся разнообразные перстни, часть из которых украшена вставками из камня или стекла, часть – с изображениями зна-

ков (солярным знаком – свастики; символом бесконечности – вращающемся колесом). Существенный процент находок на салтовских городищах составляют амулеты и подвески, пряжки, в том числе с зооморфными изображениями, бусы и вставки, астрагалы (игральные кости) (ил.7).

В X в. Хазарский каганат теряет былую мощь и распадается под ударами кочевников и Руси. С распадом каганата исчезает и салтово-маяцкая археологическая культура, хотя местное оседлое население продолжает жить на отдельных городищах и близлежащих пунктах Подонцовья. Конфессиональная принадлежность в среде смешанного степного населения становится вариабельной ещё в период господства каганата. Прежде всего, на основании исследования могильников у городищ среднего течения Донца отмечается распространение в среде местного населения мусульманской религии и христианства [42, с.36-48; 52]. Исследование крупного могильника в 1997 году у с.Сидорово, в непосредственной близости от Сидоровского городища, позволило предположить существование мусульманськой обрядности здесь уже в IX веке. Формой погребального сооружения является в абсолютном большинстве неглубокая яма с заплечиками, в которой находится, как правило, безынвентарное погребение с ориентацией лицом на Кыблу, правда, с некоторым отклонением к северу [42, с. 39]. По мнению исследователей, распространение мусульманства в местной общине связано с развитием торговых связей со Средней Азией, когда вместе с хорезмийскими купцами на данную территорию проникал ислам. О торговых связях и караванных путях, проходящих через территорию Святогорья свидетельствуют монеты, датируемые VII-IX веками. Так, на городище Царино найдены серебряные монеты Арабского халифата – драхмы и дирхемы VII-VIII вв. Этнический состав ранних мусульман Сидоровского городища малоисследован вследствие отсутствия работ по антропологии. Большинство авторов склоняются к протоболгарскому этническому носителю раннемусульманской религии [42, с. 37].

О свидетельствах средневекового христианского населения в Подонцовье писалось неоднократно [46, с.323-325; 53]. По мнению авторов, первые небольшие христианские общины имели место в Подонцовье уже в IX веке. Основанием для такого предположения служат могильники городища Царино (у с. Маяки), среди которых выделены безинвентарные захоронения с положением покойника, соответствующим христианской обрядности. Умерших хоронили вытянуто на спине с ориентацией головой на запад. Вместе с тем, предметов христианского культа в погребениях не выявлено [46, с.323]. Некоторые археологические находки, происходящие из городища Царино, свидетельствуют о следах христианского населения в этот период. К таким предметам исследователи относят форму для отливки змеевика с крестом, а также стеклянную вставку, на которой предположительно изображён св. Георгий Победоносец [84, с.56; 85, с.49]. Если местонахождение первой находки в настоящее время неизвестно, то вторая экспонируется в историческом музее Святогорского заповедника. Средневековый мастер выгравировал всадника на коне, держащего в правой руке копьё, завершающееся крестом, а в левой – щит. По мнению исследователей, здесь нашла отражение ранняя средневековая иконография изображения св. Георгия поражающего Змия. На Сидоровском городище был обнаружен крест того же приблизительно времени и имеющего аналогии в Крыму [46, с.323]. Выше названные археологические комплексы городищ хазарского времени не единственные памятни-

ки этого периода. В границах Святогорского исторического ареала в последние годы обнаружены необычные скопления артефактов в виде кладов железных предметов, в большинстве своём земледельческого характера [12, с.20-31], а также отдельные (случайные) находки, происхождение которых ещё не совсем ясно. Так, например, в собрание Святогорского заповедника поступила небольшая (8 см в диаметре) медная чаша в форме пиалы со сложным мифологическим сюжетом. Предмет был найден во время строительных работ на территории с.Татьяновка, недалеко от городища Хазарского времени. Внутренняя и внешняя поверхность чаши украшена медальонами с зоо- и антропоморфными фигурами на фоне богатого растительного орнамента. Средневековый мастер в характерном для изделий художественного ремесла сасанидского Ирана и в стилистике среднеазиатского (согдийского) искусства изобразил в медальонах гепарда, газелей (внешняя сторона), терзающего газель льва, погрудные изображения людей и мифических существ (или людей в масках). Гипотетическая интерпретация этих сюжетов содержится в специальном исследовании, посвящённом этой находке [8, с.7-11]. В средневековом разделе экспозиции музея Святогорского заповедника предложен не только сам предмет средневекового искусства, но графическая развёртка его изображений (ил. 8).

Исследования последних лет средневековых городищ в Святогорском историческом ареале показали, что несмотря на их гибель во II пол. X века и исчезновение с исторической арены салтово-маяцкой культуры, хронологические рамки некоторых из них, в частности у с.Маяки, следует расширить до XIV века включительно, выделив культурный слой половецкого времени XI-XIII вв. и периода Золотой Орды XIII-XIV вв.

Культура кочевников придонецкой степи – печенегов, торков, половцев (X-XIII вв.) исследована ещё недостаточно. Вместе с тем, находки из кочевнических погребений и культурного слоя некоторых средневековых памятников Подонцовья свидетельствуют об особенностях хозяйственной деятельности и культуре кочевых племён, устроивших здесь свои кочевья и могильники. Наиболее заметный след в Подонцовье оставили Шаруканиды – летописный половецкий хан Шарукан и его потомки. Известные по летописям XII века половецкие города по Донцу – Сугров, Шарукань, Балин имели оседлое, возможно ясское (по летописям) население, но тоже подчинённое половцам. Местоположение этих городов пока что не установлено. Поиску этих памятников посвящена обширная литература, выдвинуты различные версии об их местонахождении, среди которых своё место занимает гипотеза Н. В. Сибилёва об отождествлении этих городов с Теплинским (Шарукань), Сидоровским (Сугров) и Маяцким (Балин) городищами. Однако до настоящего времени ни одна из гипотез не считается достаточно аргументированной, и местонахождение этих летописных городов остаётся не установленным. В последнее время к разрешению множества вопросов проблематики летописных городов в половецкой степи предлагается присовокупить в качестве специфического вида источников сакральные тексты, вплетённые в исторические летописные повествования о походах в Половецкую степь древнерусских князей в начале XII века [13, с.62-97]. Вместе с тем, наиболее доказательными в исследовании половецкой тематики остаются археологические методы исследования. В разделе экспозиции музея представлены такие находки, как половецкое оружие и снаряжение, бытовые предметы (ил.9). Неким своеобразным символом социальной верхушки в

половецком обществе считался бронзовый котёл. В экспозиции представлен кочевнический котёл из собрания Славянского краеведческого музея. Признанным памятником половецкой культуры являются каменные изваяния, некогда возвышавшиеся над курганами вдоль дорог. Статуи изображали умерших воинов или родоначальников половецких родов со сложенными на животе руками и ритуальным сосудом. Они выполняли роль святилищ, к их подножию приносилась жертва, совершались ритуалы, связанные с загробной жизнью. Культ предков, выраженный в мужских и женских статуях, получивших название «каменные бабы», – наиболее яркая черта верований этих воинственных тюркоязычных племён, растворившихся в коловороте истории.

В русских летописях немало рассказов о непростых взаимоотношениях древнерусских земель, прежде всего переяславской, черниговской, киевской, с половецкой степью. Летописец повествует о набегах половецких орд и разорениях русских земель, о походах древнерусских дружин в степь, о торговых путях и династических браках между князьями русскими и ханами половецкими, об угнанном в плен населении и выведенных из степи на рубежи Киевской Руси половцах. Где-то недалеко, в земле половецкой, тяжелым поражением обернулся поход князя Новгород-Северского Игоря, воспетый в литературном памятнике XII в. «Слово о полку Игоревом». По одной из версий, выдвинутой ещё в довоенный период Н. В. Сибилёвым и опубликованной в 1950 году (статья «Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського»), сражение дружины князя Игоря с половцами произошло недалеко от Святых Гор, о чём по его мнению красноречиво свидетельствовали обнаруженные им археологические находки. Поэма вдохновила на творчество талантливого донецкого художника Г. В. Жукова, который создал целую серию скульптур героев литературного памятника и художественных полотен. Триптих «Слово о полку Игоревом» является центральным произведением этой серии. Эстетика этого современного живописного прочтения «Слова…» полностью отвечает эстетике оформления древнерусского периода истории Святых Гор в экспозиции музея и органически вписано в его экспозиционный ряд (ил.10). В единый тематический ряд с живописью вписана портретная галерея героев «Слова…», скульптурная композиция «Боян» с рельефом на камне «Слово о полку Игоревом», «Князь Игорь с дружиной, «Русичи», «Русич». Этот визуальный ряд поддерживается единичными археологическими находками древнерусского происхождения периода X-XII вв., состоящего преимущественно из предметов вооружения. О находках подобного рода в районе Святогорского исторического ареала неоднократно информировали В. Спесивцев, Н. В. Сибилёв. Единичные предметы древнерусского оружия и доспехов – те немногие из находок, которые удалось сохранить из древнерусской коллекции Н. В. Сибилёва. Рукоять древнерусского меча вызывает особый интерес у исследователей [16, с.262-263]. Доспехи и оружие тысячелетней давности напоминают современникам о славных походах великих князей киевских Святослава на хазар в X в., Владимира Мономаха и его сына Ярополка на половцев в XII в. Витражи в разделе экспозиции музея, посвящённой этому периоду в истории Святогорья, воспроизводят портретные изображения великих князей Киевских св. Владимира Крестителя, Владимира Мономаха, Ярополка Владимировича. Витражи стали неотъемлемым элементом художественного оформления средневековой экспозиции музея.

В последние годы активно работает над темой древнерусских следов в Среднем Подонцовье группа исследователей под рук. А. В. Шамрая из г.Славянска [84, с.56-60; 85, с.49-54; 86, с.65-69; 87, с.55-60; 87а, с.69-74]. Исследователями собрана приличная коллекция древнерусских крестов, крестов-энколпионов (мощевиков). Несомненный интерес имеет и другая группа случайных находок древнерусского происхождения, опубликованная в последнее время. Прежде всего, это свинцовые печати Вел. князя Киевского Изяслава Мстиславича (1097-1154), подражание милиарисию византийскому Тмутараканского княжества Мстислава Владимировича (1015-1034), наконечник ножен меча и кистень.

В XIII веке господству половцев в придонецких степях положен конец нашествием воинственных монголов. В 1223 году на берегах речки Калки объединённое русско-половецкое войско потерпело сокрушительное поражение от монголо-татар под началом полководцев Чингиз-хана – Джебе и Субедея. В экспозиции музея представлена карта военных походов XII-XIII веков, проходивших через территорию Подонцовья. Облик завоевателей отразил в своих работах Г. В. Жуков. Часть его скульптурных композиций о монголо-татарах нашла отражение в экспозиции по истории средневекового Святогорья.

Теме хозяйственной деятельности и культуре местного населения в период господства Золотой Орды посвящён отдельный раздел экспозиции (ил.11). Коллекции разнообразных находок из слоя XIII-XIV вв. городища Царино (с.Маяки) и других пунктов среднего течения Донца красноречиво свидетельствуют о высоком уровне экономического развития золотоордынских городов, вплоть до овладения технологией чугунолитейного производства. В экспозиции музея представлены такие группы находок, как земледельческие орудия труда, комплект инструментов ремесленника – ювелира, рыболовные снасти. О развитии торговых связей в этот период свидетельствуют многочисленные монеты золотоордынских правителей, найденные на городище Царино, среди которых наиболее многочисленной группой являются медные монеты золотоордынских ханов второй половины XIV в. Нередки находки и серебряных золотоордынских монет, как, например, клад дирхемов Узбек-хана 80-х гг. XIV в. Своеобразием отличается керамический комплекс, представленный в экспозиции кувшином, жбаном, трёхручечным сосудом, кальяном. Особый интерес представляет керамика с разнообразными клеймами, которые, по мнению исследователей, имеют сходство с буквами греческого алфавита, что в свою очередь может свидетельствовать о православном вероисповедании местного населения [53, с.71; 46, с.324]. Часть находок, несомненно, христианского культа, происходящие из городища Царино золотоордынского времени были обнаружены в 70-90-х гг. XX века. Медный позолоченный медальон с изображением св. Николая выполнен в технике перегородчатой эмали. Вероятнее всего, это деталь (дробница) парадного облачения православного священнослужителя высокого ранга [4, с.255]. По мнению исследователей, медальон близок к эмалям южнорусской (киевской) группы, но, в то же время, имеет аналогии этого периода в находках культурного слоя XIV века в Новгороде (пластина со св. Георгием) [53, с.70-79, ил.136]. К новгородской школе относится и редкий образец древнерусской пластики XIV века – шиферная резная иконка «Св. Николай и семь спящих отроков эфесских». Последняя экспонируется в историческом

музее заповедника вместе с другими находками христианского культа, найденными на городище Царино (у с. Маяки) и неоднократно привлекала внимание исследователей [15, с.93-102; 83, с.67-70]. Несмотря на популярность сюжета, восходящего к византийской традиции, резная иконка «Св. Николай и семь спящих отроков эфесских» весьма редка, исчисляется единичными экземплярами на постсоветском пространстве и является единственным экземпляром односторонней каменной резной иконки на указанный сюжет в Украине [15, с.98]. Присутствие на городище Царино таких находок, как фрагменты священнического облачения (дробница с образом св. Николая) и резной иконки «Св. Николай и семь спящих отроков эфесских», свидетельствует об очень распространённом в средние века культе св. Николая Мирликийского. Появление таких редких экспонатов в Святогорском историческом ареале может иметь множество гипотез: от предположения о наличии в XIII-XIV вв. большой христианской общины, духовные потребности которой обслуживали представители духовенства высокого ранга [4, с.256; 46, с.324; 53, с.77] до драматической судьбы подневольного христианского населения в Золотой Орде [83, с.69]. Вместе с тем обращает на себя внимание, что многолетние археологические исследования на городище Царино пока что не дали материала о наличии здесь христианского храма, христианских находок в непереотложенном культурном слое или культовых предметов в закрытых комплексах (захоронениях). Этот факт делает преждевременным вывод о наличии «большой христианской общины», проживающей на Маяцком городище и высоком ранге священства здесь. Не меньше оснований предполагать появление таких случайных находок вследствие упадка золотоордынских городов, разорения и грабежах торговых факторий и караванных путей. Территория, подвластная золотоордынскому хану Тохтамышу, терпит ужасные опустошения от среднеазиатского правителя Тимура (Тамерлана). Прямыми доказательствами разрушительных последствий этого являются раскопки неукреплённых поселений на берегу Донца у с. Маяки, произведённые в 2005 году экспедицией под рук. Э. Е. Кравченко [46, с.324]. К началу XV века население городищ Подонцовья и прилегающих населённых пунктов (селищ) практически полностью исчезает, торговые пути остаются без обслуживания и защиты. Купцы подвергаются грабежам. Косвенным подтверждением этому являются некоторые находки, в настоящее время утраченные, но сохранившиеся в записях и фотофиксации Н. В. Сибилёва. Так, в составе экспозиции довоенного музея экспонировался патент (знак) 1400 года иностранных купцов на торговлю в Новгороде.

К этому же времени (XIII-XIV вв.) относится ещё одна уникальная находка из Святогорского исторического ареала (с. Студенок) – западноевропейский бронзовый водолей в виде рыцаря с девой на могучем коне из собрания Славянского краеведческого музея [2, с.228-235]. По мнению некоторых исследователей, мастер из Нижней Саксонии воплотил в водолее героев романтической средневековой легенды «Тристан и Изольда» [93, с.323-337.]. Сам водолей имеет некоторые утраты, которые лишают посетителя возможности увидеть уникальный предмет в первоначальном облике. Проведенные исследования позволили гипотетически воссоздать первоначальный облик произведения средневекового искусства и представить реконструкцию водолея в экспозиции исторического музея Святогорского заповедника (ил.12).

Выводы

Таким образом, исследованные древности Святогорья позволяют сделать вывод о концентрации в этом историко-культурном ареале археологических памятников практически всех хронологических периодов, начиная от каменного века и заканчивая различными этнокультурными общностями позволили выстроить линию непрерывного поступательного развития Святогорского исторического ареала, собрать значительные музейные коллекции и представить их в экспозициях различных музеев Донецкой и Харьковской областей. В музее «Историко-культурное наследие Святых Гор» Святогорского историко-архитектурного заповедника реализована концепция комплексного использования результатов археологических исследований на основе собранной в течение четверти века (1981-2005) коллекции археологических материалов. Здесь последовательно представлены все хронологические этапы исторического развития человечества на основе археологических культур, созданных этно-культурными общностями, населявшими территорию Подонцовья.

Резюме*: Дедов В.Н. Археологические исследования Святогорья и их использование в построении музейной экспозиции Святогорского заповедника*

Статья посвящена истории археологических исследований памятников (стоянок, мастерских, поселений, могильников, городищ) на территории Святогорья (среднее Подонцовье), начиная с периода палеолита и заканчивая поздним средневековьем. Показаны результаты исследований наиболее известных памятников, экспедиций, исследователей. Особое внимание уделено результатам деятельности археолога Н. В. Сибилёва. В статье освещены вопросы использования результатов археологических исследований в построении экспозиции археологических залов исторического музея Святогорского заповедника. Представлены все хронологические этапы поступательного развития хозяйственной и духовной жизни этно-культурных общностей, населявших Святогорье. Каждый хронологический этап исторического прошлого Святых Гор проиллюстрирован комплексами археологического материала из исследованных памятников и отдельными экспонатами.

Ключевые слова: *Святогорье, Подонцовье, археологические исследования, памятники археологии, музейная экспозиция, каменный век, эпоха меди - бронзы, скифы, сарматы, пеньковская культура, салтово-маяцкая культура, половецкая степь, Киевская Русь, золотоордынские памятники.*

Резюме*: Дєдов В.М. Археологічні дослідження Святогір'я і їх використання в побудові музейної експозиції Святогірського заповідника.*

Стаття присвячена історії археологічних досліджень пам'яток (стоянок, майстерень, поселень, могильників, городищ) на території Святогір'я (середнє Подінців'я), починаючи з періоду палеоліта і закінчуючи пізнім середньовіччям. Надані результати досліджень найвідоміших пам'яток, експедицій,дослідників. Особлива увага приділена діяльності археолога М.В.Сібільова. В статті розглянуті питання використання результатів археологічних досліджень в побудові експозиції археологічних залів історичного музею Святогірського заповідника. Представлені всі хронологічні етапи поступального розвитку господарського та духовного жит-

тя етно-культурних спільностей, що перебували на території Святогір'я. Кожний хронологічний етап історичного минулого Святих Гір проілюстрований комплексами археологічного матеріалу і окремими експонатами.

Ключові слова: *Святогір'я, Подінців'я, археологічні дослідження, пам'ятники археології, музейна експозиція,кам'яний вік, епоха міді-бронзи, скіфи, сармати, пеньківська культура, салтово-маяцька культура, половецький степ, Київська Русь, золотоординськи пам'ятки.*

Summary.

V.N. Dedov. Archeological researches of Sviatogorsk area and their use in design of the museum exposition in the Sviatogorsk Reserve

The article is devoted to history of archeological researches in the sites (dwelling sites, workshops, settlings, burials, sites of ancient settlements) of Sviatogorsk area (the Middle Donets river region) starting with the Palaeolithic Age and ending with the Late Middle Ages. The findings of researches of the most famous sites, expeditions and researchers are shown here. Particular attention has been given to the results of archeologist N.V. Sibilyov's activities. The article highlights the issues related to usage of the archeological research results for designing the exposition in archeological halls of the Sviatogorsk Reserve historical museum. All chronological stages in progressive advance of economic and intellectual life of the ethnocultural communities populating Sviatogorsk area are presented here. Each chronological stage of the Holy Mountains historical past is illustrated by the sets of archeological remains from the investigated sites and individual pieces.

Key words: *Sviatogorsk area, the Donets river region, archeological researches, archeological monuments, museum exposition, the Stone Age, the copper - bronze epoch, the Scythians, the Sarmatians, Penkovka culture, Saltovo-Mayatskaya culture, Polovtzian steppe (grassland), Kievan Russia, the Golden Horde monuments.*

Литература и источники:

1. Альбом выставки XII археологического съезда в г. Харькове (под. ред. проф. Е.К.Редина). Репринтное издание альбома 1903 г. – Харьков: САГА, 2001. – 2,25, LVI с., 300 илл.
2. Археологический альманах, №1. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. – Донецк: ДОКМ, 1993. – 236с.
3. Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце (под ред. А.В.Колесника) // Археологический альманах. – №11. – Донецк, 2002. – 153 с.
4. Горбова М. В. Уникальная дробница из коллекции Донецкого областного краеведческого музея / М. В. Горбова //Літопис Донбасу. – №19. – Донецьк: Донбас, 2011. – С. 252-257.
5. Горелик А.Ф. Старица XVIII – новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье / А. Ф. Горелик, С. М. Дегерменджи, С. Н. Разумов // Археологический альманах. – №18. – Донецк, 2006.
6. Горелик А.Ф., Кротова А.А. Раскопки поселения в уроч. Миневский яр / А. Ф. Го-

релик, А. А. Кротова // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С.282.
7. Гриб В. К. Культовая фигурка раннесредневекового времени из Святогорья / В. К. Гриб // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк:«Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – 204 с.
8. Гриб В. К. Образец торевтики раннесредневекового времени из с.Татьяновка в Подонцовье) / В. К. Гриб // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – 148 с.
9. Гриб В. К. Пальчатая фибула из Святогорья / В. К. Гриб, В. В. Давыденко // Святогірський альманах 2010: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. –196 с.
10. Гриб В.К. Средневековый реликварий из раскопок поселения Выдылыха на Северском Донце) / В. К. Гриб, С. Р. Хозин // Святогірський альманах 2007. Збірник наукових праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську».–Донецьк:журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2007.–210 с.
11. Давыденко В.В. Отчет о проведении археологических исследований на археологическом памятнике «Теплинское городище» в 2010 году. – Научный архив Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника (НА СГИАЗ) - Ф.III, оп. 6, д.30.
12. Давыденко В. В. Новый комплекс раннего средневековья «Государев Яр» в Святогорье / В. В. Давыденко, А. Н. Гаврилова // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк:«Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – 204 с.
13. Дедов В.Н. Летописный источник о походе 1111 года древнерусских князей на половцев (опыт исследования сакральных текстов) / В. Н. Дедов // Святогірський альманах 2009. Збірник наукових праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк:журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – 208 с.
14. Дедов В. Н. Утраченная коллекция из собраний Н.В.Сибилёва (к вопросу о судьбе довоенного Святогорского краеведческого музея) / В. Н. Дедов, В. В. Давыденко // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – С.56-70.
15. Дедов В. Н. Редкий образец древнерусской мелкой пластики XIV века из фондов Святогорского историко-архитектурного заповедника / В. Н. Дедов, А. В. Шамрай // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – 204 с.
16. Дедов В. Н. Находка древнерусского меча в Донбассе / В. Н. Дедов, М. Л. Швецов //Археология. – АН СССР, 1987.
17. Духін О.Й. Археологічний звіт С. М. Одинцової 1945 року (по щоденникових записах 1921-1941 рр. археолога М. В. Сібільова) / О. Й. Духін, Г. М. Кіркач // Святогірський альманах 2010: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний

заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. – С.190-193.
18. Заворотна А. В. Поселение бронзового века Висла Балка IV у с.Сидорово на Северском Донце)/ А. В. Заворотна, В. В. Давыденко // Святогірський альманах 2006: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк:журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2006. – 162 с.
19. Ісаєв О.Я. Нові документи для історії Ізюмського музею і біографії М.В.Сібільова/ О. Я. Ісаєв, О. Й. Духін //Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – С.146-157.
20. Исаева И. В. Предварительные итоги изучения остатков железоплавильного производства раннесредневекового поселения Выдылыха (Подонцовье) / И. В. Исаева, В. А. Исаев // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – 148 с.
21. Коваль Ю. Г. Вислобалкинская группа памятников финального палеолита в среднем течении Северского Донца / Ю. Г. Коваль // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – 148 с.
22. Коваль Ю. Г. Финальнопалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская Татьяновка 1 на Северском Донце / Ю. Г. Коваль //Археологический альманах: сб. статей. – №4. – Донецк, 1995. – 135 с.
23. Коваль Ю. Г., Вотякова О.Л. Кремнеобрабатывающая мастерская финального палеолита Святые Горы 1: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – 340 с.
24. Коваль Ю. Г. Каменный век Сидоровского городища (предварительная публикация) / Ю. Г. Коваль, А. В. Колесник // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – 204 с.
25. Колесник А. В. Древности Хазарского каганата / А. В. Колесник // Літопис Донбасу: краєзнавчий збірник. – №14. – Донецьк: Літопис, 2006. – 284 с.
26. Колесник А. В. Н. В. Сибилёв и С. Н. Одинцова: грани одной судьбы) / А. В. Колесник // Святогірський альманах 2009: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – С.179-188.
27. Колесник А. В. Клад энеолитических наконечников из с.Татьяновка на Северском Донце) / А. В. Колесник // Святогірський альманах 2006: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2006. – С. 52-64.
28. Колесник А.В. Разведки памятников археологи в Среднем Подонцовье в 2008 году / А. В. Колесник, В. В. Давыденко // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». –

Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – 148 с.
29. Колесник А.В. Кремневый клад из пос. Донецкий Славянского района / А. В. Колесник, Ю. Г. Коваль // Святогірський альманах 2009: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – 208 с.
30. Колесник А.В. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская «Шарукань» на Северском Донце / А. В. Колесник, Ю. Г. Коваль, В. В. Давыденко // Святогірський альманах 2007: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2007. – 210 с.
31. Колесник А. В. Позднепалеолитическая кремнеобрабатывающая мастерская в Теплинском лесу (среднее течение Северского Донца) / А. В. Колесник, Ю. Г. Коваль, В. В. Давыденко // Археологический альманах: сб. статей. – №19. – Донецк: ООО « Апекс», 2008. – 307 с.
32. Колесник А. В., Кравченко Э.Е., Гусев О.А. Отчет о раскопках средневекового могильника в с. Сидорово Славянского района Донецкой области 1996 г. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д. 20.
33. Колесник А.В., Кравченко Э.Е. Отчет об исследованиях Сидоровского средневекового могильника в 1997 году. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д.22.
34. Колесник А.В., Хозин С.Р., Кондратьев А.В., Заворотна А.В. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области экспедицией Донецкого национального университета, Донецкого областного краеведческого музея и Святогорского историко-архитектурного заповедника в 2006 году на урочище Выдылыха. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д. 28
35. Колода В.В. Памятник железопроизводства у с.Богородичное Донецкой области / В. В. Колода, А. В. Кущенко, М. Л. Швецов // Донецкий археологический сборник. – Вып.11. –Донецк, 2004. – С. 145-155.
36. Кононенко Ж. А. Археолог-краевед Николай Викентьевич Сибилёв (1873-1943) / Ж. А. Кононенко, Е. В. Косикова // Донецкий археологический сборник. ДГУ. – Вып. 4. – Донецк: Аверс Ко ЛТД, 1993.
37. Косиков В. А. Сибилёв Н.В. / В. А. Косиков // История исследования археологических памятников Донбасса. – Донецк, 2001. – С. 26-31.
38. Кравченко Э.Е. Отчет «Охранные исследования кургана «Проклята могила» на среднем Донце».1996 г. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д.19, д.21.
39. Кравченко Э. Е. Памятники оседлого населения XI-XIVвв. в среднем течении Северского Донца / Э. Е. Кравченко //Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья: сб. статей. – Т.1. – Донецк: ДонНУ, 2000. – С. 75-99.
40. Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца / Э. Е. Кравченко // Хазарский альманах – №3. – Киев -Харьков, 2004.
41. Кравченко Э. Е. Исследования линии укреплений археологического комплекса у с. Сидорово в 2012 г. / Э. Е. Кравченко // Святогірський альманах 2012: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2012. – С. 12-25.
42. Кравченко Э. Е. Раннемусульманские некрополи в среднем течении Северского

Донца / Э. Е. Кравченко // Святогірський альманах 2009: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – 208 с.
43. Кравченко Э. Е. Исследования хозяйственного объекта на археологическом комплексе у.с.Сидорово в среднем течении Донца: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – С. 208-222.
44. Кравченко Э. Е. Исследование археологического комплекса у с. Маки в 2005 г. и ещё раз о времени и причинах запустения Донецких степей / Э. Е. Кравченко // Літопис Донбасу. Краєзнавчий збірник. – №14. – Донецьк: Літопис, 2006. – 284 с.
45. Кравченко Э.Е. Сидоровское городище / Э. Е. Кравченко, В. В. Давыденко // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья: сб.статей. – Т.2. – Донецк: ДонНУ, 2001.
46. Кравченко Э. Е., Кушнир В. В. Христианское население среднего течения Донца в эпоху средневековья: Заповідна Хортиця. Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції [«Історія запорозького козацтва в пам'ятках та музейній практиці»]. – Запоріжжя, 2010. – С.323-325.
47. Кравченко Э. Е. Исследования археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца в 2008 году / Э. Е. Кравченко, А. Н. Петренко // Святогірський альманах 2008: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2008. – С.39-47.
48. Кравченко Э.Е. Исследования археологического комплекса у с.Сидорово (материалы экспедиций 2001-2003гг.) / Э. Е. Кравченко, В. В. Мирошниченко, А. Н. Петренко, В. В. Давыденко // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху средневековья: сб. статей. – Т.4. – Донецк: ДонНУ, 2005.
49. Кравченко Э.Е. Постройки Сидоровского комплекса хазарского времени (по материалам раскопок 2010 г.) / Э. Е. Кравченко, А. Н. Петренко // Святогірський альманах 2010: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. – С.37-48.
50. Кравченко Э.Е. Исследования средневекового комплекса в с. Сидорово (Донецкая область) на Северском Донце в 2011 г. / Э. Е. Кравченко, А. Н. Петренко, В. В. Спинов // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – С.50-58.
51. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет о полевых исследованиях на Святогорском городище в 1995 г. – НА СГИАЗ. – Ф.III, оп. 6, д.18.
52. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О могильниках золотоордынской эпохи в Подонцовье: тезисы докладов [«Проблемы археологии Северного Причерноморья»]. – Ч.3. – Херсон, 1990. – С.23-24.
53. Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Новые данные о христианском населении края в XIII-XIV вв.: материалы научно-практического семинара к 15-летию Святогорского историко-архитектурного заповедника. – Славяногорск, СГИАЗ, 1995. – С.70-79.

54. Крупа Т. Н. Размышления историка о постройке крепости на горе Кремянец в период правления хана Узбека / Т. Н. Крупа //Альманах «Изюмщина». – Вип.2. – Ізюм, 2008. – С.38-45.
55. Кузин-Лосев В.И.,Усачук А.Н. Костяные предметы из позднекатакомбного поселения Казачья Пристань // матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – 340 с.
56. Мілкін К. Дослідник Слобожанщини / К. Мілкін // Ізюмщина: краєзнавча збірка. – Вип.1. – Ізюм, 2000. – С. 4-12.
57. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Харьков, Вища школа,1985. – 150 с.
58. Муравьёв А.Н. Святые Горы // А.Н.Муравьёв о Святых Горах. – Донецк: Донбасс, 2010. – С.29-131.
59. Нахапетян В.Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии / В. Е. Нахапетян // Российская археология. – 1994. – №4.
60. Нахапетян В., Шамрай А. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието / В. Нахапетян, А. Шамрай // Археология. – 1990. – Кн2.
61. Одинцова С. Н. Письмо в с. Банное Т. В. Молчановой от 8.12.1953 г. – Основной фонд (ОФ) Святогорского историко-архитектурного заповедника, вст. № 131, инв.№ Д-1.
62. Одинцова С. М. Розвідка археологічних пам'яток на Сіверському Дінці в 1948 р. / С. М. Одинцова // Археологічні пам'ятки України. – Т.4. – 1952. – С.157-162.
63. Панасенко А. В. (о. Александр). Священник Василий Спесивцев и его вклад в археологическую науку / А. В. Панасенко // Святогірський альманах 2007: зб. наук. праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: Журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2007. – С. 62-68.
64. Приходнюк О.М. Пеньковское поселение Старица на Северском Донце / О. М. Приходнюк, М. Л. Швецов // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: тезисы докладов областной научно-практической конференции. – Луганск, 1990.
65. Санжаров С.Н. Отчет о работах Славянской археологической экспедиции в 1981 году. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп 6, д.1.
66. Святогорский государственный историко-архитектурный заповедник (СГИАЗ).- Научно-вспомогательный фонд (НВФ) –13784. Рукописный фонд археолога Д.С.Цвейбель.
67. Святогорский государственный историко-архитектурный заповедник (СГИАЗ). – Основной фонд (ОФ) – Инв.группа «Археология» – №№ 1-1916.
68. Седов В. В. Древнерусская народность и предпосылки её дифференциации / В. В. Седов // Український історичний журнал. – 2001. – №3. – С.18-21.
69. Сибилёв Н. В. Артёмогорский краеведческий музей / Н. В. Сибилёв // Советская этнография. – 1935. – №5. – С.119-121.
70. Славін Л.М. Пам'яті Миколи Вікентьовича Сібільова. Некролог. Стінгазета АН УРСР. м.Уфа. – Архив Института археологи АН Украины. Фонд Н.В.Сибилёва.
71. Сніжко І. А. Матеріали М. В. Сібільова в фондах Харківського історичного музею

/ І. А. Сніжко // Проблеми історії та археології України. – Харків, 2008. – С.19-20.
72. Снежко И.А. История открытия позднепалеолетических памятников Изюмщины) / И. А. Снежко // Святогірський альманах 2009: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – С. 49-55.
73. Соляник А. А. Материалы о деятельности Н. В. Сибилёва и С. Н. Одинцовой в фондах Святогорского историко-архитектурного заповідника / А. А. Соляник // Святогірський альманах 2009. Збірник наукових праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – С.189-193.
74. О. Спесивцев. Находки в Райгородке: Труды XII Археологического съезда в Харькове. – 1902. – т.1. – М., 1905.
75. Спинов В. В. Гирьки и разновесы Сидоровского и Маяцкого археологических комплексов в среднем течении Северского Донца / В. В. Спинов // Святогірський альманах 2012: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2012. – С.26-54.
76. Татаринов С. Й. Неизвестные письма Н.В. Сибилёва академику В.А. Городцову матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – С.240-242.
77. Усачук А. Н. О сборнике Изюмского музея 1923 года издания (история одного экземпляра) / А. Н. Усачук // Святогірський альманах 2010: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. – С.165-170.
78. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии / В. Е. Флерова. – М.: Мосты культуры, 2001. – 160 с.
79. Хозин С. Р. Гунно-сарматское поселение Святогорск-10 в среднем течении Северского Донца) / С. Р. Хозин // Святогірський альманах 2007: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2007. – 210 с.
80. Цвейбель Д. С. Дослідник минулого Донбасу М. В. Сібільов (до 100-річчя від дня народження) / Д. С. Цвейбель // Український історичний журнал. – 1973. – №2. – С.132-134.
81. Цвейбель Д. С. Николай Викентьевич Сибилёв (из истории древнейшего прошлого Донбасса / матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – С.242-253.
82. Цимиданов В.В.Раскопки поселения бронзового века у пос.Дробышево (среднее Подонцовье: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – 340 с.

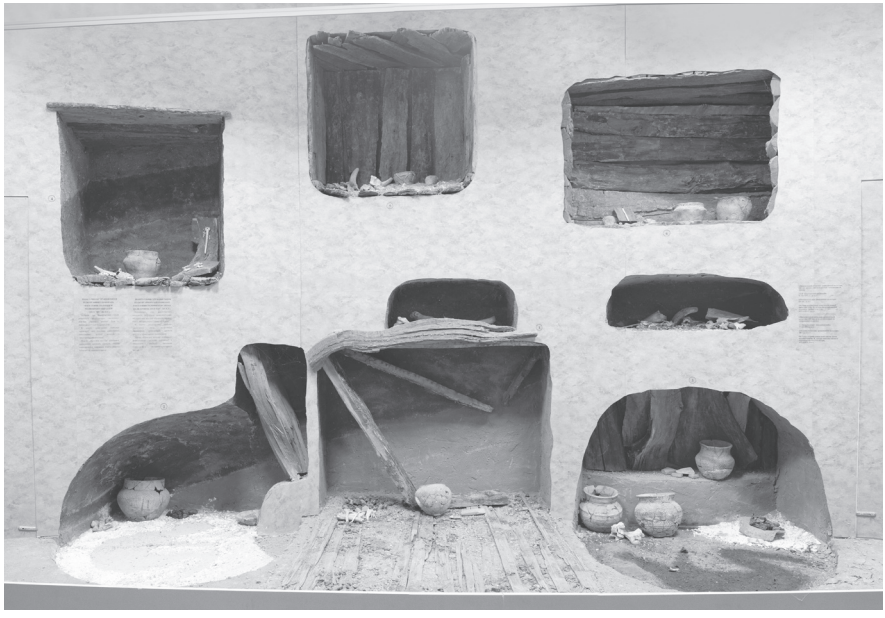
83. Шамрай А.В. Каменная иконка с Царина городища: материалы научно-практического семинара к 15-летию Святогорского историко-архитектурного заповедника. –Славяногорск, СГИАЗ, 1995. – С.67-70 .
84. Шамрай А. В.,Соловкин А. А., Филиппов А. П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца// Святогірський альманах 2009. Збірник наукових праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську».- Донецьк: журнал «Донбас».ООО «РА Ваш імідж», 2009. -208с.
85. Шамрай А.В. Христианское население среднего течения Северского Донца в X-XIII вв. / А. В. Шамрай, А. А. Соловкин, А. П. Филиппов // Святогірський альманах 2010: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2010. –196 с.
86. Шамрай А.В. Свинцовая булла князя Изяслава Мстиславича из Подонцовья / А. В. Шамрай, А. А. Соловкин, А. П. Филиппов // Святогірський альманах 2011: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2011. – 204 с.
87. Шамрай А.В. Новые данные о древнерусских находках в среднем течении Северского Донца / А. В. Шамрай, А. А. Соловкин, А. П. Филиппов // Святогірський альманах 2012: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2012. – 208 с.
88. Шамрай А.В. Кресты – энколпионы с территории среднего течения Северского Донца / А. В. Шамрай, А. П. Филиппов // Святогірський альманах 2013: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2013. – 208 с.
89. Шарабан С.С. Археологічна колекція М.В.Сібільова в фондах Святогірського історико-архітектурного заповідника / С. С. Шарабан, Е. О. Мушка // Святогірський альманах 2009: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м.Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ООО «РА Ваш імідж», 2009. – С.194-201.
90. Швецов М. Л. О комплексе культовых сооружений в Подонцовье и его западных и северо-западных параллелях / М. Л. Швецов //Археологія та давня архітектура левобережної України та суміжних територій. – Донецьк: «Східний видавничий дім», 2000. – 130 с.
91. Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет об археологическом исследовании памятников в зоне строительства объектов Укрпромводчермета у с. Маяки и пос. Донецкий Славянского района Донецкой области. 1988-1990 гг. – НА СГИАЗ –Ф.III, оп 6, д.6.
92. Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет об археологической экспедиции на Царином городище 1991 года. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д.7.
93. Швецов М.Л., Кравченко Э.Е Отчет о полевых исследованиях в Скиту Преподобного Арсения и на Святогорском городище в 1994 году. – НА СГИАЗ – Ф.III, оп. 6, д.9.
94. Яценко А. С. Опыт реконструкции средневекового водолея из коллекции Славянского краеведческого музея: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м.Святогірська Донецької обл.) [«Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні»], (Святогірськ, 25-27 травня 2005 року). – Слов'янськ: Печатний двір, 2005. – 340 с.

Ил.1. Карта археологических памятников Святогорского исторического ареала.

Ил. 2. Фрагмент экспозиции «Каменный век Святогорья».

Ил. 3. Клад кремневых изделий из с.Татьяновка.

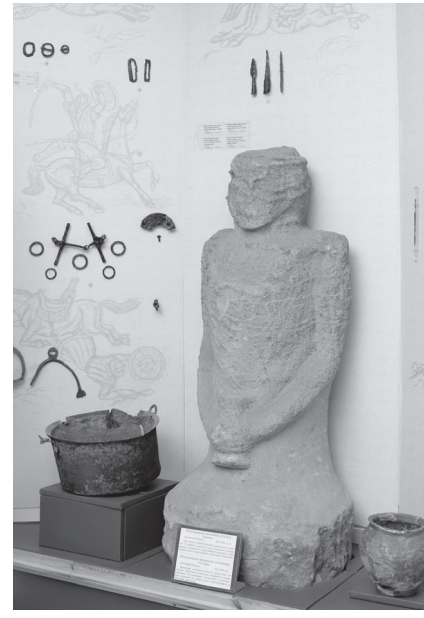
Ил. 4. Фрагмент экспозиции «Бронзовый век Святогорья».



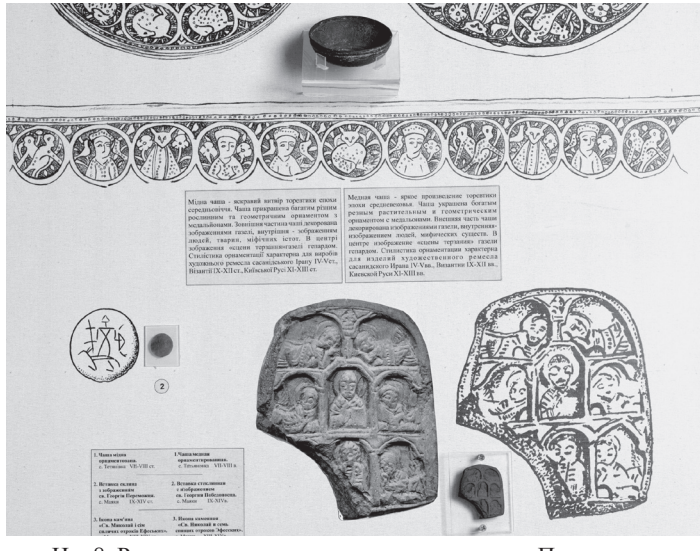
Ил. 5. Курган бронзового века «Проклята могила» в разрезе. Макет.

Ил. 6. Фрагмент экспозиции «Поселение Старица пеньковской культуры».

Ил. 7. Фрагмент экспозиции «Салтово-маяцкая культура Святогорья».

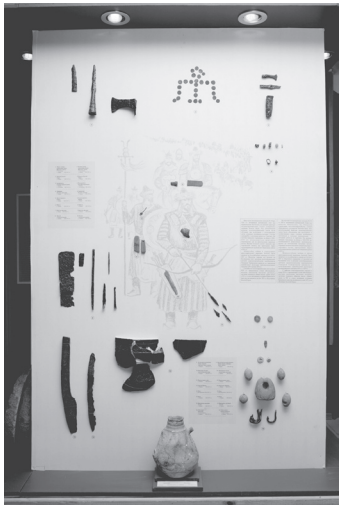


Ил. 9. Фрагмент экспозиции «Кочевники Подонцовья».



Ил. 8. Редкие находки средневекового времени Подонцовья.

Ил. 10. Фрагмент экспозиции «Древняя Русь и половцы».
Поэма «Слово о полку Игоревом».



Ил. 11. Фрагмент экспозиции «Святые Горы в золотоордынский период».

Ил. 12. Реконструкция водолея.
Авт. А. Яценко. Фрагмент экспозиции.

Колесник А.В., Коваль Ю.Г.

СЫРЬЕВАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ В КРЕМНЕВЫХ ИНДУСТРИЯХ ЭПОХИ КАМНЯ – ПАЛЕОМЕТАЛЛА БОЛЬШОГО ДОНБАССА (предварительные замечания)

Введение

Бассейн среднего течения Северского Донца изобилует выходами на дневную поверхность отложений мелового возраста с богатыми залежами кремня, который в древности был основным или важным материалом для орудийной оснастки. Особым богатством в этом плане отличается Бахмутско-Торецкая котловина на правобережье Донца. В настоящей заметке ставится вопрос о сырьевой избирательности в индустриях каменного века и эпохи древнего металла Среднего Подонцовья и соседних регионов в пределах Большого Донбасса.

Понятие *сырьевая избирательность* достаточно широко применяется в археологии каменного века и эпохи раннего металла по отношению к кремневой индустрии [4;18;36]. Под этим термином понимается сознательное предпочтительное использование в производственных целях кремня (или другого поделочного камня с аналогичными пластическими свойствами) какой-то одной генетической разновидности, часто одного цвета и с близкими пластическими характеристиками, при наличии нескольких вариантов доступного и сходного по качеству сырья из ближайших геологических источников. Уточнение и дальнейшее развитие терминов и понятий, связанных с сырьевой избирательностью (предпочтительностью) при изготовлении каменных орудий, видимо, будет способствовать более качественному анализу и системной оценке кремневого (обсидианового и пр.) хозяйства в первобытное время. Такое же значение имеют понятия, отражающие технологические принципы тестирования каменных пород и процедуры расщепления камня. Последний блок терминов и понятий разработан в основном археологическими «технологами» [5;6;33] и показал свою чрезвычайную важность для дальнейшего развития археологии каменного века. Разумеется, диагностика сырьевой избирательности носит условный, оценочный характер, поскольку весьма деликатная граница между эпизодами осознанного выбора сырья и механического использования ограниченных местных ресурсов в каждом случае нуждается в строгом обосновании, не всегда бесспорном. Мы предполагаем случаи сырьевой избирательности лишь в тех случаях, когда в данном микрорегионе достоверно известны однокультурные и одновременные каменные индустрии, которые питались полисырьевыми источниками, или в тех случая, когда имел место явный отбор сырья в пределах одного геологического источника.

Большой Донбасс – крупная геологическая структура Восточной Европы, состоящая из Донецкого кряжа (каменноугольные породы) и окружающих пород верхнего мела. Занимает территорию Юго-Восточной Украины и частично России. Именно в меловых отложениях содержится основное количество разнообразного кремня, служившего в древности сырьевой основой для материального производства.

Проблема сырьевой избирательности при производстве каменных орудий активно обсуждается в археологической литературе, начиная с 60-х гг. XX в. В Восточной

Европе впервые этот вопрос системно был поставлен польским археологом Т. Сулимирским, который обобщил результаты исследований кремнедобывающих шахт и мастерских в Польше в 20-30-е гг. [53]. Исследователь обратил внимание на предпочтительное использование различных вариаций т.н. «польского» и «волынского» кремня в хронологически различных культурах каменного века и эпохи бронзы. В начале 60-х гг. группа английских петрографов и археологов под руководством К. Ранфрю (К. Renfrew) провела масштабные исследования обсидиана из Анатолии и Армянского нагорья. В результате удалось выделить основные сырьевые группы, проследить магистральные пути перемещения переработанного сырья в пределах Ближнего и Среднего Востока и предпочтения при выборе источника обсидианового сырья у различных этно-культурных групп населения этого региона [47;51;52]. Было установлено, что практиковалось несколько моделей поставки обсидиановой продукции, в т.ч. на весьма значительное расстояние – до 1000 км и больше. В 70-80-е гг. тезис о выборочном отношении к каменному сырью в синхронных технологиях расщепления был массово подтвержден многочисленными работами в Польше [54], в Западной Белоруссии, Прибалтике, Верхнем Поволжье [46;12;13;14] и в других регионах. В ряде случаев характер каменного сырья выступал в качестве своеобразного культурного или хронологического маркера. В 80-90-е гг. английскими и армянскими специалистами были проведены повторные исследования кавказских обсидиановых источников. Эти разработки в основном подтвердили прежние выводы и уточнили характер движения изделий из определенного (предпочтительного) сорта обсидиана в пространственных форматах различных культурных объединений [1]. Эта тема попрежнему остается в центре внимания специалистов [27]. Перечисленные примеры исследований отмечают только часть проблематики сырьевой избирательности в каменном веке и эпохе раннего металла.

Одним из условий успешного анализа сырьевой избирательности является создание региональных и межрегиональных литотек с образцами основных осадочных и вулканических пород поделочного камня изоморфной структуры. Наиболее значительные литотеки, включающие материалы основных региональных сырьевых групп Центральной и отчасти Восточной Европы (помимо «обсидианового» Кавказа) собраны в Краковском политехническом институте [50], Будапештском национальном музее [44;45], а также в некоторых других научных центрах.

Донецкий регион (Юго-Восточная Украина) не остался в стороне от изучения кремневых стратегий и сырьевой предпочтительности местных племен каменного века и времени энеолита-бронзового века, несмотря на относительно ограниченный масштаб работ в этом направлении. Гео-химическая и петрографическая характеристика кремневого сырья Донбасса из геологических [2;28] и археологических [40;43] объектов частично освещена в литературе, однако проблема сырьевой избирательности в археологическом контексте для этого региона затрагивается впервые. Собранная в Донецком областном краеведческом музее литотека кремневых пород Большого Донбасса еще не полная и не обработана в полной мере методами точных наук.

Само понятие «сырьевая избирательность» нуждается в некоторых комментариях. Прежде всего, следует различать взаимосвязанные понятия сырьевой избирательности и сырьевой стратегии. *Сырьевая избирательность* – это стратегия предпочтительного

выбора сырья в условиях вариантности местной сырьевой базы, *сырьевые стратегии* – это стратегии поставок или распределения переработанного до требуемой кондиции каменного сырья разного рода [21]. Сырьевая избирательность – частный случай проявления сырьевых стратегий с ярко выраженным хронологическим и, видимо, историко-культурным контекстом. Подлинная сырьевая избирательность может быть понята только на фоне общей характеристики доступных природных источников камня и востребованного сырья, послужившего основой для базовых каменных индустрий. Сырьевая избирательность отражает оттенки сырьевой стратегии.

Однородные сырьевые образцы принято называть *сырьевой группой*, или RMU (Raw Material Units). Понятие сырьевая группа является базовым при анализе сырьевой избирательности и детальной характеристике сырьевых стратегий. При выделении сырьевой группы учитывается высокая степень однородности по физическим характеристикам камня, цвету, форме и размерам включений и даже способности к патинизации. Сложилось два подхода к определению сырьевых групп по степени детализации признаков.

В первом случае археологами во внимание берутся мельчайшие оттенки цвета, степень матовости, вид микровключений, «рисунок» пятен другого цвета и их контрастность, а также прочие подобные визуально различимые детали, которые часто зависят от состояния культурного слоя, т.е. от процессов его постгенетической деформации. Археологические сырьевые группы нередко фактически отражают «портретные черты» конкретного блока породы или, что важно, его отдельного участка. Эти сырьевые группы служат основой для археологической процедуры ремонтажа сколов (фрагментов) и реконструкции поселенческой и внепоселенческой активности. В нашем ближайшем опыте выделение сырьевых групп такого типа стало прологом для массового ремонтажа продуктов расщепления позднепалеолитической мастерской Висла Балка в Подонцовье. Впечатляющие результаты анализ сырьевых групп дал при обработке новейших материалов среднепалеолитических памятников Крыма (исследования Чабая В.П., Весельского А.П., Ю. Рихтера, Утмайера Т. и др.), где кремневые индустрии развивались в условиях вариантности и достаточности местной сырьевой базы.

Во втором случае учитываются более обобщенные характеристики кремня по свежим сколам из современных геологических источников. Такие определения, как правило, проводятся представителями естественных наук для детальной гео-химической и петрографической характеристики каменного сырья [34]. Визуальные характеристики отдельностей кремня при этом не теряют своего диагностического значения, но им не придается такое решающее значение, как при процедуре ремонтажа. Очевидно, что вариантность «археологических» сырьевых групп из стоянок и поселений превосходит (иногда весьма значительно) вариантность сырьевых групп геологических источников, так как в пределах одной конкреции или в блоке породы могут присутствовать участки с различными характеристиками. Ярким примером этому служат материалы Волгоградской стоянки среднего палеолита (Сухая Мечетка). Одному из авторов настоящей заметки (А. Колесник) удалось совместить в «ремонтажный блок» фрагменты расщепленной кремнистой породы с весьма несхожими характеристиками по цвету, «рисунку», текстуре и, возможно, минеральному составу. «Археологическая» вариантность заметно увеличивается в результате гео-химического воздействия

на расщепленные кремни в результате длительного нахождения в погребенном состоянии. Хорошо известно, что под воздействием почвенных вод у каменных изделий «… иногда происходит фрагментарное выщелачивание растворимых минеральных фаз, изменяется микроструктура поверхности и, следовательно, ее свойства, в частности твердость» [17, с.78]

Усредненные результаты этих двух подходов при выделении сырьевых групп, выработанные совместно группами геологов и археологов в рамках петроархеологических исследований, дают возможность разрабатывать очень важные для археологии модели распределения каменного сырья и продукции древних мастерских, а также обсуждать проблему сырьевой избирательности.

Важно отметить, что присутствие в коллекции стоянки или поселения кремня одной сырьевой группы автоматически еще не означает факт сырьевой избирательности, так как в ряде случаев сам геологический источник, питавший индустрию, являлся моносырьевым в петрографическом смысле и имеет устойчивую цветовую характеристику. Понятия моносырьевой и полисырьевой применимы как по отношению к естественным месторождениям поделочного камня, так и к поселенческим (стояночным) сериям, с некоторыми оговорками к погребениям и поселениям бронзового века,

Сырьевая избирательность локальных кремневых индустрий объясняется различными причинами, которые могут быть сгруппированы в два основных блока. Первая предпосылка сырьевой избирательности – выработанное длительной практикой предпочтительное отношение к традиционному сырью. Контрастно это видно на переносе потоков привычного каменного сырья из моносырьевых источников вслед за мигрантами. Например, прослежено, что переселившиеся в Восточную Прибалтику из Валдая неолитические племена гребенчато-ямчатой керамики сохранили традиционные связи с сырьевой базой в Верхнем Поволжье, с его неисчислимыми запасами специфического каменноугольного кремня, в том числе фиолетового цвета [Гурина, 1996]. Вторая группа причин связана с предпочтительным отношением к одному из видов местного сырья при наличии вариантов выбора. Вопрос о ситуационной доступности источников камня в районах их массового обнажения, как главной причины сырьевой избирательности, может обсуждаться только ограниченно, так как в ряде случаев на базе одних и тех же источников формировались синхронные индустрии с различными сырьевыми предпочтениями.

Существенное влияние на сырьевую избирательность оказывали пластические качества материала. В случае с кремневым сырьем они существенно, как известно, менялись в зависимости от степени перекристаллизации конкреций или жильных пластов. При глубокой перекристаллизации вся масса конкреции имела однородные свойства, но чаще всего ядро и внешняя оболочка имеют разную плотность и способность раскалываться, точнее, подвергаться управляемому раскалыванию. Современные экспериментаторы вполне обоснованно говорят о таких свойствах кремня, обсидиана и других пород камня, служивших в древности для производства каменных орудий, как «хрупкость», «вязкость», «упругость» и т.д., по терминологии А.Е. Матюхина и других археологов-экспериментаторов. В этой связи особое значение в плане оценки возможности расщепления, приобретает метод тестирования каменных пород. Ключевым в

этом плане является способ ручного отжима пород изоморфной структуры. Данный способ весьма четко показывает, можно ли из данного сырья производить пластины, в том числе т.н. «регулярные», или это сырье годится только для т.н. «обивной» продукции (т.е. в основном для рубящих орудий или отдельных непластинчатых нуклеусных технологий). Хорошо известно, что крупные пластины можно было получать разными техниками расщепления далеко не из всякого внешне качественного кремня или других пород камня. Многие геологические источники кремня годились только лишь для массового получения топоров, например, большинство кремневых жил Кшеменок Опатовских в Польше [48] или Красносельских шахт в Западной Белоруссии [12]. Донецкий меловой кремень в целом относительно твердый и требовал значительных трудовых затрат для шлифовки в отличие от других кремневых источников подобного рода. При этом он позволял производить разными технологическими приемами крупные пластины. Его можно назвать технологически универсальным кремнем. Возможно, поэтому в позднем неолите – раннем энеолите Донецкий регион стал сырьевой базой для технологий получения крупных пластин и бифасиальных рубящих орудий с частичной пришлифовкой лезвийных участков. В редких случаях известны уникальные полностью шлифованные бифасиальные треугольные в плане топоры [16, с.19]. Классические полностью шлифованные квадрофасы Польши и Западной Волыни систематически могли производиться только из относительно «мягкого» крупнозернистого кремня.

Однако следует отметить, что иногда технологический диапазон местных пород, пригодных к расщеплению, был гораздо шире, чем это зафиксировано археологически. К примеру, халцедоновые породы из окрестностей с. Веролюбовка Константиновского р-на Донецкой области использовались для изготовления бифасов, что подтверждается археологическими находками. Тем не менее, судя по ряду современных экспериментов, это сырье вполне пригодно и для серийного получения пластин, как при помощи удара, так и способом ручного отжима, но в таком качестве практически не использовалось в древности. Отчасти это же касается и яшмовидных пород (пропитанные хлоритом порфиры) бассейна р. Мокрая Волноваха. В целом в своем многообразии качественные характеристики донецкого кремня были достаточны для осуществления любой ныне известной технологии расщепления. Поэтому всем остальным видам сырья с близкими изотропными свойствами отводилась роль экзотической примеси, существенно не влиявшей на традицию использования основного (кремневого) минерального ресурса региона.

Донецкий регион с точки зрения характеристики сырьевого потенциала скорее может быть описан как группа источников качественного мелового и каменноугольного кремня со смешанными моно- и полисырьевыми признаками при доминировании первых. Как отмечено выше, донецкий меловой кремень был пригоден для получения крупных регулярных пластин, не говоря уже об остальной продукции. Это позволяет оценивать сырьевой кремневый потенциал Донбасса как весьма высокий с точки зрения потребностей хозяйства каменного века и эпохи раннего металла.

Целью настоящей заметки является диагностика эпизодов сырьевой избирательности в пределах указанных хронологических рамок и соответствующие комментарии к ним, с учетом актуальной терминологии.

Сырьевой потенциал Донбасса

Как известно, многочисленные выходы на дневную поверхность пород верхнего мела с включением разнообразных кремней наблюдаются преимущественно в северо-западном, южном и восточной Донбассе, хотя окаймляют кряж со всех сторон, кроме севера. В основном это бассейны рек Северский Донец и его притоков – Крынки, Тузлова. Наиболее широко распространены разновидности серого и темно-серого стекловидного с матовыми участками халцедон-опаловые меловые кремни туронского возраста. Встречаются также светло-серые стекловидные кремни без заметных включений, с очень высокими пластичными свойствами. Реже попадаются черные кремни (сеноманские?), а также пестроцветные матовые полосчатые кремни. К редким разновидностям относятся стекловидные кремни с аквамариновым оттенком. В каменном веке и энеолите бесспорно использовались средние и крупные конкреции со сглаженной поверхностью, в бронзовом веке – образцы сырья в виде конкреций, продуктов их температурного распада и, редко, плиток.

Кремень каменноугольного периода проявляется локально преимущественно в бассейне р. Сухие Ялы. Географически эта окраинная зона Донбасса тяготеет к Приазовскому кристаллическому массиву. Каменноугольные кремни юго-западного Донбасса залегают в достаточно плотной материнской породе, поэтому они были доступны в основном в аллювиальном залегании, куда они попадали в результате длительной эрозионной препарации. Вместе с ними в аллювиальную фацию вовлекались также другие сопутствующие каменноугольные породы и минералы. Ситуация осложнялась еще и тем, что на окраинную зону кряжа в древний речной аллювий могли перемещаться также размытые в постмеловой период кремни мелового возраста. В результате формировались источники (обнаженные участки речного аллювия) с различной комбинацией разновременных фракций переотложенных каменных пород с преобладанием переотложенного кремня каменноугольного периода. Каменноугольные кремни, известные в основном на окраинных участках юго-западного Донбасса, темно-серые, буровато-коричневые, черные, в основном кварцево-халцедоновые. В обнажении древнего речного аллювия можно встретить окатанные валуны и гальки темно-коричневого и темно-серого матового зернистого кремня.

Палеогеновые кварциты (плотные песчаники) в первичном и вторичном залегании известны в основном в пределах Бахмутско-Торецкой котловины в окружении верхнемеловых источников и на правобережье р. Деркул в качестве моносырьевых источников. Бучакский кварцито-песчаник желто-серый, крупнозернистый, средней плотности, с толстой (до 15 мм) рыхлой внешней поверхностью. Содержит многочисленные мелкие каверны и включения. Пластические свойства этого материала средние, он отличается хрупкостью. Залегает в виде жил из крупных плитообразных и округлых конкреций размерами иногда до 1 м в поперечнике при толщине 20–30 см. Материал подвержен интенсивному выщелачиванию и в конечной стадии выветривания превращается в пемзообразные куски. Аналогичные кварцито-песчаники массово проявляются в бассейне р. Калитвенки в Ростовской области России, где они подвергались интенсивной обработке, начиная со среднего палеолита [32].

В редких случаях в качестве поделочного сырья использовались также низкосортный халцедон (бассейн р. Кривой Торец), яшмовидные породы и доломитизированный

известняк (бассейн р. Сухая Волноваха). В уникальный случаях использовался местный горный хрусталь (центральные участки Донецкого кряжа), окаменелое дерево третичного периода (Бухмутско-Торецкая котловина), сланец различного генезиса.

В настоящее время на основании гео-химических критериев разрабатывается типология сырьевых групп кремня из Донецких геологических источников с целью сличения их с археологическими образцами.

Сырьевая характеристика памятников каменного века – палеометалла Донбасса

Региональная историко-культурная колонка начинается со среднего палеолита. Наиболее крупные собрания каменных изделий среднего палеолита Донбасса происходят из Бахмутско-Торецкой котловины, Подонцовья и бассейна р. Сухие Ялы. Все они расположены в непосредственной близости от источников каменного сырья и служат хорошим примером выраженной адаптации к поведения неандертальцев к сырьевому фактору [20]. Количественно второстепенные памятники также связаны с кремненосными районами и редко находятся на некотором удалении от них. Все статистически значимые коллекции каменных изделий среднего палеолита содержат предметы исключительно из местного сырья в пределах вариаций местной сырьевой базы. Достоверные случаи использования экзотического сырья в региональном среднем палеолите не отмечены. Наиболее разнообразна сырьевая база антоновских индустрий (бассейн р. Сухие Ялы) – здесь представлены различные вариации каменноугольного кремня [7]. В среднепалеолитическом комплексе Черкасского [23] содержатся изделия из местного верхнемелового кремня и палеогенового кварцита. Ремонтаж кремневых изделий из лессового комплекса стоянки Курдюмовка позволяет восстановить формы небольших по размеру конкреций, аналогичных образцам из соседнего мелового обнажения [20].

В позднем палеолите региона формируется более гибкая система обеспечения экономики каменным сырьем и, соответственно, система расселения. В целом, несмотря на различные варианты региональных сырьевых стратегий [21], использовался кремень из местных геологических источников. Археологами накоплен значительный опыт по характеристике кремнеобрабатывающих мастерских у выходов кремня в аспекте конечной продукции. В частности, на мастерской в Вислой Балке из темно-серого и черного стекловидного кремня производили нуклеусы и пластины преимущественно для экспортных целей [24]. Вместе с тем, на систематически изучаемых (или изученных) стояночных комплексах Донбасса и соседнего северо-восточного Приазовья [30, с.141-142; 26; 39] признаки сырьевой исключительности строго не определены либо спорны, т.е. кремневые индустрии были основаны на оптимальных, как кажется, поставках из ближайших доступных источников. Система поставок кремневого сырь от источников к потребителю в данном эссе не обсуждается.

Однако в кремневой индустрии местного варианта финального палеолита – раннего мезолита, т.н зимовниковской культуры, явно присутствуют признаки сырьевой избирательности. В пределах Донецкой области основным памятником этого типа является соответствующий слой (Средний Яр) многослойного памятника «Сидоровское городище». Длительное время памятник раскапывается Э.Е. Кравченко, часто с

привлечением специалистов своего профиля. Все без исключения зимовниковские изделия из Сидоровского городища выполнены из качественного пластичного черного непрозрачного в сколе кремня. Кремень без включений, с глянцевым блеском, интенсивного черного цвета. Судя по наличию следов полного цикла раскалывания, использовался местный кремень, однако источник этого сырья в Подонцовье еще не локализован. Черный кремень из геологического источника в Вислой Балке, удаленного на расстоянии около 4-5 км, близок по основным свойствам, но не имеет такой матовости. Весьма редкие экземпляры изделий зимовниковского типа из качественного серого и серо-коричневого мелового кремня на Сидоровском городище показывают, что другие источники качественного мелового кремня были принципиально доступны. Памятники данного культурного типа, расположенные в других районах распространения культуры [9; 31; 3], как будто не дают оснований для диагностики сырьевой избирательности.

Население т. н. донецкой (поздний мезолит – ранний неолит) и последующей за ней классической днепро-донецкой культуры оставило чрезвычайно многочисленные стоянки и мастерские с богатой кремневой индустрией [37;15;10]. В Донецком региона они расположены преимущественно в широкой пойме Северского Донца на песчаных дюнах. Сохранность кремней различная и варьирует от патинированных и слегка залощенных до совершенно свежих на вид, в зависимости от условий залегания и сохранности. В большинстве случаев фиксируется исключительно местное весьма качественное сырье мелового возраста, редко местный валунный аллювиальный кремень. Есть веские основания полагать, что сырьевой (производственной) базой значительной части мезо-неолитического населения поймы Северского Донца был район Бахмутско-Торецкой котловины (левый берег Донца), исключительно богатый запасами первосортного мелового кремня и массово представленный синхронными кремнеобрабатывающими мастерскими [19]. Эти мастерские расположены вдоль правобережных водных артерий Северского Донца [40] и были ориентированы на получение как нуклеусной, так и разнообразной бифасиальной продукции (топоры, наконечники и пр.).

Еще один эпизод сырьевой избирательности отмечается в особом тафономическом комплексе нео-энеолита, известного как «урочище Перекат» в Славянском р-не Донецкой обл. По устной информации С.М. Дегерменджи, на речной отмели Северского Донца собрана небольшая, но очень эффектная выборка орудий, выполненных из черного матового кремня. Этот кремень по внешним характеристикам весьма близок к сырью зимовниковской индустрии Сидоровского городища. Археологический контекст серии из ур. Перекат пока не ясен (размытый рекой могильник или поселение), но все изделия выполнены из кремня одной сырьевой группы неясного генезиса.

Сведения о кремневой индустрии ямной, катакомбной и бабинской культур энеолита и бронзового века относительно скудны и представлены преимущественно памятниками погребальной обрядности. Пестроцветный кремень из ряда погребений раннего бронзового века, происходящих из донецкой территории [25], также имеет, скорее всего, местное происхождение. Вариантность кремневого сырья их погребений не выходит за рамки местных сырьевых источников, несмотря на вероятную высокую степень мобильности племен в это время.

Поселенческие комплексы этого времени немногочисленны и в плане кремневой индустрии документируются исключительно местными сырьевыми группами. В пределах Донецкой области наиболее значительные из них – это поселения (сезонные стойбища?) у с. Раздольное Старобешевского р-на и г. Святогорска Славянского р-на и др. [35;42;8]. На Святогорском поселении использовался местный качественный серый стекловидный с мраморовидными включениями кремень верхнемелового возраста. Сырьевая оценка культурных слоев Раздольненского поселения еще не закончена. В современной сводке поселенческих памятников Донбасса, выполненной С.Н. Санжаровым, на катакомбно-многоваликовских (бабинских) поселениях представлена кремневая индустрия, которая, как кажется, не выходит за рамки местных сырьевых вариаций [35].

На многочисленных поселениях срубной культуры (эпоха поздней бронзы) ситуация в плане обильности кремневой индустрии принципиально иная. В долине Северского Донца на поселениях фиксируются многочисленные следы кремневой индустрии. Наиболее полно изучены поселения Лиманское Озеро, Ильичевка, Усово Озеро, Глубокое Озеро, Диброво [22] и др. Кремневая индустрия носила характер домашнего промысла. Практически все достоверно срубные кремневые изделия выполнены из аллювиального валунного сырья, собранного в пределах экономической зоны поселений (около 5 км). Часть кремня, возможно, поступала из склоновых обнажений правого коренного берега Донца. Срубная модель кремневого хозяйства не является абсолютно моносырьевой, так как иногда встречаются и предметы из качественного серого мелового кремня, однако этот кремень также мог попадать в аллювиальное состояние или из ближайших меловых обнажений. Тем не менее, говорить о сырьевой избирательности пока нет оснований.

Единичные кремневые изделия из поселков срубной культуры Приазовья выполнены из мелового кремня, который мог поступать сюда в качестве «технологического мусора» вместе с продуктами обмена от населения соседнего Подонцовья или от родственных общин южного Донбасса.

Бондарихинские поселения расположены в пределах левобережной поймы Северского Донца, рядом с богатыми залежами качественного кремня на правом берегу. Тем не менее, использовался либо низкосортный аллювиальный кремень из поймы, либо специфическое плитчатое сырье из правобережных меловых склонов. В данном случае явно имеет место сырьевая избирательность. Наиболее эффектные и типологически значимые двусторонние орудия (серпы, наконечники, ножи и кинжалы) почти всегда делались из кремневой плитки невысокого качества. Технология их производства напоминает одну из технологий изготовления бифасов в индустриях крымского микока среднего палеолита [41]. Кремневый плитняк проявляется в материнском залегании в виде тонких (до 1-3 см) пропластов. Поверхность плиток часто неровная, ноздреватая. Отмечается трещиноватость сырья. В других хронологических версиях каменных индустрий Донецкого региона этот вид кремня практически не использовался. Кремень преимущественно серых тонов. Таким образом, по отношению к бондарихинскому кремневому хозяйству можно говорить о местной моносырьевой базе бифасиальной технологии с ярко выраженной сырьевой избирательностью и местной полисырьевой базе примитивной нуклеусной технологии. Складывается впечатление,

что предпочтительное использование кремневой плитки у местных племен бондарихинской культуры имеет характер культурной нормы.

Об источниках редких белозерских и предскифских кремней степной зоны Донбасса мы знаем очень мало, также как и о сырьевой избирательности в этот период.

Выводы

В региональном среднем палеолите сырьевая вариантность каменных индустрий фактически полностью соответствует сырьевому спектру местных геологических источников, потенциально доступных для человека того времени. Основное количество памятников среднего палеолита Донбасса располагается непосредственно в кремненосных районах. В позднем палеолите зависимость от сырьевого фактора в стратегиях расселения несколько ослабевает, но признаки сырьевой избирательности также не наблюдаются. Яркое проявление сырьевой избирательности в региональной культурно-стратиграфической колонке впервые фиксируется только в раннем мезолите (зимовниковская культура). На основании местонахождения Средний Яр в Подонцовье можно утверждать, что население этой культурной традиции определенно предпочитало в качестве сырья для изготовления местный орудий черный матовый кремень. В других районах распространения зимовниковской культурной традиции такая избирательность как будто не отмечена. Такой же дифференцированный подход к кремневому сырью при наличии достаточно богатой и разнообразной местной сырьевой базы характерен и для кремневых индустрий позднего мезолита – раннего неолита Среднего Подонцовья при наличии полисырьевых индустрий. Эта культурная традиция описывается в литературе как донецкая культура. Особой популярностью пользовался светло-серый полупрозрачный стекловидный особо качественный кремень. Может быть, за счет мелкой зернистости он давал возможность эффектно обрабатывать изделия небольших размеров. В последующем феномен сырьевой избирательности не проявляется столь отчетливо, и случаи сырьевой унификации, кроме бондарихинского эпизода, объясняются скорее монохарактеристиками геологического источника.

Таким образом, пик сырьевой избирательности в Донецком регионе приходится на мезолит – ранний неолит. Похожая хронологическая модель сырьевой избирательности (в усеченном, правда, виде) представлена в Верхнем Поволжье [38]. Каковы причины такой сырьевой предпочтительности, еще предстоит выяснить.

В целом сырьевую избирательность древнего населения Донбасса так, же как и других территорий, где имеет место подобный эффект, трудно объяснить какими-то рациональными причинами, например, ситуационной доступностью только одного вида сырья. В ряде случаев явно имел место предпочтительный выбор кремневой массы по цветности или физическим критериям. Скорее всего, такая сырьевая избирательность определялась культурной нормой. Показательно, что этот феномен, выраженный в большей или меньшей степени, распространен чрезвычайно широко и охватывает почти все периоды существования каменного (кремневого, обсидианового и пр.) хозяйства, т.е. является универсальным и диахронным. Это служит нам подсказкой о том, что в ряде случаев в каменной индустрии социально (культурно) нормировались не только технология, но и выбор сырья, т.е. вся производственная

цепочка. В принципе, это соответствует общему духу концепции операционной последовательности (chaine opératoire) Ж-М. Женеста [49]. Может сложиться ложное впечатление, что такая гипотеза противоречит теории, согласно которой технология определялась наличиствующим сырьем, а морфология орудий – интенсивностью их подправки. На самом деле это два взаимодополняющих фактора. Любая технология вариантна и стилистична, а заданный традиционной нормой выбор технологической цепочки часто начинался, как это видно из приведенных примеров, со специального отбора каменного сырья.

Безусловно, важнейшей следующей задачей в отмеченном направлении является завершение работ по созданию единой для Большого Донбасса литотеки (на любой организационной платформе) и выделение сырьевых групп геологических источников и археологических памятников, прежде всего кремневых. Однако уже сейчас ясно, что классы сырьевых групп будут включать основные перечисленные типы сырья, прежде всего, верхнемелового и каменноугольного кремня и местного кварцита бучакского яруса палеогена, а также несколько разновидностей экзотического сырья.

Авторы ожидают от специалистов корректировку терминов, а также случаев сырьевой избирательности в археологии большого Донбасса в ходе вероятного обсуждения предлагаемых материалов.

Резюме: *Колесник А.В., Коваль Ю.Г. Сырьевая избирательность в кремневых индустриях эпохи камня – палеометалла Большого Донбасса (предварительные замечания).*

В статье рассматривается проблема сырьевой избирательности в каменном веке и эпохе палеолметалла на примере памятников археологии т.н. большого Донбасса. Большой Донбасс – особая геологическая зона Восточной Европы с большим количеством источников кремня верхнемелового происхождения. Описываются основные типы каменного сырья региона. Предполагаются эпизоды сырьевой избирательности у местных племен т.н. зимовниковкой культуры финального палеолита – раннего мезолита, у племен донецкой культуры мезолита и у населения бондарихинской культуры финального бронзового века – раннего железного века. Предлагается уточненная терминология.

Ключевые слова: *сырьевая избирательность, сырьевые группы, каменный век, палеометалл, большой Донбасс, литотека.*

Резюме: *Колесник О.В., Коваль Ю.Г. Сировинна вибірковість в кременевих індустріях епохи каменю – палеометалу великого Донбасу (попередні зауваження).*

У статті розглядається проблема сировинної вибірковості за доби каменю – палеометалу на прикладі пам'яток археології так званого Великого Донбасу. Великий Донбас – особлива геологічна зона Східної Європи з великою кількістю джерел кременя верхньокрейдяного походження. Описуються основні типи кам'яної сировини регіону. Передбачаються епізоди сировинної вибірковості у місцевих племен зимовніковської культури фінального палеоліту – раннього мезоліту, у племен донецької культури мезоліту і у населення бондарихінської культури доби фінальної бронзи – раннього заліза. Пропонується уточнена термінологія.

Ключові слова: *сировинна вибірковість, сировинні групи, доба каміння, палеометал, великий Донбас, літотека.*

Resume: *Kolesnik A., Koval Iy. The Raw Material Election of the Big Donbas Stone Age – Paleometall Epoch Flint Industry (preliminary notes).*

The problem of the Big Donbass Stone Age – Early Metal Epoch Row Material Election is under discussion in the article. The so called Big Donbass is specifically East Europe geological zone with contains the big Upper Cretaceous flint sources. The main local stone (flint and cherts) row material types of row material is discussed. The episodes of the stone Row Material Election (tribes of the Final Paleolithic – Early Mesolithic site of Zimovniki, Mesolithic sites of the Donetsk culture and population of Final Bronze Age – Early Irion Age of the Bondarikha culture) are in the focus of article interests. There is assumption about some terminological contexts of so called Row Material Election.

Kay words: *Raw Material Election, Raw Material Units, Stone Age, Paleometall Epoch, Big Donbas, Litotheka.*

Литература и источники:

1. Бадалян Р.С. Обсидиан Кавказа. Источники распространения сырья в эпоху неолита – раннего железа (по результатам анализов нейтронной активации). Автореф. … дис. … докт. ист. наук. – Ереван, 2002.
2. Бушинский Г.И. Литология меловых отложений Днепро-Донецкой впадины // Труды ин-та геолог. наук, вып. 156. – М., 1954. – 308 с.
3. Гавриленко І.М. Зимівниківська археологічна культура. – Полтава, 2000. – 127 с.
4. Галибин В.А., Тимофеев В.И. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур Восточной Прибалтики // Археологические вести, №2. – С-Пб, 1993. – С. 13-20.
5. Гиря Е.Ю. Технологические закономерности расщепления изотропных пород // Археологический Альманах, №3. – Донецк, 1994. – С. 13-34.
6. Гиря Е.Ю., Бредли Б.А. Словарь Кроу Каньон: концепция технологического анализа каменных индустрий // Археологический Альманах, №5. – Донецк, 1996. – С. 13-24.
7. Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – К., 1976. – 229 с.
8. Горбов В.Н., Усачук А.Н. С. Раннесрубно-многоваликовский горизонт поселения Раздольное в Приазовье // Археологический альманах, № 10. – Донецк, 2001. – С. 155-196.
9. Горелик А.Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье // СА, № 2, – М., 1984. – С. 115-133.
10. Горелик А.Ф., Выборный В.Ю. Итоговые результаты исследований неолитических памятников в устье р. Ольховой // Археологический альманах, № 4. – Донецк, 1995. – С. 105-124.
11. Гурина Н.Н. Кремневое сырье как исторический источник (по материалам неолитических памятников Европейской части СССР) // Sbornik prispevku 1 petroatcheologickego seminara. – Brno, 1975. – S.75-82.

12. Гурина Н.Н. Древние кремнедобывающие шахты. Л., 1976. – 176 с.
13. Гурина Н.Н. Зависимость категорий и типов каменных орудий от сырья // III seminar in petroarcheology. Reports. – Plovdiv, 1984. – S. 176-184.
14. Гурина Н.Н. Валдайская культура // Неолит Северной Евразии. Археология. – М., 1996. – С. 188-193.
15. Дегерменджи С.М. Неолитические памятники Донбасса // Научно-практический семинар «Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе». Тезисы докладов. – Донецк, 1989. – С. 14-18.
16. Дегерменджи С.М. Топор кремневый (30). Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области // Археологический альманах, №1. – Донецк, 1993. – С.19.
17. Кирчо Л.Б., Ковнурко Г.М. Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-Депе и вопросы хронологии // Археологический вестник, № 6. – С-Пб, 1999. – С. 78-85.
18. Ковнурко Г.М. О распространении кремня на территории Европейской части СССР // Новые методы в археологических исследованиях. – М.-Л., 1963. – С. 234-240.
19. Колесник А.В. О зонах производственной активности в каменном веке Донбасса // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. - V в. н. э. – Тирасполь, 1994. – С. 9-12.
20. Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах, №12. – Донецк, 2003. – 294 с.
21. Колесник А.В. Кремневые сырьевые стратегии Большого Донбасса в эпоху камня – палеометалла // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Бибикова. Археологический альманах, №20. – Донецк, 2009. – С. 41-52.
22. Колесник А.В., Гершкович Я.П. Традиция кремнеобработки в эпоху поздней бронзы в Донбассе и Северо-Восточном Приазовье // Археологический альманах, №10. – Донецк, 2001. – С. 97-118.
23. Колесник А.В., Весельский А.П. Черкасское – комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца // Археологический альманах, вып. 17. – Донецк, 2005. – 168 с.
24. Колесник А.В., Леонова Н.Б. Структурные элементы памятника и планиграфический анализ // Висла Балка – позднепалеолитический памятник на Северском Донце. Археологический альманах, вып. 11. – Донецк, 2002. – С. 29-97.
25. Кравец Д.П., Татаринов С.И. Новые катакомбные памятники Бахмутского края // Донецкий археологический сборник. – Донецк, 1997, Вып. 7. – С. 77-116.
26. Кротова А.А. Культурно-хронологической членение позднепалеолитических памятников Юго-Восточной Украины // Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. – К., 1986. - 221 с.
27. Кушнарева К.Х. Обсидиан в аспекте связей древних культур Старого Света (1) // IN SITU. К 85-летию профессора А.Д. Столяра. - С.Пб, 2006. – С. 146-188.
28. Лазаренко Е.К., Панов Б.С., Павлишин Б.И. Минералогия Донецкого бассейна, ч. 2. – К., 1975. – 503 с.
29. Леонова Н.Б. Палеоэкология и характер природопользования на верхнепалеоли-

тических стоянках района дельты Дона // Археологический альманах, № 5. – Донецк, 1996. – С. 169-174.
30. Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита. М., 2006. – 342 с.
31. Манько В.А. Финальнопалеолитический комплекс стоянки Сабовка-1 в Северо-Восточном Приазовье //Древности Подонцовья. – Луганск, Осирис, 1997. – С.11-26.
32. Матюхин А.Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы // Автореф. … дис. докт. ист. наук. – СПб, 1996. – 42 с.
33. Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб, 1999. – 171 с.
34. Петрунь В.Ф. К итогам археолого-петрографических изысканий на поселении сабатиновской культуры «Виноградный сад» и на памятниках палеолита в прилегающем регионе // Археологический альманах, №13. – Донецк, 2003. – С. 299-307.
35. Санжаров С.Н. Восточная Украина на рубеже средней-поздней бронзы. – Луганск, 2010. – 488 с.
36. Селиванова Н.Б. Методика определения источников кремня для археологических памятников // III seminare in petroarcheology. Reports. – Plovdiv, 1984. – S. 93-102.
37. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины, вып. II. – Изюм, 1926. — 20 с., 8 табл., 6 карт.
38. Синицына Г.В., Колокольцев В.Г. Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века // Археологические вести, № 14. – М., 2007. – С. 43-50.
39. Снежко И.А. Раскопки стоянки позднего палеолита у с. Синичино на юге Харьковской области // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. – Луганск, 1990. – С. 37-38.
40. Цвейбель Д.С. Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска // Материала научной конференции кафедр исторических наук Донецкого университета. – Харьков-Донецк, 1968.
41. Чабай В.П. Средний палеолит Крыма. – Симферополь, 2004. – 323 с.
42. Шапошнікова О.Г. Багатошарове поселення поблизу с. Роздольне на р. Кальміусі // Археологія. Вип. XXIII. – К., 1970. – С. 142-151.
43. Шевченко И.С. Петрографический и химический состав кремней // Висла Балка – кремнеобрабатывающая мастерская позднего палеолита на Северском Донце. Археологический Альманах, №11. – Донецк, 2002.
44. Biro K. (ed.). Papers for the I-st International conference on prehistoric flint mining and lithic raw material identification in the Carpathian basin. – Budapest-Sumeg, 1986. – 342.
45. Biro K. Sources of Hungarian petroarchaeological information on the internet // Stone Age – Mining Age. Korlin G., Weisgerber G. (eds). – Bochum, 2006. – P. 483-488.
46. Charniausky M.M. Ancient flint mines in Belarus // Archaeologia Polona, 1995. - Vol. 33. – P. 263-269.
47. Cunn J.R., Renfrew C. The Characterization of Obsidian and its sources to the Mediterranean Region // PPS. – Vol. 30, III. 1964.
48. Krukowsky S. Krzemionki opatowskie. – Warszawa, 1939. – 135 s.
49. Geneste J.-M. Analise litique d'industries mouteriannes du Périgord: une approch

technologique du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. Bordeaux. Université de Bordeaux I, 2 vol., 1985. – 572 p.
50. Pawlikowsky M., On the Necessity of Standardization of Petrological Investigation in Archaeology // «Northem» (Erratic and Jurassic) Flint of South Polish Origin in the Upper Palaeolithic of Central Europe. Kozlowsky J.K. (ed.). Cracow – Lawrence, 1989. – P. 7-15.
51. Renfrew C., Cunn J.R., Dicson J.E. Obsisdian in the Aegean // Annual of the British School of Archaeologie at Athens. – Vol .60. 225. 1965.
52. Renfrew C., Dicson J.E., Cunn J.E. Obsidian and early cultural contact in the Near East // PPS. n. Ser. – Vol. 32. #5. 1966.
53. Sulimirsky T. Swiatowit, t. – XXIII, 1960. -S.281-308.
54. Sulgostowska Z. The influence of raw material on the Final Paleolithic inventories // Papers for the I-st International conference on prehistoric flint mining and lithic raw material identification in the Carpathian basin. – Budapest-Sumeg, 1986. – 342 p.

Додаток до розділу 1

Гриб В.К., Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И.

ИСТОРИЯ И МАТЕРИАЛЫ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ДОНЦЕ

В истории изучения памятников археологии среднего течения р. Северский Донец, в первой половине XX в., есть ряд интересных и малоизвестных страниц. В это время на территории края работало несколько экспедиций. Материалы большинства из них нашли более или менее полное освещение в специальных изданиях. Так, широко известны результаты раскопок В.А. Городцова, детально опубликованные в Материалах XII Археологического съезда [1; 2]. Многое мы знаем и об исследованиях Н.В. Сибилева который осуществил как разведки, так и небольшие раскопки на целом ряде памятников в среднем течении Северского Донца. Определенная часть добытых им материалов нашла отражение в ряде статей и хорошо известных специалистам «Древностях Изюмщины» [3; 4; 5; 6; 7]. Однако в своих работах автор, как правило, приводил лишь краткие сведения об открытых им памятниках. Более подробные сведения о них, а также ряд неопубликованных материалов содержатся в обширном рукописном фонде ВУАК, который хранится в научном архиве ИА АН НАН Украины. После исследований Н.В. Сибилева, памятниками рассматриваемого нами региона длительное время никто не занимался. Их исследования были возобновлены лишь осенью 1936 г., когда в среднем течении Северского Донца начала свои работы экспедиция Сталинского краеведческого музея под руководством Г.Г. Афендика. Согласно записям в его полевом дневнике, основные исследования велись на двух объектах, один из которых (Маяцкое городище) входит в число ключевых памятников археологии рассматриваемого нами региона. Вторым являлась курганная группа, расположенная на вершине водораздельного плато между двумя крупными средневековыми городищами у сел Маяки и Сидорово.

В целом о работах этой экспедиции специалистам было известно немного. Материалы и документация ее не были опубликованы, чему, вероятно, помешала война. В послевоенное время, в силу различных обстоятельств, находки были разделены между Мариупольским и Донецким краеведческими музеями. Большинство их было депаспортизировано, а часть вообще утрачена. Дневники экспедиции, чертежи и фотоматериалы частично сохранились в фондах Мариупольского краеведческого музея. Таким образом, довоенная экспедиция 1936 г. является наименее изученной из всех выше перечисленных. Не менее загадочной является и личность ее руководителя – Григория Григорьевича Афендика. Факты его ранней биографии достаточно туманны. Неизвестны даже даты рождения и смерти этого человека, нет и достоверных фотографий с его изображением. Известно, что он хорошо рисовал, и именно его руке принадлежат хранящиеся в дневнике зарисовки Маяцкого городища (рис. 1; рис. 2). Вполне вероятно, что он наряду с художником экспедиции мог вести и чертежную документацию раскопок. Если это так, то можно предположить, что на одном из снимков экспедиции зафиксирован Г.Г. Афендик, осуществляющий чертежную фиксацию находок в полевых условиях. Нам кажется, что это стоящий слева мужчина в наброшенной сверху шинели (ил. 3).

По имеющимся у нас данным, Г.Г. Афендик работал в Сталинском музее с 1930

года. Вполне возможно, что он сотрудничал с музеем еще в 1926 г. Именно тогда Г. Г. Афендик приобрёл у некоего Ольхового каменный топор, который был найден им «…у Сартанских курганов» [8]. В 1930 году он принял участие в ряде экспедиций в Старобешевском районе, целью которых был сбор этнографических и археологических материалов для Сталинского музея [9]. Сотрудниками экспедиции были зафиксированы четыре каменных изваяния в сёлах Старобешево [10] и Большая Каракуба [11]. В 1931 г. такие же исследования были проведены в г. Сталино, в ходе которых каменное изваяние было обнаружено в с. Старомихайловка [12].

В 1932 г. Г.Г. Афендик произвел раскопки непосредственно на территории г. Сталино, после чего в музей поступили ножевидная пластина и нож из кремня. Вполне вероятно, что раскапывался курган.

Из сохранившихся документов было известно, что в 1934 г. Г.Г. Афендик являлся директором Сталинского музея краеведения [13, с.127; 14, с.2]. Однако исследования последних лет убедительно показали, что директором музея Г.Г. Афендик был уже в январе 1933 г. [15, с.10].

Несмотря на административные обязанности руководителя учреждения, Г.Г. Афендик продолжал принимать самое активное участие в полевых исследованиях музея. Так, в 1934г. он вместе с сотрудниками музея художником В.А. Головатовым и фотографом О.Е. Грейлихом провел разведку по верхнему и среднему течению р. Крынки (Чистяковский и Амвросиевский районы). Работы велись с 28 сентября по 7 октября [16] и фактически повторили маршрут разведки В.М. Евсеева 1932 г. [17, с. 6-11]. Обнаружив у церкви с. Амвросиевка кремневые отщепы, Г.Г. Афендик предположил, что он нашёл неолитическую мастерскую или стоянку. В ходе разведочного маршрута он зафиксировал два каменных изваяния в Чистяковском районе [18].

С 12 по 14 октября того же года Г.Г. Афендик был командирован в Великоянисольский и Старокерменчикский районы для обследования памятников археологии [14, с.1-4]. В этом же году он с сотрудником Сталинского музея Лысенко произвел раскопки курганов у станции Доля в районе пос. Рутченково и на пос. Стандарт (в районе Центральной городской поликлиники г. Сталино) [13, с. 127; 19]. Из раскопок этих курганов уже в реорганизованный окружной краеведческий музей г. Мариуполя поступили 69 предметов из погребения кочевника XII в. – снаряжение всадника и коня.

С 19 августа по 25 октября 1935 г. Григорий Григорьевич принял участие в раскопках Амвросиевской стоянки. В архиве МКМ сохранилась фотография, на которой изображен один из моментов этого уникального памятника. Мы не исключаем, что мужчина, заснятый сидящим на краю раскопа и есть Г.Г.Афендик (Ил.19). В этой экспедиции он был консультантом В.М. Евсеева по определению фауны, производил зарисовки местности Амвросиевского района [20, с. 256] и курганов у хутора Цюпко, раскопанных В.М. Евсеевым.

В 1936 г. Г.Г. Афендик – научный сотрудник Сталинского музея – провёл большой объём археологических исследований. В конце июля – начале августа он раскопал курган эпохи бронзы на правом берегу р. Мокрая Волноваха и обследовал окрестности ручья Кутурка у с. Большая Каракуба, а также заснял каменные бабы в нём и ближних сёлах Васильевка [21] и Морвино (хут. Кирсанова) [22]. Продолжается плодотворное сотрудничество с В.М.Евсеевым – они проводят совместные разведки у с.Янисоль.

В сентябре этого же года он у хутора Зливки Лиманского района собрал кремневые изделия на дюнах и произвел раскопки селища. Тогда же он собрал подъемный материал у хуторов Хайловщина и Дубовка, а также на дюнах левого берега р. Северский Донец. Отчет об этих работах датирован 3 сентября 1936 г.

В сентябре – начале октября 1936 г. экспедицией Сталинского музея были проведены большие работы в среднем течении р.Северский Донец, между селами Сидорово и Маяки.

В период реорганизации музеев Донбасса 1937 г. Г.Г. Афендик остался в г. Сталино. Материалы музея (экспозиция была демонтирована) частично ютились в деревянном павильоне агробиологической станции, которая находилась на территории парка им. Постышева (современный парк им. Щербакова) и в кладовых ДК им. Ленина металлургического завода. Директор музея Г.Г. Афендик, отмечая плачевное состояние музея, не раз подчеркивал, что музей переезжает уже в шестой раз, осталась только экспозиция отдела промышленности [13, с. 130]. В 1938 г. Г.Г. Афендик вместе с В.М. Евсеевым осмотрел стоянку каменного века в Зинцевой балке г. Мариуполя и собрали там подъемный материал [23].

Последнее документированное упоминание Г.Г. Афендика относится к 1940 году – в черновике небольшой газетной заметки все тот же В.М.Евсеев рассказывает о том, как Григорий Григорьевич во время проведения экскурсии на Маяцкое городище для школьников Дома пионеров г. Сталино, в размыве оврага обнаружил «меловую скульптуру человеческой головы, каменный молоток и различные черепки» [24]. Эти материалы также не были опубликованы. Сегодня они, к сожалению, утрачены. В фотоархиве Донецкого краеведческого музея сохранился только снимок меловой скульптуры, позволяющей получить самое общее представление об этой находке.

Более поздних данных о Г. Г. Афендике мы не знаем. Его следы теряются буквально за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны.

Экспедиция, материалы которой нас интересуют, была наиболее крупной и резко выделялась из числа прочих [25]. Ее начальником был Г.Г. Афендик, сотрудником – В. М. Евсеев, фотографом – О. Е. Грейлих, рисунки выполнил Козинцев. В процессе работ были обследованы салтовские городища у сел Сидорово, Богородичное и Маяки, на которых был собран подъемный материал. Были выполнены зарисовки местности. Раскопки велись на городище у с. Маяки, где были заложены траншеи и изучена часть грунтового могильника. Кроме этого, с 29 сентября по 1 ноября велись раскопки курганной группы у с. Сидорово, где были раскопаны курган № 1 (обнаружено не менее 6 погребений), курган № 3 (найдено погребение № 1), курган № 4 (5 погребений) [24]. К большому сожалению, материалы экспедиции автором опубликованы не были. Находки вместе с полевой документацией были переданы в Сталинский музей, затем оттуда попали в фонды Мариупольского краеведческого музея. После войны значительная часть материалов вновь была возвращена в собрание ДОКМ, часть же так и осталась в Мариуполе. Только благодаря кропотливой работе одного из авторов этой статьи удалось идентифицировать большую часть этих материалов.

В целом из документации экспедиции сохранилась часть дневника, посвященная раскопкам курганов, чертежи погребений, общие планы некоторых раскопов, заложенных на городище Маяки, фотографии и две акварельные зарисовки. Некоторые данные о находках можно почерпнуть из фондовых книг. Из находок сохранилось несколько

ящиков с фрагментами керамики и отдельные предметы из раскопок курганов.

Раскопки на Маяцком городище. Работы на территории Маяцкого городища производились в сентябре – октябре 1936 г. Дневник указанных работ не сохранился. Из чертежной документации сохранились планы четырех раскопов, именуемых автором, – траншея 1-4. Судя по конфигурации, все они прилегали к Ложникову Яру. У автора чертежа это «балка возле Маяцкого городища». Учитывая тот факт, что на всех чертежах стоят даты начала октября, работы на данном участке были начаты, по-видимому, в сентябре. Фотографии указанных раскопов позволяют приблизительно определить место их расположения. Это участок Ложникова Яра, близ Северского Донца. Данная территория у В.К. Михеева именовалась «нижним городом» или «Селищем-2» [26, с.13]. На сводной карте раскопов (ил.4) она носит это же название. Благодаря раскопкам В.К. Михеева, этот участок памятника является наиболее изученным. Именно на нем располагалось большинство его раскопов, в том числе и т.н. «Большой раскоп» (раскоп I, IV, VI) площадь которого составляла около 3 000 м^2 [27, с.5]. Кроме него на этой территории В.К. Михеевым были заложены раскопы IX, XIV, XIX, XX. А в дальнейшем экспедицией под руководством Э.Е Кравченко здесь был разбит раскоп 31 [28, с.4-8]. Шифры на материалах свидетельствуют, что реально раскопов было больше. Так, фрагменты сосуда, выявленные в одном из ящиков, хранящихся в Донецком краеведческом музее, указывали, что он был найден в траншее 7. Местонахождение указанной траншеи определяется точно. Она была зафиксирована и частично вскрыта раскопом 3 «П» (по общей нумерации раскоп 28) в 1991 г. [29, с.78, рис.2,1]. Эта траншея прорезала котлован помещения 4, разрушив печь постройки. Идентифицировать данный раскоп удалось путем сравнения керамического материала происходящего из помещения 4, раскопанного в 1991 г.[1] и траншеи 7 (1936 г.)[2]. В обоих ящиках хранились фрагменты одних и тех же сосудов, в том числе и редко встречающегося в степной полосе сероглиняного кувшина, покрытого прозрачной зеленой поливой [29, с.83, рис.6,1].

В целом же место расположения большинства раскопов 1936 г. можно определить лишь приблизительно. Так, погребения, судя по имеющимся в фондах Мариупольского музея фотографиям (ил.5-6), были расчищены на площадке, где в 60-х гг. XX в. экспедицией Харьковского государственного университета были заложены раскопы IX и XX (наиболее вероятно, район раскопа IX). По крайней мере, В.К. Михеевым в пределах этого раскопа были выявлены захоронения, близкие по типу тем, что были обнаружены в 1936 г. [30, с.23-25]. Так или иначе, раскопы 1-4 располагались именно на этой площадке. Часть траншей находилась на участке, прилегающем к берегу Северского Донца (Селище-3). В пользу этого свидетельствует и характер керамического комплекса, выявленного Г.Г. Афендиком. Так, значительная часть керамического материала была представлена крупными обломками гончарных горшков, которые по своему внешнему виду несколько напоминают керамику Древней Руси (рис.7, 7-12; рис.8, 2-9, 11; рис.9, 8, 13). При этом в комплексе присутствует керамика салтово-

1 Материалы хранятся в фондах Святогорского историко-архитектурного заповедника (г.Святогорск Донецкой области).

2 Ящик с керамикой находится в фондах Донецкого областного краеведческого музея. Материалы из этой же траншеи могут находиться в фондах Мариупольского краеведческого музея.

маяцкой культуры (рис.7, 1-4; рис.9, 3, 4, 6-7, 10, 15; рис.10, 1-7, 10-14). Кроме выше перечисленных материалов в нем находились и фрагменты сосудов пеньковской культуры (рис.9, 1, 5, 14). В подобном сочетании такие материалы на памятнике встречены только в одном районе – на участке близ берега р. Северский Донец, в пределах «Селища-3». Именно на этом участке находится единственное на памятнике место, в пределах которого имеются напластования с т.н. «псевдодревнерусской» керамикой, подстилаемые слоями салтово-маяцкой и пеньковской культур. На этой площади и была зафиксирована траншея 7. Здесь же, по-видимому, располагались и траншеи 5-6. Собственно, и раскопы 1-4 находились в непосредственной близости от этой площадки. В целом участок памятника, в пределах которого производились исследования, составлял небольшую часть археологического комплекса. Показательно, что изучение участков на берегу Северского Донца, раскопки которых были начаты Г.Г. Афендиком в 1936 г., было возобновлено только в 1990 г. [29; 31].

В целом же, раскопки 1936 г., на археологическом комплексе Маяки представляют существенный интерес. До этого городище изучалось только Н.В. Сибилевым, который, по непроверенным данным, производил на нем небольшие по объему раскопки. Так или иначе, экспедиция 1936 г. была более масштабной. Фактически это были первые серьезные исследования данного памятника, одного из крупнейших археологических объектов Среднего Подонцовья. Найденные в их процессе находки не были обработаны, тем не менее они представляли материалы первостепенной важности. Так, на безынвентарные захоронения Маяцкого археологического комплекса обратил внимание В.К. Михеев [32, с.52], продолжая изучение тех же могильников, исследования которых были начаты Г.Г. Афендиком. Конфессиональная же принадлежность погребенного в этих могильниках населения не совсем ясна до сих пор [33]. Не менее интересен вопрос и о псевдодревнерусских материалах, четко прослеживаемых в керамике памятника. Длительное время их считали следами пребывания славяно-русского населения в Степи [34]. В последнее время на основании новых материалов, полученных при раскопках памятников золотоордынского времени, эта точка зрения была оспорена [29; 31]. Тем не менее, вопрос об этнической принадлежности этого населения и его исторических судьбах до сих пор не совсем ясен. Показательно, что ряд работ по указанной проблеме был подготовлен на основе материалов, добытых при раскопках «Селища-3», исследования которого были начаты в 1936 году Г.Г. Афендиком.

Раскопки курганов у с. Сидорово. Кроме работ на Маяцком городище осенью 1936 г. Г.Г. Афендик проводил раскопки курганов к югу от с. Сидорово, на площадке плато правого берега Сидоровского яра. Судя по сохранившимся материалам, каких-либо исследований на территории расположенного за яром Сидоровского городища в этом году не производилось. Г.Г. Афендик ограничился общим осмотром памятника и сбором на нем подъемного материала (рис.10, 15-16).

Курганная группа располагалась к югу от археологического комплекса у с. Сидорово. Она находилась на плато водораздельного мыса, образованного Сидоровским Яром и долиной р. Северский Донец. К моменту раскопок на поверхности поля читались четыре невысокие курганные насыпи, вытянутые цепью по линии северо-запад – юго-восток. До недавнего времени от трех насыпей на поле оставались едва заметные следы, а место четвертой (курган 1) маркировал триангуляционный знак. Согласно

данным частично сохранившегося дневника экспедиции, насыпи находились друг от друга на расстоянии не менее 40 м, и уже в 1936 г. были довольно сильно распаханы. При этом все поле «было изрезано буграми», которые, по мнению исследователя, также могли представлять собой остатки от «бывших, распаханных насыпей». Последнее замечание достойно внимания, т.к. в пределах указанного участка поля достаточно часто встречаются фрагменты керамики эпохи бронзы, которые могли происходить из разрушенных захоронений. Кроме этого, в 550 м к север – северо-западу от участка, на котором располагались курганы, на пахотном поле зафиксировано скопление керамики срубной культуры. Указанное скопление было вытянуто на склоне, вдоль правого берега Сидоровского Яра и, наиболее вероятно, маркировало место расположения поселения эпохи поздней бронзы.

Судя по записям в полевом дневнике, работы на курганах велись 28.09 - 06.10.1936 г. Исследованиям подверглись три из четырех расположенных здесь курганов (№1, №3 и №4). Они изучались путем прокладки крестообразных траншей, проходящих через центральную часть курганной насыпи. Затем к раскопанным участкам производились прирезки, благодаря которым вскрывалась большая часть кургана (в основном его центр).

К моменту раскопок курган №1 был поврежден ямой или крупной норой, имевшей диаметр не менее 1,5 м. Страницы дневника, где были описаны исследования этого кургана, к нам не дошли, но сохранился общий план, согласно которому видно, что в кургане №1 было обнаружено всего одно захоронение позднекочевнического времени, расположенное в центральной части насыпи (ил.11). Погребение было произведено в неглубокой яме, имеющей вдоль северного края уступ, на котором лежали кости лошади. Они были повреждены поздней ямой, тем не менее, видно, что здесь лежала голова с удилами, ориентированная на запад, и длинные кости ног, которые первоначально, по-видимому, были выложены в анатомическом порядке. Скелет погребенного находился к югу, приблизительно на 30 см ниже захоронения лошади. Он лежал на спине, головой на запад, с вытянутыми вдоль туловища руками (ил.12.).

Раскопки кургана №3 производились 28-30.09.1936 г. Насыпь была прорезана траншеей, ориентированной по линии восток-запад. В центральной ее части на древней дневной поверхности было обнаружено погребение 1 (ил.13.). Скелет погребенного был уложен на спине, с разворотом на левый бок, в слабоскорченном положении. Ориентация – запад – северо-запад – восток – юго-восток. В насыпи были обнаружены остатки дерева, что свидетельствовало о наличии деревянной конструкции. Вокруг скелета и в юго-восточной части траншеи встречены многочисленные угольки. Вещей в погребении обнаружено не было. Характерные особенности обряда свидетельствуют, что данное захоронение относилось к культуре многоваликовой керамики и, по всей видимости, являлось основным в данном кургане. Были ли в нем еще погребения, не ясно, так как на этом раскопки данного кургана были приостановлены и раскоп засыпан.

Наиболее многочисленный материал был получен при раскопках кургана №4, расположенного в 40 м к юго-западу от остальных насыпей. Об этом кургане имеются более детальные сведения, так как страницы дневника с описанием именно его раскопок сохранились в большей степени.

Насыпь кургана имела высоту около 0,46 м при диаметре около 30 м. В кургане было обнаружено пять погребений, из которых три относились к эпохе бронзы (ил.14).

Два погребения датируются периодом развитого средневековья. Раскопки кургана производились путем прокладки через его центральную часть двух крестообразно расположенных траншей.

В центральной части кургана было обнаружено погребение 1. Скелет лежал вытянуто на спине с вытянутыми вдоль корпуса руками головой на ЮЮВ. Судя по инвентарю, была погребена, скорее всего, женщина. На руке погребенной находился проволочный браслет (ил.15).

Погребение 2 располагалось в центральной части кургана на уровне 0,90 м. Скелет лежал скорченно на левом боку. Череп не сохранился, однако по положению скелета ясно, что он был ориентирован в северо-восточный сектор (ил.16).

Погребение 3 располагалось к востоку от погребения 1. Скелет лежал на глубине 0,60 м скорченно на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтевых суставах. Кисти направлены к груди. У коленных суставов стоял лепной сосуд «темной глины по форме, приближающийся к банке. Венчик прямой, плечики орнаментированы «угольничками вдавленно (V V)». Оба погребения эпохи бронзы (№2 и 3) «были осыпаны угольками». Ниже скелета зафиксированы следы «обугленных широких плах (выс. 0,8 м)» [24]. Наиболее вероятно, указанное погребение относилось к срубной культуре.

Два погребения, описанные в дневнике под номерами 4 и 5, находились рядом. Согласно данным дневника и прилагающимся к нему чертежам, погребение 4 было обнаружено в центральной части кургана. Здесь, на глубине 0,75 м, лежали обломки «от двух малых глиняных сосудов (красной и серой глины)», ниже которых (на уровне 1,1 м) лежали двусоставные удила. Неподалеку, на глубине 1,05 м, была обнаружена медная «гофрированная пластинка». Г.Г. Афендик определил этот комплекс, как «разграбленное погребение». Тем не менее, расположение его по отношению к находящемуся рядом погребению 5 может свидетельствовать в пользу того, что они составляли единый комплекс (ил.17). Скелет женщины был обнаружен на глубине 1,2 м. Он был уложен вытянуто на спине головой на запад – юго-запад.

«На глубине 120 см погребение №5 женщины головой на ЗЮЗ. Костяк лежал на спине, руки вдоль тела, кисти на бедрах. Вдоль правой стороны черепа остатки дерева и ткани (шерстяной?). На левой стороне черепа трубчатая спиральная медная сережка (2). На правой стороне – такая же. Возле челюстей на левой стороне плоская медная с отогнутыми назад краями, сердцевидной формы ладанка с орнаментом и следами позолоты (1), там же гофрированная согнутая полумесяцем медная пластинка. Медная головная шпилька.

В головах остатки дерева П-образного вида, шпилька светлого металла (окислившаяся в фиолетовый тон…) Возле левой нижней челюсти несколько костяных плохо сохранившихся бус. Голова покоилась на дереве. Череп сильно пострадавший от времени и кости рук и ног взяты» [25]. Сохранившиеся детали свидетельствуют, что наиболее вероятно, у головы погребенной находилась обшитая тканью шкатулка. Остатки от ткани, представляющей собой золототканую парчу, дошли до наших дней (ил.18) и хранятся в фондах Донецкого краеведческого музея. Там же находились фрагменты дутого височного кольца.

Как видим, в курганах, исследованных Г.Г. Афендиком в 1936 г., основными являлись погребения эпохи бронзы. Указанная ситуация вполне характерна для курганов

среднего течения Северского Донца. Наряду с ними присутствуют и средневековые захоронения, которые представляют собой классические захоронения позднекочевнического времени, оставленные кочевым населением восточноевропейских степей. Указанные захоронения были произведены уже в то время, когда жизнь на расположенном рядом с этой территорией крупном поселении прекратилась, и некогда густонаселенный жилой пункт представлял собой уже нежилое городище.

Резюме: *История исследования памятников археологии в зоне среднего течения р. Северский Донец имеет интересные и малоизвестные страницы. К таким страницам относятся материалы исследований Г.Г. Афендика 1936 года в Подонцовье. Экспедиция Сталинского краеведческого музея провела раскопки на территории Маяцкого городища. Было найдено несколько захоронений и большая коллекция керамики салтовской и пеньковской культур. Кроме того, несомненный интерес вызывают фрагменты посуды так называемого «древнерусского облика». Экспедиция также исследовала курганы, расположенные между сёлами Сидорово и Маяки. Были найдены захоронения бронзового века (срубная культура) и кочевников эпохи средневековья.*

Ключевые слова: *Г.Г. Афендик, городище, салтовская культура, керамика «древнерусского облика», курган, срубная культура, кочевнические погребения.*

Резюме: *Гриб В.К., Кравченко Е.Є., Кучугура Л.І Історія і матеріали однієї експедиції на Дінці.*

Історія вивчення пам'яток археології в зоні середньої течії р. Сіверський Донець, має цікаві і маловідомі сторінки. До таких сторінок відносяться матеріали досліджень Г.Г. Афендіка 1936 р. у Подінців'ї. Експедиція Сталінського краєзнавчого музею провела розкопки на території Маяцького городища. Було знайдено декілька поховань і значна колекція кераміки, яка відноситься до салтівської та пеньківської культурам. Значний інтерес викликають фрагменти посуду так званого «давньоруського» обліку. Експедиція також дослідила кургани, які знаходились між селами Сидорово та Маяки. Були знайдені поховання бронзового віку (зрубна культура) та кочовиків доби середньовіччя.

Ключові слова: *Г.Г. Афендік, городище, салтівська культура, кераміка «давньоруського» обліку, курган, зрубна культура, поховання кочовиків.*

Summary. *The history of studying of archaeological sites in the middle part of the stream of the river Severskii Donets has a number of interesting and little-known pages. Among such pages there are materials of G.G. Afendik's investigations of 1936 which he made in the Severskii Donets reaches. The expedition has excavated the site of the Maiaki hillfort. Some burials and the extensive collection of pottery of the Saltov and Penkovka cultures have been found. The fragments of pottery of the so-called "Old Russian" shape are especially interesting. The expedition has also investigated barrows located between villages Sidorovo and Maiaki. The burials of Bronze Age and of the late nomads have been explored inside them.*

Keywords: *G.G. Afendik, hillfort, Saltov culture, pottery of "Old Russian" shape, barrow, Timber-grave culture, late nomads burials.*

Литература и источники:

1. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии.1901г. / В.А.Городцов // Труды XII Археологического съезда. Т.1. – М., 1905. – с.174-225.
2. Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р.Донца Изюмского уезда Харьковской губернии / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда. Т.1. – М., 1905. – с. 226 -340.
3. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Вып.1. Альбом рисунков / Н.В. Сибилев. – Изюм, 1926. – 10 с.
4. Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Вып.2. Археологические разведки в бассейне Донца в 1920-1926 гг. / Н.В. Сибилев. – Изюм, 1926. – 26 с.
5. Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщинни. Вип. 3 / М.В. Сібільов. – Ізюм, 1928. – 19 с.
6. Сібільов М.В. Старовинності Ізюмщини. Вип.4 / М.В. Сібільов. – Ізюм, 1930. – 28 с.
7. Сібільов М.В. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономах та Ігоря Сіверського / М.В. Сібільов // Археологія, т. IV. – К., 1950, – с. 99-14.
8. Фонды МКМ. Довоенные инвентарные книги. № 278-И.
9. Фонды МКМ. № 3801-Ф.
10. Фонды МКМ. № 17-II 330; № 18-II 331; № 24-II 333; № 26-II 332.
11. Фонды МКМ. № 19-II 327; № 15 824-II 327; № 25-II 329.
12. Фонды МКМ. № 1228-II 401.
13. Крыжная Ж.П. Наши истоки (из истории музеев Сталинщины-Донетчины. 20-70-е гг. XX в.) / Ж.П. Крыжная //Літопис Донбасу. № 14. – Донецьк, 2006. – с.126-131.
14. Афендік Г.Г. Звіт про відрядження до В.-Янісольского та Ст.Керменчикського районів з метою виявлення випадкових археологічних знахідок та стану історико-культурних пам'ятників / Г.Г.Афендік // Архив МКМ. № И-1. – с. 1-4.
15. Усачук А.Н. Виктор Михайлович Евсеев: начало / А.Н.Усачук, А.В.Колесник // Літопис Донбасу. № 20. – Донецьк, 2012. – с. 4-32.
16. Афендик Г.Г. Отчет о командировке сотрудников Сталинского Краевого Музея Афендика Г.Г., Головатого В.А., Грейлиха О.Е. в Чистяковский и Амвросиевский районы Донецкой области (28.09 – 7.10.1934г.) / Г.Г. Афендик . – Архив МКМ. № И-1. – с. 5-13.
17. Косикова Е.В. Исследователь древностей Донетчины Виктор Михайлович Евсеев (1912-1955) / Е.В. Косикова // Донецкий археологический сборник. Вып.5. – Донецк, 1994. – с. 5-19.
18. Фонды МКМ. № 608-II 400; № 609-II 399.
19. Газета «Сталинский рабочий». 20 ноября 1935 г.
20. Євсєєв В.М. Палеолітична стоянка Амвросіївка (попередній звіт про розкопки 1935 р.) / В.М.Євсєєв // Палеоліт і неоліт України.Т.1. Вип.V. – К., 1949. – с. 265-282.
21. Фонды МКМ. № 906-II 395.
22. Фонды МКМ. № 895-II 391б.
23. Евсеев В.М. Отчет о рекогносцировке по Зинцевой балке (вблизи г. Мариуполь). 18.04.1941 г. / В.М.Евсеев. – Фонды МКМ, № 6249-Д.
24. Евсеев В.М. Рукопись статьи в газету «Сталинский рабочий». Фонды ДКМ. / В.М. Евсеев. – Донецк, 1949. – с. 2-3.

25. Афендик Г.Г. Дневник раскопок группы курганов между селами Маяки и Сидорово. Раскопки Г.Г. Афендика. 29.09 - 1.11.1936 г. / Г.Г. Афендик. – Фонды МКМ. № 6794-К.
26. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. – Харьков, 1985. – 147 с.
27. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с.Маяки в 1968 г. / В.К. Михеев. – НА ИА НАНУ. 1968.
28. Кравченко Э.Е. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году / Э.Е. Кравченко, А.Н. Петренко, А.В. Шамрай. – НА ИА НАНУ, 2008/204.
29. Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца / Э.Е. Кравченко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Сборник статей. – Донецк, 2000. – с. 75-100.
30. Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 года / В.К. Михеев. – НА ИА НАНУ, 1965.
31. Кравченко Э.Е. исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца / Э. Е. Кравченко // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. – Азов, 2009. – с. 242-262.
32. Михеев В.К. Средневековые поселения и могильники Подонцовья / В.К. Михеев, А.Г. Копыл // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов научно-практического семинара. 19-21 апреля 1989 года. – Донецк, 1989. – с. 50-53.
33. Кравченко Э. Е. Безынвентарные могильники западной окраины Хазарии (к вопросу о распространении в каганате монотеистических религий) / Э.Е. Кравченко // Материалы одиннадцатой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч.1. – М., 2004. – с. 24-39.
34. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде / М.Д. Полубояринова. – М., 1978.

История и материалы одной экспедиции на Донце

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1936 ГОДА СТАЛИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА У С. МАЯКИ И КУРГАННОЙ ГРУППЫ У С. СИДОРОВО (СЛАВЯНСКИЙ РАЙОН СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ) (РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ – Г.Г. АФЕНДИК)

СОСТАВ МАТЕРИАЛОВ:

1. ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК Г.Г. АФЕНДИКА (ФОТОКОПИЯ ОРИГИНАЛА) – 9 листов

2. ТЕКСТ ДНЕВНИКА Г.Г. АФЕНДИКА

3. ОПИСЬ КЕРАМИКИ

4. ЗАРИСОВКИ ПАМЯТНИКОВ, РИСУНКИ НАХОДОК, ФОТО ЭКСПЕДИЦИ – Ил.1-18.

5. ФОТО АМВРОСИЕВСКОЙ СТОЯНКИ. 1935 г. – Ил.19.

Дневник
раскопок курганов 1936 г.г.
Г. Г. Афендик

29/IX. После осмотра группы курганов (в 1,5-2 км) от с. Сидорово и в 1,5 км. от с. Маяков близь столбовой дороги в с. Сидорово — приступили к пробным раскопкам, выбрав курган (№ 3 / III) третий от дороги
один от другого в расстоянии около 40 м.
Курганы сильно распаханы (особенно № II (2) и IV-й). Все поле изрыто буграми (?) повидимому от бывших, распаханных межей.
Раскопки начались на земле колхоза с. Сидорова.

Вся группа вытянута от вершины гребня, почти ровной линией к З. от дороги к балке поросшей лесом и подходящей (балка) к хут. Сидоровому. Невысокие курганы, своей формой и местоположением могли принадлежать кочевникам.

№ III, почти ~~одинаковой~~ одной высоты с кург. № I (III-й немного ниже), раскапывался траншеей с востока на запад, шириной в 2 м. и общ. длиной 10 метров (по 5 метр. от центра — 0 —.

В юго-восточной части траншеи встречены на глубине 0,48 м. угольки и обугленное, разложившееся дерево, кусками длиной до 0,70 толщиной до 0,11 с/м. в сечении д. плоское. (слоем 0,02 - 0,04)

На 3-м штыке в центре обнаружены (на глубине 0,57 м) кости, а затем и череп.

Костяк лежал на спине; ноги (и голова (на лев. боку) слегка согнуты и повернуты влево. Направление (головы) WNW — OSO. Руки лев. вдоль тела правая на прав. бедре
Длина костяка (в согнутом положении) 1,53 (от головы до пяток включ.;
h=(всего) > 1,59. В бедрах (ширин. таза) = 0,27 (?)

1

Дневник раскопок курганов 1936 г.
Г.Г. Афендик*

29/IX.

После осмотра группы курганов (в 1,5-2 км) от с.Сидорово и в 1,5 км от с.Маяков близ столбовой дороги в с. Сидорово - приступили к пробным раскопкам, выбрав курган (№ 3) третий от дороги.

Курганы, один от другого в расстоянии около 40 м, сильно распаханы (особенно № 2 и IV-й). Все поле изрезано буграми (?) по-видимому, от бывших, распаханных меж.

Раскопки начались на земле колхоза с. Сидорово.

Вся группа вытянута от вершины гребня, почти ровной линией к З от дороги к балке поросшей лесом и подходящей (балка) к хут. Сидоровому. Невысокие курганы, своей формой и местоположением могли принадлежать кочевникам.

№ III, почти одной высоты с курганом № I. (III-й немного ниже раскапывали траншеей с востока на запад, шириной в 2 м и общ. длиной 10 метров (по 5 метр. от центра – 0 -.

В юго-восточной части траншеи встречены на глубине 0,48м угольки и обугленное разложившееся дерево, кусками до 0,70 толщиной до 0,11 см в сечении д. плоское (слоем 0,02-0,04).

На 3-м штыке в центре обнаружены (на глубине 0,57см) кости, а затем и череп.

Костяк лежал на спине, ноги (и голова/ на левом боку) слегка согнуты и повернуты влево. Направление головы WNW-OS.O. Руки лев. вдоль тела, правая на прав. бедре. Длина костяка (в согнутом положении) 1,53 (от головы до пяточн. к. включ), h=(всего) > 1,59 м. В бедрах (ширина таза) = 0,27 м (?)

* В тексте сохранена стилистика, орфография и сокращения автора отчета.

29/IX Курган № III

погребение 1-е. h= бедряной кости – 0,41, берцовых – 0,35, стопы 0,18. предплечья – 0,32; плечевых – 0,24…

Вещей не обнаружено. Костяк лежал на поверхности под курганом. Площадью раскопа ямы не найдено.

Костяк (снаружи) и юго-восточная часть траншеи с многочисленными угольками

30/IX Курган (III) был засыпан.

30/IX – 7/X Считая необходимым выяснить кому принадлежит 4 указ. курганы, предприняли дальнейшие раскопки.

Курган № IV. Сильно распахан, с продольными бороздами. Высота (по приблизительной нивелировке): всего 0,46 м.

Д = ок. 30 м.

Траншеями с W на Os (длиной по 7 метр, шириной 1,40).

На юг от точки 0 (центра). С севера на юг 4м и 5м траншеями.

Вторым штыком обнаружены недалеко от центра кости (руки) и зеленого цвета (окислы меди) проволочный браслет.

В траншеях явные следы выбросов из глубокой ямы. Расширив траншею, на глу-

бине 35 см, после расчистки выяснилось, что костяк (женщины?) лежал на спине с вытянутыми к бедрам руками. Т. о. костяк лежал на уровне земли (точнее, даже в насыпи) головой на ю.ю. восток.

На глубине 0,60 см от поверхн. кургана обнаружена разрушенная черепная крышка на с.восток от женского костяка.

На восток же от костяка № 1 обнаружено было погребение (№ 3) в скорченном виде с горшком у колен (h = 0,60).

Под отметкой 0 в центре лежал скорченный костяк (№ 2) (h = 0,90), часть костей которого (предплечья и кистей) повредили лопатой рабочие. Череп у костяка отсутствовал.

На глубине 1,05 м на восток от центра (0) в 30 см найдена гнутая «гофрированная» медная пластинка.

Там же у центра лежали удила, а несколько юго восточнее 1 стремя (h =1,10)

Выше которых (h = 0,75) собраны черепки от двух тонких малых глиняных сосудов (красной и серой глины).

Скорченные костяки лежали на левом боку головами (:) на северо-сев. восток.

Костяки осыпаны угольками. Ниже костяка № 3 следы обугленных широких плах (h = 0,80). Кисти рук костяка № 3 согнуты и направлены к груди.

У колен, немного выше костяка № 3 находился распавшийся на куски горшок темной глины, по форме приближающийся к п/банке. Венчик прямой. Плечики орнаментированны угольничками вдавленно (VV)

Костяк № 2

(рисунок погребения № ?)

Костяк № 3 (от головы до пяточн. костей = 1,20.

Костяк № 5

(Рисунок погребения № 5)

(проводил работы О.Грейлих)

6/X.

В восточной части раскопа (восточн. траншея).

На глубине 120см погребение (№ 5) женщины, головой на WSW.

Костяк лежал на спине, руки вдоль тела, кисти на бедрах. Возле правой стороны черепа остатки дерева-ткани (шерстяной?). На левой стороне черепа трубчатая спиральная, медная сережка (?). На правой стороне такая же. Возле челюстей на левой стороне плоская медная, с отогнутыми назад краями, сердцевидной формы ладанка (медная?) с орнаментом и следами позолоты (?), там же «гофрированная» согнутая полукольцом медная пластинка. Медная (головная) шпилька…

В головах остатки дерева, П вида, шпилька (?) (светлого металла), (окислившаяся в фиолетов. тон (слово неразборчиво).

Возле левой нижней челюсти неск. костяных, плохо сохранившихся бус. Голова покоилась на дереве. Череп сильно пострадавший от времени и кости (правые) рук и ног взяты.

В юго-восточной части южной траншеи обнаружено погребение № 6, повидимому, разрушенное… Остатки костей (череп и др.) найдены на глубине ок. 1,30. Черепная крышка неск. отдельно от нижней челюсти. Костяк со следами медной окиси на

черепе лежал (повидимому) лицевой обращен на В.ЮЮ. (головой на запад) в полусидячем положении (?)

(Взят череп и некотор. кости).

Курган № IV погребение 1

(рисунок погребения № 1)

Схема расположения курганной группы у дороги Сидорово – Маяки.

Приложение № 3

Опись керамики из раскопок Г.Г.Афендика в Подонцовье (1936 г.)

Маяцкое городище:

1. Венчик горшка. (Инв. № 14768; 7606) Рис.7 -1-

Фрагмент венчика горшка, сильно отогнутый наружу и сразу переходящий в тулово сосуда, которое орнаментировано глубокими горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Поверхность темно-серого цвета, в изломе – черного. В тесте примеси мелкого шамота. Диаметр 11-12 см. Гончарный.

2. Венчик горшка. (М. гор. 1936. тр. 2) Рис.7 -2-

Фрагмент венчика горшка, сильно отогнутый, сразу переходящий в тулово сосуда, которое орнаментировано горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Поверхность коричневого цвета. Тесто плотное, с примесями шамота из мелких частиц амфорной керамики. Диаметр 13см. Гончарный.

3. Венчик горшка. (Инв. № 7549. М. гор. 1936. тр. 4) Рис.7 -3-

Фрагмент невысокого слабо отогнутого венчика горшка, сразу преходящего в тулово сосуда, которое орнаментировано глубокими горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Поверхность серого цвета, в изломе – черного. В тесте примеси мелкого шамота. Диаметр 15-16 см. Гончарный.

4. Венчик горшка. (Инв. № 4657; 6704) Рис.7 -4-

Фрагмент венчика горшка, слабо отогнутый наружу, плавно переходящий в тулово сосуда, которое орнаментировано горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Поверхность светло-серого цвета. Тесто плотное, с примесями шамота. Диаметр 11-12см. Гончарный.

5. Венчик горшка. (М.гор.1936. тр.3) Рис.7 -5-

Фрагмент венчика горшка, сильно отогнутый наружу, высота шейки около 2см. Тулово округлых пропорций со следами лощения на поверхности серого цвета. Верхняя часть тулова украшена глубокими горизонтальными линиями, между которыми нанесен т.н. «циркульный» орнамент. Тесто плотное, с примесями мелких частиц шамота. Диаметр 19-20см. Гончарный.

6. Венчик горшка. (Инв. № 14719; 7620) Рис.7 -6-

Фрагмент венчика горшка, сильно отогнутый наружу и практически сразу же переходящий в тулово, верхняя часть которого украшена орнаментом в виде плавной волнообразной линии и горизонтальными линиями ниже. Поверхность сосуда черного цвета. Тесто плотное, без видимых примесей. Диаметр 12-13 см. Гончарный.

7. Венчик горшка. (Инв. № 38361; 6906) Рис.7 -7-

Фрагмент невысокого (1-1,5 см), слабо отогнутого венчика горшка с неглубокой внутренней закраиной. Верхняя часть тулова украшена одной волнообразной линией. Поверхность горшка снаружи покрыта черной копотью, изнутри – серого цвета. Диаметр 18-19 см. Гончарный.

8. Венчик горшка. (Инв. № 4706) Рис.7 -8-

Фрагмент сильно отогнутого венчика горшка с внутренней закраиной. Верхняя часть тулова украшена орнаментом в виде неглубоких горизонтальных линий нанесенных зубчатым штампом. Поверхность горшка закопчена до черного цвета. В изломе тесто рыхлое, мелкозернистой структуры. Диаметр 12-13 см. Гончарный.

9. Венчик горшка. (Инв. № 14718; 7595) Рис.7 -9-

Фрагмент слабо отогнутого венчика горшка с неглубокой внутренней закраиной. Под венчиком нанесена одна горизонтальная линия. Ниже нее – неглубокие защипы в виде «запятых». Основная часть тулова украшена орнаментом из горизонтальных линий, выполненных зубчатым штампом. Поверхность серого цвета, в изломе - черного. Тесто плотное. Диаметр 17-18 см. Гончарный.

10. Венчик горшка. (Инв. № 14704; 7602) Рис. 7 -10-

Фрагмент венчика горшка, невысокий (1-1,5см), слабоизогнутый. Поверхность серого цвета покрыта слоем копоти. Тесто рыхлое. С большими примесями мелких камешков кварца. Диаметр 15-16см. Гончарный.

11. Венчик горшка. (Инв. № 4569; 6897) Рис. 7 -11-

Фрагмент венчика горшка, слабо отогнутый, с неглубокой внутренней закраиной. Шейка сосуда высотой 1,5 см резко переходит в тулово, где за счет утолщения стенок образовалось ребро. Верхняя часть тулова украшена защипами в виде «запятых», ниже которых нанесены горизонтальные линии. Поверхность горшка серого цвета. В тесте – мелкие примеси дробленого шамота. Диаметр 19-20 см. Гончарный.

12. Венчик горшка. (Инв. № 14723; 7639) Рис. 7 -12-

Фрагмент венчика горшка высотой до 1 см, резко переходящий в тулово, округлой формы. Верхняя часть тулова украшена орнаментом в виде густых волнистых линий, выполненных тонким зубчатым штампом. Поверхность серого цвета, в изломе – черного. В тесте заметны примеси мелкого шамота. Диаметр 12-13 см. Гончарный.

13. Венчик горшка. (Инв. № 14759. ММК-И 557) Рис. 8 -1-

Фрагмент слабо отогнутого венчика горшка, плавно переходящий в тулово, которое украшено волнообразными линиями, выполненные зубчатым штампом. В верхней части тулова просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Поверхность горшка серого цвета покрыта копотью. В тесте заметны мелкие примеси кварца. Диаметр 11 см. Гончарный.

14. Венчик горшка. (Инв. № 38361; 6906) Рис. 8 -2-

Фрагмент венчика горшка, слабо отогнутый, резко переходит в тулово, где за счет утолщения стенок образовалось своеобразное ребро. В верхней и средней части тулова нанесена однорядная волна. Поверхность сосуда серого цвета. Диаметр 11 см. Гончарный.

15. Венчик горшка. (Инв. № 4741; ММК-И-559) Рис. 8 -3-

Фрагмент венчика горшка с внутренней закраиной. Венчик невысокий, сильно

отогнутый наружу, переходит в прямую шейку, высота которой 1,5 см. Тулово в верхней части имеет шарообразную форму и украшено орнаментом в виде «запятых» выстроенных в одну горизонтальную линию. Поверхность серого цвета покрыта пятнами копоти. Тесто плотное, без видимых примесей. Диаметр 17-18 см. Гончарный.

16. Венчик горшка. (Инв. № 14712; 7632) Рис. 8 -4-

Фрагмент венчика горшка с неглубокой внутренней закраиной. Наружу венчик отогнут слабо, плавно переходит в тулово сосуда. Его верхняя часть украшена орнаментом в виде ряда из косых насечек. Тесто плотное, в изломе серого цвета с примесями мелкозернистого песка. Диаметр 10-11 см. Гончарный.

17. Венчик горшка. (Инв. № 14015; ММК-И-561(2) Рис. 8 -5-

Фрагмент слабо отогнутого венчика с неглубокой внутренней закраиной внутри. Венчик круто переходит в тулово сосуда, которое за счет утолщения стенок в этом месте имеет ярко выраженное ребро. Поверхность темно-серого цвета, в изломе – черного. Диаметр 16-17см. Гончарный.

18. Венчик горшка. (Инв. № 4727; 7617) Рис. 8 -6-

Фрагмент невысокого слабо отогнутого венчика, круто переходящего в тулово сосуда, которое за счет утолщения стенок в этом месте имеет слабо выраженное ребро. Верхняя часть сосуда украшена орнаментом из одинарных волнообразных линий. Поверхность горшка коричневого цвета. Тесто плотное, с видимыми примесями шамота. Диаметр 16-17 см. Гончарный.

19. Венчик горшка. (Инв. № 14722; 7582) Рис. 8 -7-

Фрагмент высокого сильно отогнутого наружу венчика горшка с неглубокой закраиной внутри. По внешней части венчика нанесен орнамент в виде зигзагообразной линии. Венчик практически сразу переходит в тулово, верхняя часть которого украшена орнаментом в виде одной горизонтальной и одной зигзагообразной линий. Поверхность сосуда темно-серого цвета, покрыта пятнами копоти. В изломе тесто черного цвета с примесями шамота. Диаметр 19 см. Гончарный.

20. Венчик горшка. (Инв. № 14721; 7634) Рис. 8 -8-

Фрагмент невысокого слабо отогнутого венчика с неглубокой внутренней закраиной. Венчик сразу же переходит в тулово, где за счет утолщения стенок образовано небольшое ребро. Поверхность серого цвета. В тесте заметны примеси шамота. Диаметр 18-19 см. Гончарный.

21. Венчик горшка. (Инв. № 4726; 7552) Рис. 8 -9-

Фрагмент венчика горшка с неглубокой внутренней закраиной. Он слабо отогнут наружу и резко переходит в шейку высотой до 1 см. за счет чего образуется шарообразное туловище. Орнамент в виде одной горизонтальной линии нанесен в месте соединения шейки и тулова. Такая же линия украшает верхнюю часть тулова. Поверхность сосуда серого цвета, в изломе – черного. В тесте заметен мелкозернистый песок. Диаметр 21-22 см. Гончарный.

22. Венчик горшка. (Инв. № 4109; 6741) Рис. 8 -10-

Фрагмент слабо отогнутого невысокого венчика горшка, плавно переходящего в тулово. Поверхность сосуда черного цвета со следами лощения в некоторых местах. В изломе тесто серого цвета с примесями шамота. Диаметр 14-15 см. Гончарный.

23. Венчик горшка. (Инв. № 14741; ММК-И-559) Рис. 8 -11-

Фрагмент сильно отогнутого венчика горшка резко преходящего в тулово сосуда. Изнутри венчика имеется неглубокая закраина. Верхняя часть тулова украшена защипами в форме крупных «запятых». Горшок изготовлен из теста коричневого цвета с незначительными примесями мелкодробленого кварца. Диаметр 19-20см. Гончарный.

24. Венчик горшка. (Инв. № 4714; ММК-И-7558) Рис. 8 -12-

Фрагмент слабо отогнутого невысокого венчика горшка валикообразной формы. Ближе к внешнему краю он украшен орнаментом в виде косых насечек. В верхней части тулова просверлено отверстие диаметром 0,5см. Поверхность сосуда черного цвета, сильно закопчена. В изломе тесто серого цвета с примесями мелкозернистого песка. Диаметр 19см. Гончарный.

25. Венчик горшка. (Инв. № 4409; 6826) Рис. 9 -1-

Фрагмент валикообразного венчика толщиной до 1см, который плавно переходит в тулово горшка вытянутых пропорций. На черной поверхности сосуда видны следы лощения. В изломе тесто серого цвета без видимых примесей. Диаметр 21-22см. Гончарный.

26. Венчик горшка. (Инв. № 14724; 7574) Рис. 9 -2-

Фрагмент прямого слабо отогнутого венчика, который плавно переходит в тулово высоких пропорций. По верхней части тулова сосуда проходит однорядная зигзагообразная волна. Поверхность горшка серого цвета покрыта копотью. Тесто плотное, с небольшими камешками в своем составе. Диаметр 16-17см. Гончарный.

27. Венчик горшка. (Инв. №1476; 7592; М. гор. 1936. тр.4) Рис. 9 -3-

Фрагмент слабо отогнутого венчика горшка переходящий в прямую шейку высотой 1,5 см. Поверхность сосуда серого цвета, в изломе – коричневого. Тесто плотное, с примесями дресвы и шамота. Диаметр 21-22см. Гончарный.

28. Венчик кувшина. (Инв. № 14792; ММК-И-568; М. гор. 1936. тр.4) Рис. 9 -5-

Фрагмент венчика кувшина темно-коричневого цвета с четко выраженным внутренним рифлением. Одна из сторон венчика сужается и оформлена в виде выступа для слива. Тесто плотное, без видимых примесей. Диаметр 10-11см. Гончарный.

29. Венчик горшка. (Инв. № 14802; М. гор. 1936. тр.3) Рис. 9 -6-

Фрагмент прямого, слабо отогнутого венчика горшка, который плавно переходит в тулово вытянутых пропорций. Поверхность серого цвета. Диаметр 14-15см. Гончарный.

30. Венчик горшка. (Инв. № 14803; ММК-И-562. тр.3) Рис. 9 -7-

Фрагмент прямого венчика высотой 2-2,5см. отогнут незначительно. Резко переходит в тулово сосуда, которое украшено вертикальными пролощеными линиями. Следы лощения прослеживаются по всей поверхности горшка. Диаметр 16-17см. Гончарный.

31. Венчик котла с внутренними ушками. (М. гор. 1936) Рис. 9 -8-

Фрагмент венчика котла с внутренними ушками, верхний край которого оформлен в форме волнообразной линии. С наружной стороны нанесены неглубокие вдавления подовальной формы. Ушко котла имеет отверстие диаметром до 1см. Поверхность котла черного цвета, в изломе – коричневого. Тесто рыхлое, в шамоте заметны примеси дробленой керамики и камешков кварца. Диаметр 18-19 см. Лепной.

32. Венчик котла с внутренними ушками. (Инв. № 4081; 6884) Рис. 9 -9-

Фрагмент прямого венчика котла с внутренними ушками высотой до 4см. В месте перехода в само ушко внутри и в тулово котла снаружи венчик утолщается до 1 см. По краю венчика нанесены глубокие косые насечки. Внешняя и внутренняя поверхность котла желто-серого цвета, в изломе – черного. В тесте большие примеси шамота и дресвы. Лепной.

33. Венчик горшка. (Инв. № 14711; 7585) Рис. 9 -10-

Фрагмент венчика горшка, сильно отогнутый наружу с неглубокой внутренней закраиной. Поверхность серого цвета. В тесте примеси мелкого шамота. Гончарный.

34. Венчик котла с внутренними ушками. (Инв. № 4653; 7550) Рис. 9 -11-

Фрагмент прямого венчика котла с внутренними ушками, высотой до 2,5 см. Верхний край сосуда оформлен в виде волнообразной линии. С наружной стороны нанесен орнамент – углубления каплеобразной формы с вертикальной линией внутри. Поверхность котла серого цвета. Тесто рыхлое с примесями шамота и мелких камешков в качестве отощителей. Лепной.

35. Венчик горшка. (Инв. № 14715; 7579) Рис. 9 -12-

Фрагмент невысокого слабо отогнутого венчика горшка. Валикообразной формы венчик сразу же переходит в тулово, украшенное однорядной волнообразной линией. Под самым венчиком просверлено отверстие диаметром 0,3-0,5 см. Гончарный.

36. Венчик горшка. (№ 4409; 6826) Рис. 9 -13-

Фрагмент прямого венчика горшка, верхняя часть которого оформлена в виде валика. Поверхность серого цвета, в изломе – черного. Тесто с примесями дресвы и шамота. Гончарный.

37. Венчик горшка. (Инв. № 14709; 7625) Рис. 9 -14-

Фрагмент венчика горшка с небольшой закраиной внутри. Верхняя часть тулова орнаментирована неглубокими горизонтальными линиями, выполненными зубчатым штампом. Гончарный.

38. Венчик горшка. (Инв. № 440; 6817) Рис. 9 -15-

Фрагмент слабо отогнутого наружу венчика горшка, переходящий в прямую шейку высотой 1,5 см, а затем в тулово. Поверхность серого цвета, в изломе – черного. В тесте заметен шамот и мелкозернистый песок. Гончарный.

39. Венчик горшка. (Инв. № 14667; 7641) Рис. 9 -16-

Фрагмент невысокого, слабо отогнутого венчика горшка сразу переходящего в тулово. Венчик украшен косыми линиями, выполненными зубчатым штампом. Тесто рыхлое, в изломе коричневого цвета. Гончарный.

40. Ручка амфоры. (Инв. № 4680; 7561) Рис. 10 -1.

Фрагмент ручки амфоры в сечении подовальной формы с ярко выраженным продольным выступом на внешней стороне. Тесто плотное, хорошо отмученное, кирпично-красного цвета. Гончарный.

41. Венчик и ручка амфоры. (Инв. № 4065; 6879) Рис. 10 -2-

Фрагмент венчика и ручки амфоры. Верхняя часть венчика плоская. В сечении ручка овальной формы с неглубокой продольной выемкой по центру. Тесто плотное, с примесями мелкого шамота. Поверхность кирпично-красного цвета. Гончарный.

42. Пряслице. (Инв. № 3253; 8827; М.гор. 1936. 15. IX. 1936) Рис. 10 -3-

Фрагмент пряслица изготовленного из стенки амфоры. Диаметр 5-5,5 см. Толщина 1,3 см. Диаметр отверстия 1см.

43. Стенка кувшина. (Инв. № 4777; 7616; тр.5) Рис. 10 -4-

Фрагмент стенки кувшина серого цвета, украшена горизонтальным канелюром, выше которого нанесен волнообразный орнамент, выполненный зубчатым штампом. Тесто плотное. Толщина стенки 1см. Размеры 5х8х3х8 см. Гончарный.

44. Стенка кувшина. (М.гор. 1936. тр.4) Рис. 10 -5-

Фрагмент стенки кувшина размерами 3х5х6,5х8 см, толщиной 0,7 см. Украшен орнаментом в виде двойных горизонтальных линий, между которыми нанесены две волнообразные линии. Гончарный.

45. Стенка кувшина (?) (Инв. № 7576; М. гор. тр. 2) Рис. 10 -6-

Фрагмент стенки кувшина (?) размерами 11,5х12х3,5х10,5 см, толщиной 1 см. Украшен двойными горизонтальными линиями, между которыми нанесен орнамент в виде волнообразных линий выполненных зубчатых штампом или пролощеными линиями в виде Х-образной решетки. Тесто плотное, хорошо отмученное. Гочарный.

46. Стенка кувшина. (Инв. № 19671; 7596) Рис. 10 -7-

Фрагмент стенки кувшина размерами 7х2,5х4,5х5 см, толщиной 1,3 см. Фрагмент пополам делит глубокий горизонтальный канелюр, выше которого нанесен Х-образный орнамент, выполненный зубчатым штампом. Поверхность серого цвета. Тесто плотное, с небольшими примесями камешков кварца. Гончарный.

47. Стенка кувшина (?) (Инв. № 4080; 6883) Рис. 10 -8-

Фрагмент стенки кувшина (?) размерами 6х4,5х5х4 см, толщиной 1,5 см. Между двух глубоких горизонтальных канелюров нанесены две волнообразные линии. Поверхность темно-серого цвета. Тесто плотное, без видимых примесей. Гончарный.

48. Точильный камень. (М. гор. №19) Рис. 10 -9-

Фрагмент точильного камня из песчаника прямоугольной, с небольшим изгибом, формы. Одна из длинных сторон отбита. Со всех четырех сторон видны следы использования изделия в виде абразива. Размеры 6х1,8х5,7х1.8 см.

49. Глиняное грузило. (ММК-И-575; Маяки, 1936, 5-х) Рис. 10 -10-

Фрагмент глиняного грузила для рыболовной ловли цилиндрической формы. Изготовлено из амфорного теста, хорошо обожжено. Толщина стенок 0,7 см. Диаметр внутреннего отверстия 2 см. Высота 3 см.

50. Ручка амфоры (?) (М. гор. 1936) Рис. 10 -11-

Фрагмент ручки амфоры (кувшина?) подовальной в сечении формы, темно-коричневого цвета. Тесто плотное, без видимых примесей. Гончарный.

51. Ручка кувшина (?) (Инв. № 14688; 7636) Рис. 10 -12-

Фрагмент ручки кувшина (?) овальной в сечении формы. Поверхность черного цвета, в изломе – темно-серого. Тесто плотное, без видимых примесей. Гончарный.

52. Ручка кувшина (?) (М.гор. 1936. тр.2) Рис. 10 -13-

Фрагмент ручки кувшина (?) подовальной в сечении формы, с продольным выступом на внешней стороне. Поверхность серого цвета, в изломе – темно-серого. Тесто плотное. Гончарный.

53. Ручка кувшина (?) (Инв. № 7599; М.гор. 1936. тр.3) Рис. 10 – 14-

Фрагмент ручки кувшина (?) подовальной в сечении формы. Поверхность темно-

серого цвета. Ближе к одному из краев, параллельно друг к другу, пролощены две вертикальные линии. Тесто плотное, с незначительными примесями мелкозернистого песка. Гончарный.

54. Железный топор. (Инв. № КМ-515/II) Рис. 10 -15-

Железный проушной топор клиновидной формы.

Богородичное городище:

55. Венчик горшка. (Инв. № 12) Рис. 9 -4-

Фрагмент слабо отогнутого венчика горшка, который плавно переходит в тулово. Поверхность серого цвета. Тесто плотное, без видимых примесей. Диаметр 19-20 см. Гончарный.

Сидоровское городище:

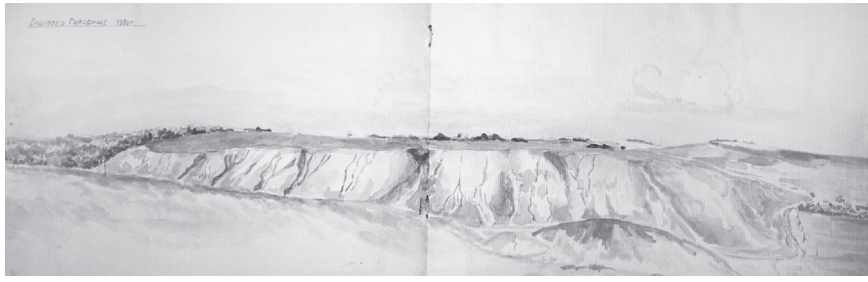
56. Венчик и ручка амфоры. (Сид. гор. 1936) Рис. 10 -16-

Фрагмент венчика и ручки амфоры. Венчик валикообразной формы. Ручка в сечении подовальной формы с продольным выступом по внешней стороне. Тесто плотное, желтого цвета. Гончарный.

57. Пряслице. (Инв. № 4534; ММК-573; Сид. гор.) Рис. 10 -17-

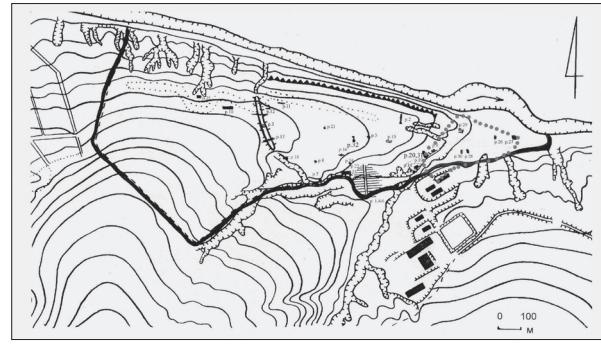
Глиняное пряслице изготовленное из стенки красноглиняного сосуда. Диаметр 4,3 см. Толщина 0,7-1 см. Диаметр отверстия 0,8см. тесто плотное с незначительными примесями шамота. Гончарный.

Илл. 1.
Зарисовка местности
в районе Маяцкого городища
(автор Г.Г. Афендик).



Илл. 2. Зарисовка местности в районе Сидоровского городища (автор Г.Г. Афендик).

Илл. 3. Раскопки кургана у с. Сидорово.



Илл. 4. Общий план Маяцкого городища с указанием раскопов разных лет.

Илл. 5. Вид раскопов Г.Г. Афендика на Маяцком городище.

Илл. 6. Погребения на Маяцком городище.

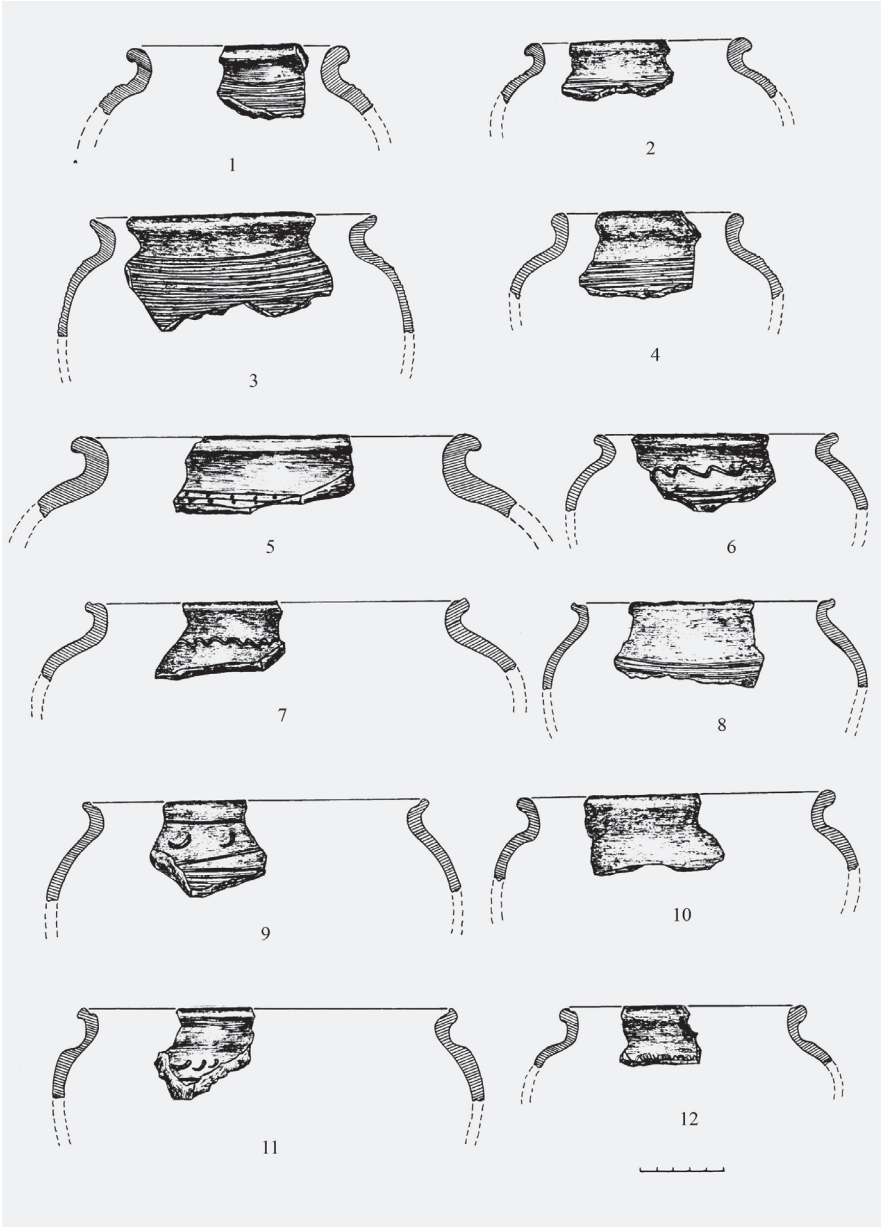


Рис.7. Маяцкое городище. Фрагменты керамики из раскопок Г.Г. Афендика.

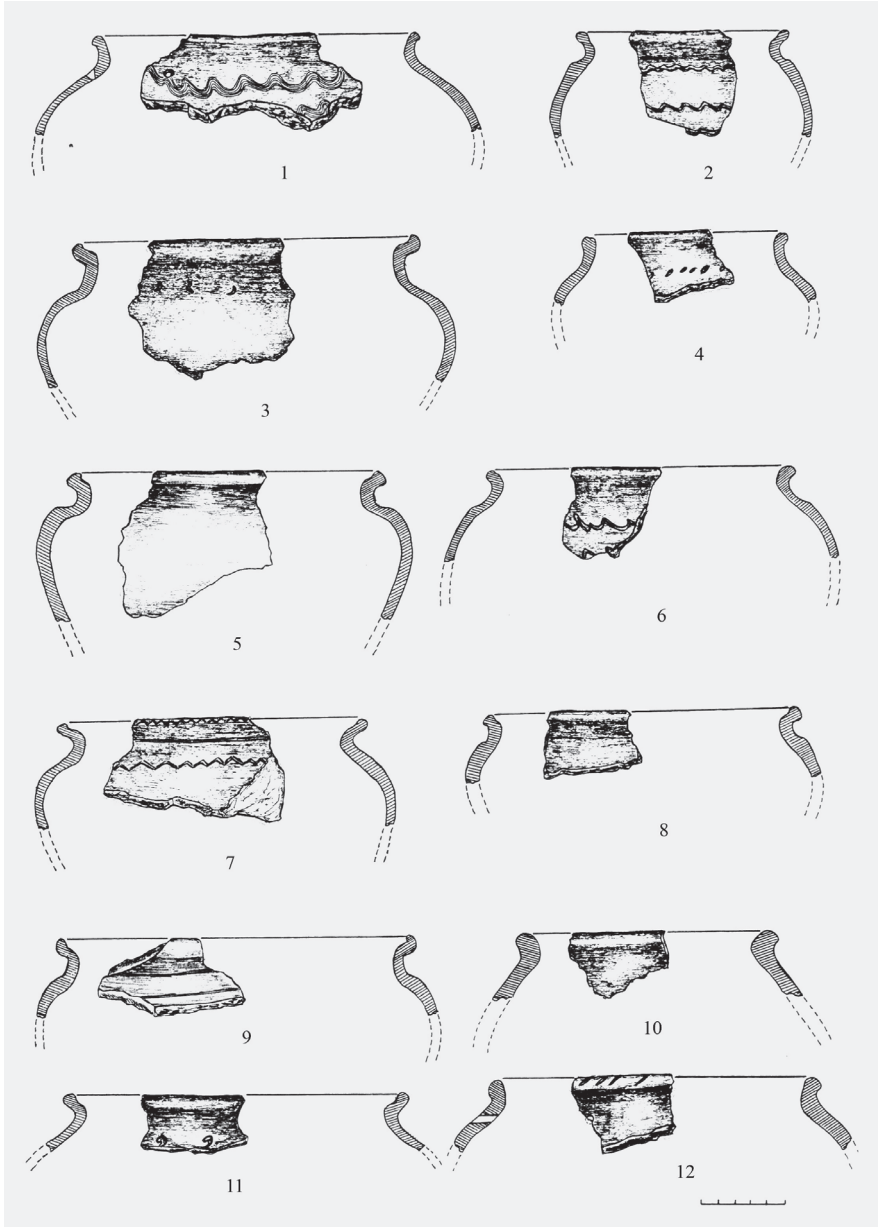


Рис. 8. Маяцкое городище. Фрагменты керамики из раскопок Г.Г. Афендика.

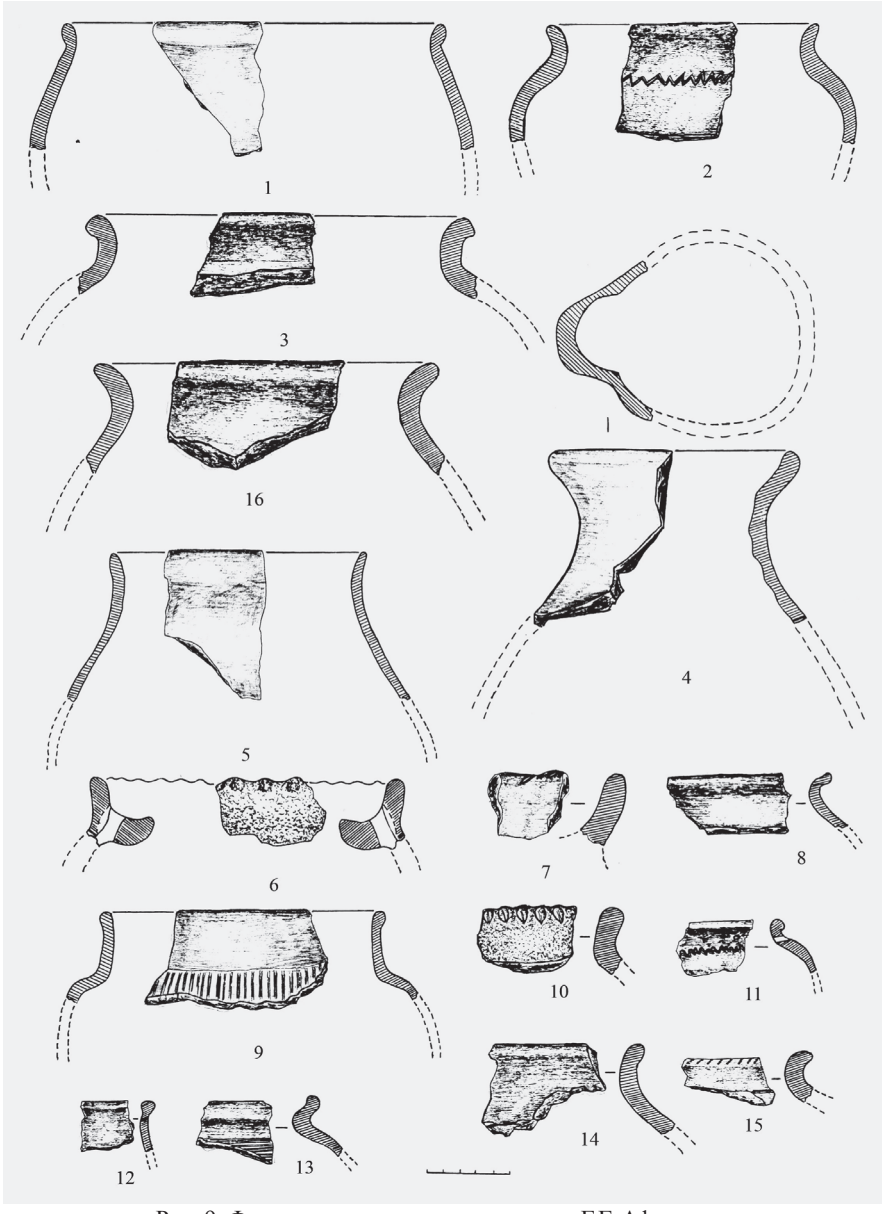


Рис. 9. Фрагменты керамики из раскопок Г.Г. Афендика.
1-4; 6-16 – Маяцкое городище; 5 – Теплинское городище у с. Богородичное.

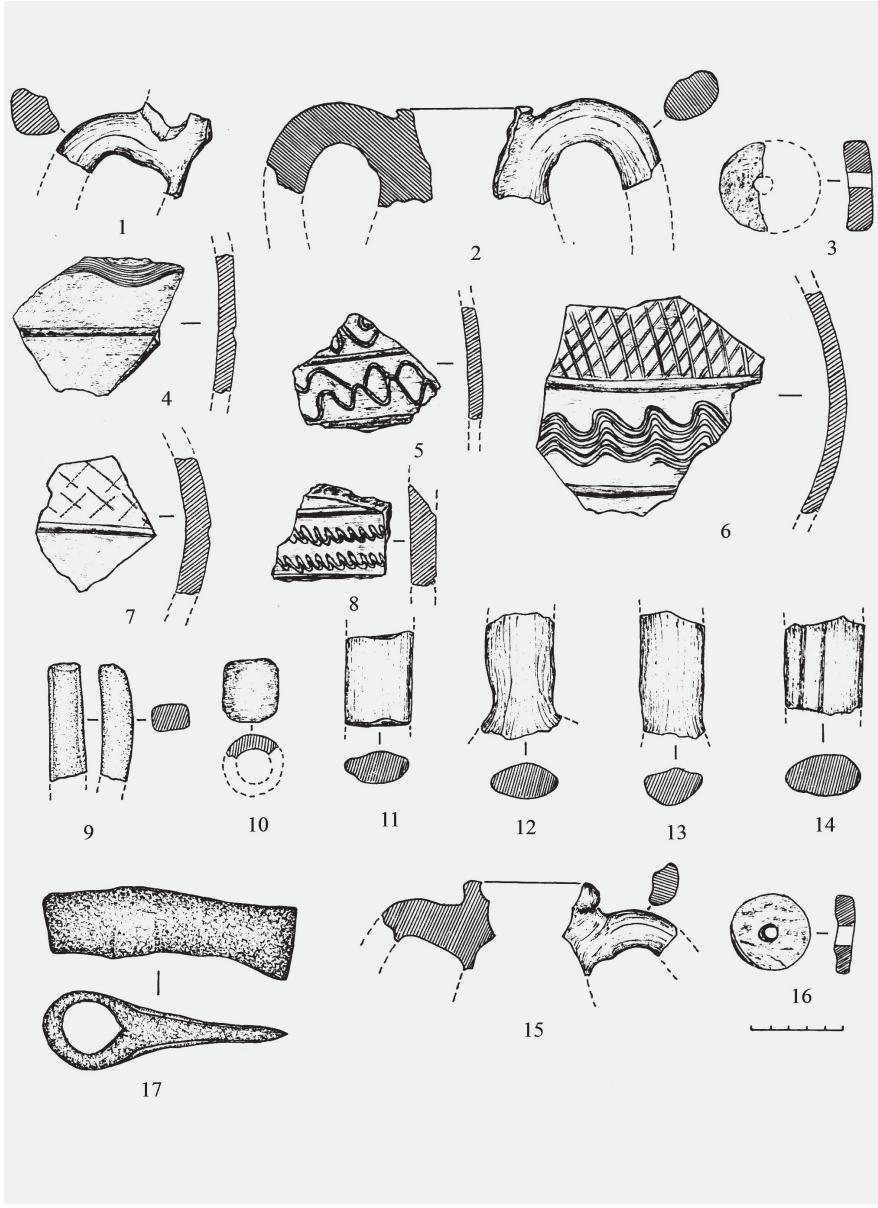
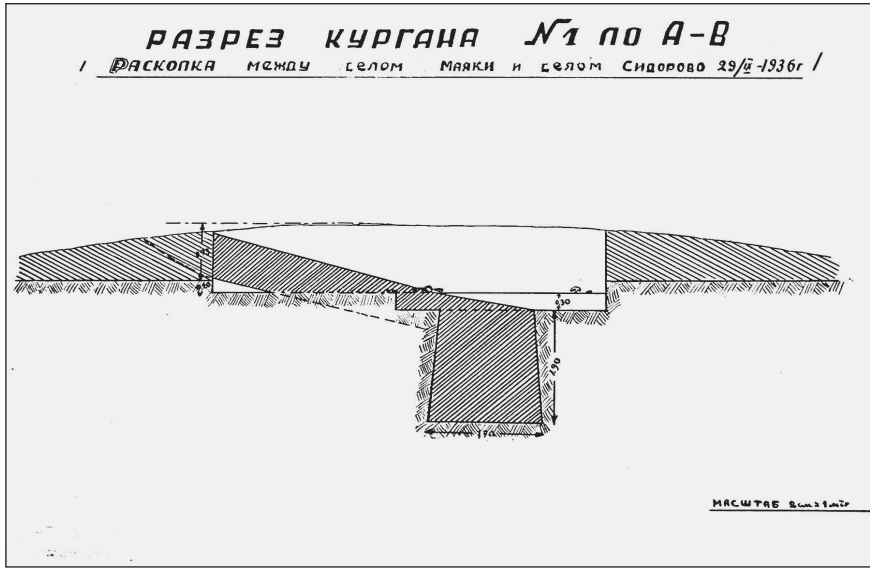
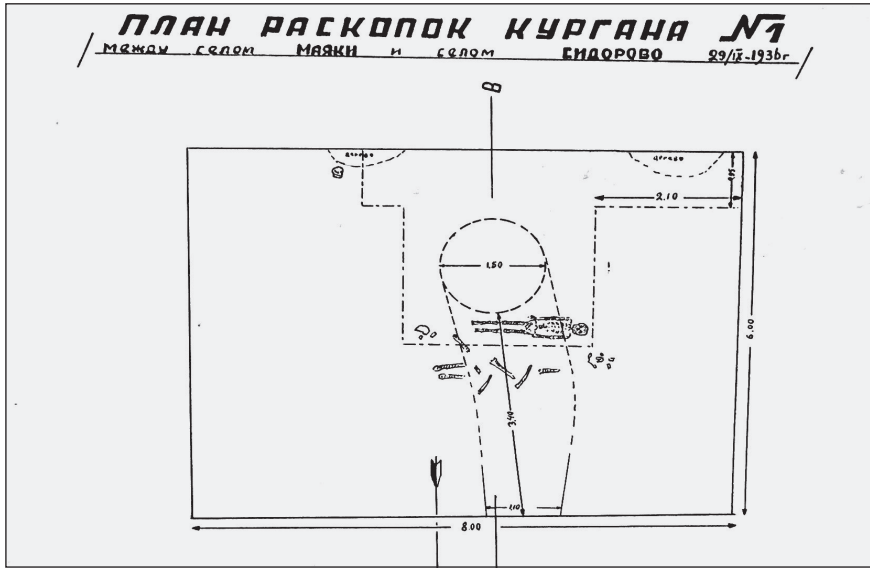


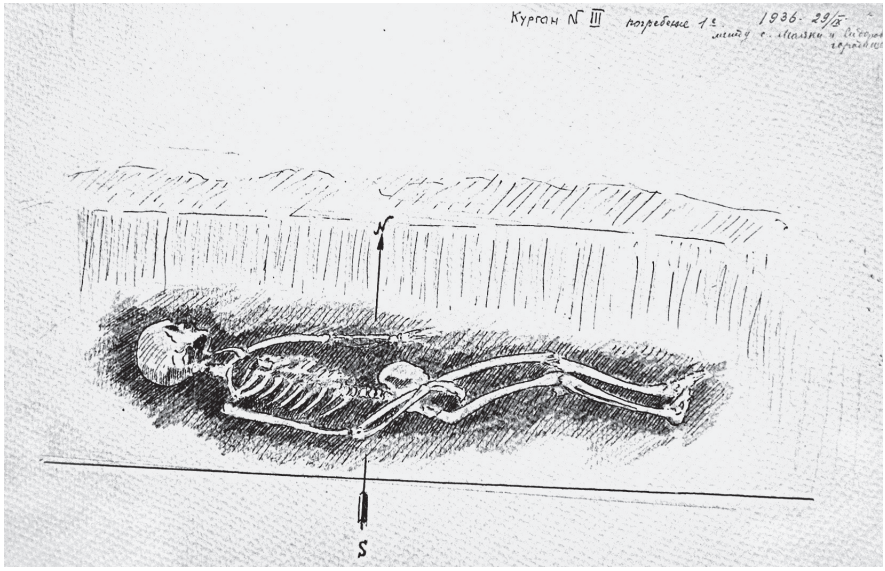
Рис. 10. Фрагменты керамики из раскопок Г.Г. Афендика.
1-17 – Маяцкое городище; 15-16 – Сидоровское городище.



Илл. 11. Сидорово 1936. Разрез кургана 1.



Илл. 12. Сидорово 1936. План кургана 1 и погребения 1.



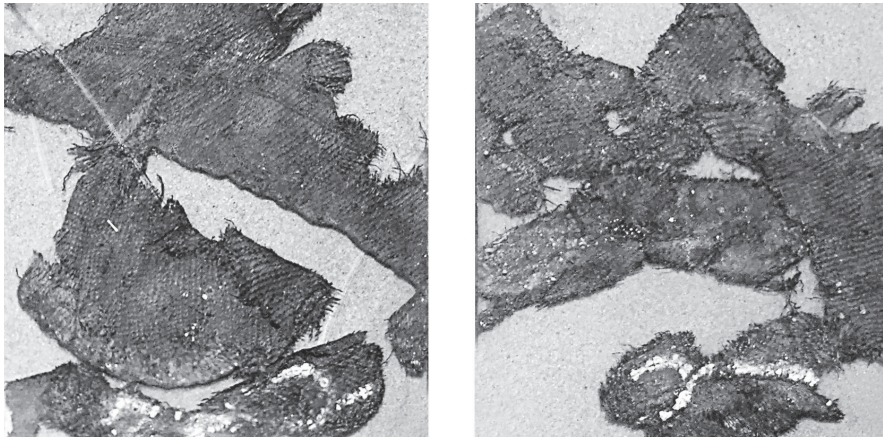
Илл. 13. Сидорово 1936. Курган 3 погребение 1.

Илл.14. Сидорово 1936. Процесс расчистки погребений из кургана 4.

Илл. 15. Сидорово 1936. Курган 4, погребение 1.

Илл.16. Сидорово 1936. Курган 4, погребение 2-3.

Илл. 17. Сидорово 1936. Курган 4 погребение 5.



Илл. 18. Фрагменты парчи (оббивка шкатулки). Курган 4 погребение 5.

Илл. 19. Раскопки Амвросиевской стоянки в 1935 году.

Розділ ІІ

ІСТОРИЧНІ І ПАМ'ЯТКООХОРОННІ ДОСЛІДЖЕННЯ. МУЗЕЄЗНАВСТВО

Дедова Я.Д., Дедов А.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В СВЯТЫХ ГОРАХ (дело о конфликте в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года)

Вступление

Тема «Святогорье в истории казачества» актуализирована в связи с проведением на базе Святогорского историко-архитектурного заповедника научно-практического семинара на указанную тему совместно с Союзом казацких организаций Украины. Результаты разработки темы нашли отражение в сборнике научных статей «Святогір'я в історії козацтва», изданном в 2014 году [2]. Настоящая статья продолжает серию материалов на указанную тематику и имеет целью исследовать малоизученные архивные документы Изюмской провинциальной канцелярии Слободско-Украинской губернии о конфликте бахмутских гусар и запорожских казаков, произошедшем в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года.

Содержание «святогорских» документов отражает общую ситуацию, сложившуюся в последние месяцы существования Запорожской Сечи. Это был период, когда наблюдается резкое обострение противоречий между запорожским казачеством и администрацией Слободско-Украинской губернии по поводу отдельных земельных владений, пограничных территорий и границ запорожских земель. Споры сопровождались стычками и вооружёнными столкновениями, которые фиксировались обеими сторонами, сопровождались обвинениями и жалобами на действия противной стороны. Жалобы запорожцев, как правило, оставались без рассмотрения, а спорные вопросы решались не в их пользу [1]. Эта ситуация хорошо показана в исследовании А. Шиманова «Передсмертна поземельна боротьба Запорожжя» [4]. В деле о конфликте бахмутских гусар и запорожцев в Святогорском монастыре фигурируют запорожские казаки из Барвенковской Стенки, находившиеся под началом полковника Ивана Кулика. По утверждению Изюмской провинциальной канцелярии паланка Барвенковская Стенка была основана запорожским полковником Иваном Гараджой на месте, где был форпост изюмского полка, который располагался в слободе Камышеваха [4,с.100]. За эти земли шла постоянная борьба между запорожскими казаками и администрацией Изюмской провинции. Возглавлял эту борьбу со стороны Запорожской Сечи полковник И. Гараджа [3,с.112]. В посланиях Изюмской провинциальной канцелярии на имя губернатора Щербинина указывалось, что «оные запорожцы усиливаются владениями жалованной земли до самой изюмской крепости, почему опасно, дабы с них некоторые … не сделали нападения и не разграбили б денежной казны» [4,с.113]. Руководителями и организаторами различных пограничных «злодеяний» запорожцев указываются в мемориях полковники Гараджа и Кулик, а также писарь Неживой [4,с.113]. Эти же действующие лица (писарь Неживой) являются участниками конфликтной ситуации, расследуемой в деле Изюмской провинциальной канцелярии, которое начато в марте 1775 года и завершено в мае 1775 года».

Дело о конфликте в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года

Оригиналы документов указанного архивного дела хранятся в фондах Центрального исторического архива Украины в г. Киеве [5]. В составе дела находятся:

1) Известие настоятеля Святогорского Успенского монастыря архимандрита Феофана от 3 марта 1775 г. в Изюмскую провинциальную канцелярию Слободско-Украинской губернии (5, л.2,3);
2) Рапорт поручика Андрея Мазана от 6 марта 1775 г. в Изюмскую провинциальную канцелярию (5, л.4,5);
3) Объяснение прапорщика Ивана Боженкова от 9 марта 1775 г. (5, л.6-9);
4) Письмо архимандрита Феофана лейб-гвардии поручику Михаилу Грибоедову от 5 марта 1775 г. (5, л.10,11);
5) Письмо писаря Ивана Неживого к лейб-гвардии поручику Михаилу Грибоедову от 28 марта 1775 г. (5, л.11,12);
6) Докладная Изюмской провинциальной канцелярии от 27 апреля 1775 г. (5, л.13);
7) Рапорт Изюмской провинциальной канцелярии от 15 мая 1775 г. (5, л.14-24).

Кроме полкового писаря Ивана Тимофеевича Неживого участником конфликта в Святогорском монастыре со стороны запорожцев был войсковой есаул Федор Васильевич Сербин. Они принадлежали к старшине барвенкостенковской паланки и были достаточно известными фигурами, поскольку активно участвовали в борьбе за землю указанной паланки с администрацией Изюмской провинции Слободско-Украинской губернии [3,с.111-113;4,с.113,115-119].Кроме них, в монастыре находились ещё порядка 10 человек рядовых казаков *(следует отметить, что в известии архимандрита значится десять запорожцев, а в письме писаря Неживого и в рапортах Мазана и Боженкова упоминается до 15 запорожцев – авт.)*. Противоположную сторону в конфликте представляли торский прапорщик Иван Боженков, командир бахмутских гусар поручик Андрей Мазан, заведующий карантином в Бахмуте лейб-гвардии поручик Михаил Михайлович Грибоедов. Источником для разбора дела о конфликте между двумя сторонами в Святогорском монастыре была жалоба, поданная настоятелем Святогорского Успенского монастыря архимандритом Феофаном (Феодоровским) в Изюмскую провинциальную канцелярию [5, л. 2,3]. В жалобе, датированной 3 марта 1775 года и подписанной архимандритом Феофаном и игуменом Филаретом, сообщалось, что 23 февраля 1775 года во время Великого поста запорожская полковая старшина вместе с десятью казаками с паспортами от полковника Ивана Кулика прибыли в Святогорский монастырь для «приготовления себя со общению святых таин». Всю неделю «святой четыредесятницы в церковь к заутрени службе Божией и повечерни прилежно ходили, исповедалися и удостоили себя к причащению святых таин». В субботу, 28 февраля, во время Божественной литургии, «во время каноника, когда уже начали готовиться к причащению и святой крест целовать», в браме монастырской показался житель слободы Тор *(Славянск – авт.)* поручик Андрей Мазан и с ним гусары бахмутского полка с ружьями около 15 человек. При браме монастырской и на все церковные двери поручик Мазан поставил на караул по одному казаку и одному гусару с ружьями. Зайдя в церковь, он приказал одному гусару в «предстоящих в церкви реченных запорожцев» отобрать пистоли, с которыми они вбежали в церковь, когда увидели гусар. Писарь Неживой подбежал к алтарной двери, из-за чего «учинился шум и смятение

среди народа», да такой, что служащий в тот день игумен Филарет, «придя в большой страх», ошибся в своем священнодействии. И если бы архимандрит Феофан «не обнадежил не бояться», то «неминуемо следовало Божественной литургии в самое причащение остановиться». По окончании литургии, архимандрит Феофан вышел из алтаря и прапорщик Боженков подал ему ордер на арест запорожцев, подписанный заведующим карантином лейб-гвардии поручиком Михаилом Грибоедовым в Бахмуте. Прочитав ордер, архимандрит выговаривал прапорщику, что в этом деле не следовало осуществлять арест во святой церкви. «Вменив себе в обиду» слова архимандрита, поручик Мазан приказал монастырских людей, что были здесь, вязать вместе с запорожцами и бить. При аресте «монастырскому конюху Ивану Моисеенку один гусар топорищем от копья голову пробил». Обращаясь в Изюмскую провинциальную канцелярию, настоятель монастыря требовал «учинить суровое наказание согласно законов за содеянное поручиком Мазаном церковное смятение, которое чуть было не привело к срыву Божественной литургии». Дополнительные обстоятельства дела архимандрит Феофан сообщил в письме на имя лейб-гвардии поручика Михаила Грибоедова от 5 марта 1775 года [5,л.10,11].В частности, он сообщил, что поручик Мазан с командою гусар и казаков «учинили схватку и сделали шум и смятение, а писарь и есаул убежали в алтарь». Предотвратив развитие конфликта и завершив литургию, архимандрит Феофан ознакомился с ордером на арест, «в котором найти не мог повеления таким образом поступить им, а усмотрел со всего, что они проказничали по хмельному делу», то есть были нетрезвы [5, л.10-11]. Далее архимандрит Феофан сообщает, что он *(Мазан – авт.)* только «по выходе из монастыря приказывал бить и вязать монастырских людей … один зашиблен был, только бил его рукомьям пищали госп. Боженков …будучи пьяным». И что «вся оная акция так безрассудно учинима была ... только за нахальством команды офицеров» [5, л.10].

В рапортах поручика Андрея Мазана [5, л.4,5] и прапорщика Ивана Боженкова [5, л.6-9] от 9 марта 1775 года излагался взгляд иной стороны на произошедшее в Святогорском Успенском монастыре. Оба писали, что выполняли распоряжение заведующего в Бахмуте карантином лейб-гвардии поручика Михаила Грибоедова. В ордере было велено: «проехавшего караула в Святогорский монастырь с Запорожья писаря Неживого и есаула Федора Лисицкого с командою взять и предоставить в Бахмут» [5, л.4]. Следует отметить, что в других документах дела значится есаул Федор Васильевич Сербин, а не Фёдор Лисицкий. Далее в рапорте поручик Мазан писал, что они затем и поехали в монастырь, где «порядочным образом от прапорщика объявлено отцу архимандриту ордер: и они *(запорожцы – авт.)* в слушании до окончания Божественной литургии находились в церкви: а с церкви пошли с отцом архимандритом в его кельи обедать». Вместе с запорожцами пошел к архимандриту и поручик Мазан. Объявление поручика Мазана не обедать, а ехать в Бахмут, было проигнорировано запорожцами. После трапезы все вместе вышли из монастыря. У выхода писарь Неживой и есаул Лисицкий с командою были арестованы (сняли с себя сабли). А за воротами монастыря случилась драка команды поручика Мазана с монахами и монастырскими конюхами из-за лошадей, которые запорожские казаки пожертвовали монастырю. В своем рапорте поручик Мазан писал: «…а за монастырем вышел иеромонах Макарий с прочими чернецами… и с конюхами Иваном Моисеенком и с дру-

гими стали отнимать лошади у команды, которые якобы им подарили на монастырь объявленные запорожцы» [5, л.5]. На приказ поручика не брать лошадей, а идти в свои кельи, монахи не послушали, а еще с «большим азартом» продолжили драку. В результате этого «алярма» есаул с некоторыми казаками успел бежать, а писаря Неживого с шестью казаками арестовали и отправили сначала в Тор, а затем в Бахмут к поручику М. Грибоедову на карантин [5,л.5].

Несколько новых сведений сообщил в объяснении Иван Боженков. В частности, он указал, что в ордере приказывалось «присовокупить обывателей пристойное число» и арестовать запорожцев «яко преступников и неисполнителей Её Императорского величества повеления» [5, л.6]. В Торе набрав в «команду пять …обывателей Павла Лотошенка, Василия Гуковского, Федора Шабельника и прочих по имени и прозвищу черкас в тот монастырь поехали» [5, л.6]. Ехали в монастырь разными дорогами. Поручик Мазан с гусарами и казаками лошадьми поехал, а прапорщик с обывателями пешком пошел по другим трактам. Также Боженков утверждал, что архимандрит по окончании литургии ордер прочитал, а потом «через своего келейника позвал объявленных запорожских старшин» отобедать в его кельи. Туда же пошли Мазан и Боженков. По выходе из монастыря писарь с есаулом и запорожцами «при саблях и пистолетах», которые имели и в церкви, и в келье архимандрита, были арестованы. А когда пошли за лошадьми, то случилась драка из-за лошадей между монахами и конюхами монастырскими с одной стороны, и гусарами с казаками с другой. Иеромонах Макарий объявил, что лошади запорожцы подарили монастырю, и ему архимандрит велел их забрать. Во время драки «одного гусара с лошади с моста в реку Донец бросили». Пострадал и один конюх, которому неизвестно кто ратовищем голову разбил. Во время драки есаул с несколькими запорожцами бежал, а «оставшихся писаря Неживого и его команду казаков со всеми их вещами поручик Мазан повез в слободу Тор» [5,л.7]. Заканчивая свое объяснение, прапорщик И. Боженков отметил, что в присланном от монастыря известии о нападении на запорожцев во время Божественной литургии «написано напрасно». В церкви поручик Мазан приказал одному гусару «у предстоящего в церкви реченных запорожцев отобрать имевшие пистоли, с которыми убежали в церковь». Однако, увидев гусара, писарь Неживой побежал к алтарной двери «от чего в церкви учинился шум и произошло от народа смятение», «и более ничего касавшегося к важности при служении Божественной литургии не бывало» [5,л.8]. Как утверждал Боженков, драки в церкви не было, а произошла она за монастырем по вине монаха Макария. По этой причине удалось есаулу Сербину с несколькими запорожцами бежать.

Конфликт в Святогорском монастыре получил широкий резонанс. Об инциденте писал 17 марта 1775 года к губернатору Слободско-Украинской губернии Е.А. Щербинину запорожский кошевой. В частности там утверждалось, что «Мазан и Боженков незаконно захватили запорожцев в Святогорском монастыре, якобы за проезд карантина, тогда как около монастыря не только карантина, но и караулов вовсе нет, и ехали они запорожцы в рассуждении ближайшей смежности... почему и забраны напрасно, с единственной забирателей недоброжелательностью» [4,с.116]. Далее Кош просит губернатора: «Не оставьте поступить к должному их оштрафованию, давши строгость им и прочим всем, что от вашего превосходительства зависит, дабы они таких по-

ступков кои худостны, не делали, но по соседству дружелюбно жили с запорожским войском, причем ничего войского не захвачивали» [4,с.116]. Губернатор Е. А. Щербинин выдал ордер на взятие рапорта от поручика Мазана и объяснение от прапорщика Боженкова и направление их в губернскую канцелярию для рассмотрения [5,л.24]

В рассматриваемом деле имеются свидетельства запорожских казаков. Так, писарь Иван Неживой в письме к лейб-гвардии поручику М. Грибоедову от 28 марта 1775 года сообщал, что поручик Мазан и прапорщик Боженков, с командою прибыв в монастырь и не заходя на его территорию, повязали сначала их лошадей в один хомут. Об этом запорожцам известил кто-то в церкви. Придя в великий ужас, он с есаулом и казаками побежали в свои кельи за оружием, которое оставили, идя на службу. Наложив на себя воинское оружие, им удалось забежать в церковь, несмотря на выставленные у всех дверей караулы, и кинуться к алтарной двери за помощью. А от того, что «все они пребывали тогда в ужасе», то «не мог понимать», что их действия приведут к «шуму и смятению в церкви» [5,л.11]. В письме И. Неживой также сообщает, что он и с ним семь запорожцев были арестованы в монастыре поручиком Мазаном и прапорщиком Боженковым, а есаул с восемью казаками «по ласкательной просьбе» отпущен [5,л.12]. Под присягой были допрошены и торские обыватели Павло Лотошенко, Василий Гуковский, Федор Шабельник, Петр Шестопал да Иван Безуглый, принимавшие участие в аресте запорожцев. Также лейб-гвардии поручик М. Грибоедов допросил гусар и унтер-офицера квартирмейстера Башизарова. Все они показали, что запорожцы были арестованы не в церкви, а возле башни по выходе всех из кельи архимандрита [5,л.20].

Рассмотрев все обстоятельства и свидетельства по данному делу, Изюмская провинциальная канцелярия определила, что указанной в известии архимандрита Феофана с братией драки в церкви, приведшей к смятению во время священнодействия, «не открылось» и дальнейшее расследование «в ходе считает за ненадобное» [5,л.13,24]. Об этом были поданы соответствующие уведомления настоятелю монастыря, архимандриту Феофану, поручику М. Грибоедову, канцелярии Слободско-Украинской губернии, а также Его преосвященству Аггею, Епископу Белгородскому и Обонянскому. Доклад по данному делу подписали Изюмский воевода Прохор Бавыкин и секундмайор Яков Тихоцкий 15 мая 1775 года [5, л.24].

Выводы

Таким образом, архивные материалы Изюмской провинциальной канцелярии по делу о конфликте в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года запорожских казаков и военной команды гусар и казаков из Бахмута и Тора являются важным историческим источником для исследования истории казачества и Святогорского Успенского монастыря. Содержание документов и их характер свидетельствуют об усилении политики давления на запорожское казачество со стороны местной власти в последние месяцы существования Запорожской Сечи. Под предлогом нарушения указа о карантине запорожскими казаками, прибывшими из Барвенковской Стенки на богослужение в Святогорский монастырь, был выдан в Бахмуте ордер на арест запорожцев и заключение их под стражу. Выполнение приказа привело к нарушению богослужения и стычкам между запорожцами и монастырскими работниками, с одной стороны, и командой военных из

Бахмута. Это стало причиной специального расследования. Документы являются свидетельством духовных связей запорожского казачества со Святыми Горами.

Резюме: *Дедова Я.Д., Дедов А.В. Источники по истории казачества в Святых Горах (дело о конфликте в Святогорском монастыре 28 февраля 1775 года)*

В статье рассматриваются архивные документы Изюмской провинциальной канцелярии 1775 года, объединённые делом о конфликте запорожских казаков и бахмутских гусаров в Святогорском монастыре 28 февраля во время ареста запорожских казаков из Барвенковской паланки за нарушение карантина. Материалы расследования конфликта являются интересным историческим источником для исследования вопросов истории казачества в Святых Горах, политики царизма в отношении запорожских казаков в последние месяцы существования Сечи, а также истории Святогорского Успенского монастыря.

Ключевые слова: *Святогорский монастырь, нарушение богослужения, запорожские казаки, бахмутские гусары, арест, Изюмская провинциальная канцелярия, расследование.*

Резюме. *Дєдова Я.Д., Дєдов О.В. Джерела з історії козацтва в Святих Горах (справа про конфлікт в Святогірському монастирі 28 лютого 1775р.)*

В статті розглядаються архівні документи Ізюмської провінційної канцелярії 1775 року, об'єднані справою про суперечку запорізьких козаків і бахмутських гусарів в Святогірському монастирі 28 лютого під час арешту запорізьких козаків з Барвенківської паланки за порушення карантину. Матеріали розслідування конфлікту є цікавим історичним джерелом для дослідження питань історії козацтва в Святих Горах, політики царату по відношенню до запорожців в останні місяці існування Запорізької Січі, а також історії Святогірського монастиря.

Ключові слова: *Святогірський монастир, порушення богослужіння,запорізькі козаки, бахмутські гусари, арешт, Ізюмська провінційна канцелярія, розслідування.*

Summary. *Ya.D. Dedova, A.V. Dedov. Source publications on history of Cossacks in the Holy Mountains (the conflict case in the Sviatogorsk Monastery, 28 of February, 1775)*

The article considers the archive documents of Izium provincial secretariat for the year of 1775 combined by the conflict case between Zaporozhye Cossacks and Bakhmut hussars in the Sviatogorsk Monastery on 28th of February during arrest of Zaporozhye Cossacks from Barvenkovsky palanka (administrative unit) for non-observance of quarantine. The documents about investigation of the conflict are an interesting historical source for study of the Cossacks history in the Holy Mountains, the Czarist regime policy to Zaporozhye Cossacks in the last months of the Cossack Sech (camp) existence and history of the Sviatogorsk Assumption Monastery.

Key words: *the Sviatogorsk Monastery, divine service disruption, Zaporozhye Cossacks, Bakhmut hussars, arrest, Izium provincial secretariat, investigation.*

Литература и источники:

1. Калнышевский Петр Иванович. – Большая биографическая энциклопедия - [Электронный ресурс] – Режим доступа: dic.academic.ru›Калнышевский.
2. Святогір'я в історії козацтва. – Збірка наукових праць (до 415 річниці заснування фортеці Цареборисів. – Святогірськ: КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську», Донецьк: ПП «ВД «Кальміус» 2014. – 112 с.
3. Швайба Н.І. Від запорожця до чорноморця: запорозька старшина в науковій спадщині Н.Д. Полонської-Василенко. – Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету, вип. XXVI.- Запоріжжя, 2009. – С.111-113.
4. Шиманов А. Передсмертна поземельная боротьба Запорожжя. // Запорожці до історії козацької культури. – Київ: Мистецтво,1993. – С. 96-120
5. Центральный государственный исторический архив в Украине. – Ф.1584 Изюмская провинциальная канцелярия, оп.1, д.24, л.1-24.

Дєдова Я.Д.

ТВОРЧА ПАЛІТРА СВЯТИХ ГІР
(до питання про формування колекції живопису Святогірського заповідника)

Вступ

Святі Гори на Сіверському Дінці вже понад два століття привертають увагу багатьох художників. В центрі уваги митців було і залишається зараз яскраве культурне явище на теренах Слобідської України – архітектурний ансамбль XVII – XIX ст. Святогірського Успенського монастиря. Дослідженням художньої спадщини XIX ст. за тематикою Святогір'я займались останнім часом краєзнавці з м. Слов'янська О. Духін, Г. Киркач [5,с.80-85; 6,с.176-182; 7,с.106-114; 8,с.105-110]. В роботах цих авторів були зібрані матеріали про перебування відомих і маловідомих художників XIX ст. в Святих Горах, їхні творчі здобутки, присвячені цьому мальовничому куточку Придінців'я. Святі Гори надихали художників навіть у буремні роки Великої Вітчизняної війни. У дослідженні Н.Шалаєвої подана характеристика святогірських малюнків художника-фронтовика, учасника бойових дій на Святогірському плацдармі В. Зіміна [11, с.125-149]. В дослідженні автора цієї статті «Творча палітра Святих Гір (до питання про історію формування мистецької спадщини)» узагальнена мистецька спадщина Святогір'я XIX-поч. XXI ст., що зібрана у фондових колекціях історико-архітектурного заповідника за період 1996-2007 рр. [2, с.125-149]. В останні роки колекція художніх творів заповідника на тематику Святогір'я значно поповнилася як роботами сучасних художників, так і цифровими фотокопіями робіт відомих художників дорадянського часу. Ці надходження викликали необхідність ще раз звернутися до теми наукового комплектування художньої колекції творів на «святогірську» тематику і використання колекції в експозиційній і культурно-просвітницькій роботі СДІАЗ. Враховуючи те, що значна частина фондової художньої колекції заповідника на вказану тематику опублікована автором в збірці «Святогірський альманах 2007», а також іншими авторами в різних виданнях, у статті надані ілюстрації лише нових надходжень до фондів СДІАЗ.

Джерела формування художньої колекції заповідника

Надаючи загальну характеристику мистецької колекції заповідника на тему «Святогір'я» слід відзначити, що майже за 35-річну діяльність закладу зібрана колекція живопису сучасних художників, яка формувалася за результатами співпраці науковців заповідника з художниками як Донецької області, так і України в цілому. Провідними формами співробітництва були проведення пленерів і організація тематичних художніх виставок. Останні почали впроваджуватися у практику виставкової діяльності з 90-х рр. минулого століття, з появою виставкових залів у заповідника. Спочатку це було невеличке приміщення відреставрованої пам'ятки архітектури Святогірського монастиря - Західної башти монастирської огорожі XIX ст.

Так, у 1995-1996 рр. були передані до фондів заповідника, роботи художника М. Корягіна з Красного Лиману «Миколаївська церква» (вст. № 1194 ЖИ-30), «Пере-

бування Вел. Княгині Л.Г. Романової в Святи Горах» (вст. № 1153 ЖИ-23) «Преображенська церква» (вст. № 1193 ЖИ-29).

У 1997 році творчі результати сучасних художників були представлені на виставках «Святі Гори очима художників» [10, іл.1-22], а у 2000 році – «Слово о полку Ігоревім» (в мистецьких творах та археологічних знахідках). Тоді колекцію живопису поповнили картини художників О.Балицького (м. Слов'янськ) «Святогірський монастир» (вст.№1143 ЖИ-22), П.Шаповалова (м. Краматорськ) «Крейдяна скеля» (вст. № 1192 ЖИ-28), народного художника України О. Полякова «Святі Гори» (вст. № 1191 ЖИ-27), «Травнева зелень» (вст. № 1190 ЖИ-26).

Вагому частину виставки «Святі Гори очима художників» склали творчі результати міжнародного пленеру художників, що проходив на базі Святогірського історико-архітектурного заповідника в 1996 р. Представляючи в українському мистецтві новаторський напрям, який набув об'єднуючої назви «інтуїтивізм», художники Н. Максимова з Макіївки, М. Журавель, Т. Мисковець, О. Міловзорова з Києва представили роботи «Миколаївська церква» (СДІАЗ-ВХ-19,23), «Святогірський монастир» (СДІАЗ-ВХ-22), «Храм» (СДІАЗ-ВХ-20), «Крейдяна скеля з Миколаївською церквою» (СДІАЗ-ВХ-24) в незвичній, яскравій манері відтворили образи святогірських пам'яток, застосовуючи змішану техніку на шовку,полотні, папері [10,іл.1,2,11,12,22]

Новий етап у формуванні колекції живопису настав у середині 2000-х років, коли науковцями заповідника в рамках теми «Творча палітра Святих Гір» досліджувалось питання місць зберігання художніх творів XIX ст. у музейних зібраннях і колекціях. Одночасно була проведена робота із збільшення виставкових площ для художніх виставок. В одному з корпусів, що залишився у віданні заповідника після передачі комплексу будівель і споруд у розпорядження Свято-Успенського монастиря, був створений виставковий зал (кор.№20). Результатом такої діяльності стала художня виставка «Творча палітра Святих Гір» (2008 р.), присвячена 1020-річчю хрещення Русі, де були представлені роботи кількох творчих груп Донецької, Харківської областей. Творча група під назвою «Слобожанське буріме», що об'єднує художників з м. Харкова (О. Шеховцов, О. Лазаренко, О. Лисенко, О. Бойчук, В. Грицаненко), неодноразово перебувала на пленері в Святих Горах. В фондах заповідника зберігається їхня спільна робота «Стрітення» (вст. № 1459 ЖИ-39) .

На початку 2000-х років сформувалась ще одна творча група харківських художників під керівництвом М. Алатарцева. Наслідком їхніх творчих виїздів у Святогірськ стали роботи, що надійшли до фондів СДІАЗ: А. Дубровського «Святогірський монастир» (вст. № 1701 ЖИ-51), В. Ігуменцева «Дубовий гай» (вст. № 1700 ЖИ-50), М. Алатарцева «У дворі Святогірського монастиря» (вст. № 1699 ЖИ-49) та «Садиба Потьомкіних» (вст. № 1698 ЖИ-48). Остання робота виконана на замовлення дирекції заповідника як ілюстрація до проекту відновлення дворянської садиби Потьомкіних – Рібоп'єрів XIX у Святих Горах. Сюди ж слід віднести і ще кілька робіт М. Алатарцева, копії з відомих портретів «Портрет кн. Т.В. Юсупової» (вст. № 1635 ЖИ-47), «Портрет кн. Г.О. Потьомкіна» (вст. № 1634 ЖИ-46), «Портрет В.В. Енгельгардта» (вст. № 1633 ЖИ-45), «Портрет кн. К.М. Рібоп'єр» (вст. № 1632 ЖИ-44), «Портрет кн. Б.О. Куракіна» (вст. № 1631 ЖИ-43), «Портрет О.М. Потьомкіна» (вст. № 1588 ЖИ-42), «Портрет графа Г.І. Рібоп'єра» (вст. № 1716 ЖИ-52) і «Бухта Шаляпіна в Криму»

(вст. № 1874 ЖИ-62). Вказані художні роботи залучені до експозиції історичного музею заповідника (зал №5 – «Камінний зал палацу Потьомкіних»). Ще два портрети на замовлення заповідника виконав художник-аматор С. Капран (м. Ізюм): «Портрет кн. Т.Б. Потьомкіної» (вст. №1237 ЖИ-37) і «Портрет кн. М.Б.Голіцина» (вст. №1232 ЖИ-35), які поповнили експозицію залу №4 історичного музею за темою «Святі Гори у XVIII-XIX ст.» [4, с.188-189, іл.270,272, с.197, іл.282, с.258,260, іл.377,381, с.276-278, іл.397,398,400,402, с.374, іл.602; 13, с.171, іл. 6; 14, с.203-204, іл.3-10].

На виставці «Творча палітра Святих Гір» (2008 р.) була також представлена і група молодих художників Харкова з результатами святогірських пленерів. Ці роботи також поповнили художню колекцію СДІАЗ: О. Скоробогатова «Святогірський монастир» (вст. № 1865 ЖИ-53), «Богомольна бабуся» (вст. № 1871 ЖИ-59), Ю. Бондар-Кухтіна «Святогір'я. Парк» (вст. № 1866 ЖИ-54), О. Британцев «Трапезна» (вст. № 1867 ЖИ-55), О. Винник «Святогірськ осінній» (вст. № 1868 ЖИ-56), О. Винник-Штеп «Молитва. Святогірська лавра» (вст. № 1869 ЖИ-57), «Скит взимку» (вст. № 1870 ЖИ-58), «Корабель віри» (вст. № 1872 ЖИ-60), «Жовтень. Святогірська лавра» (вст. № 1873 ЖИ-61). На вказаній вище виставці були представлені також роботи слов'янських художників, які пізніше також були залучені до фондів СДІАЗ: А. Кутани «Свята обитель» (вст. № 1896 ЖИ-63), В. Радковського «Осінь в Святих Горах» (вст. № 2020 ЖИ-66). Заслужений художник України Г. Тишкевич надав відому роботу «Святогір'я. Політ ангела» (вст. № 2178 ЖИ-70). Вказані роботи публікуються вперше (іл.1-3). Г. Жуков представив на виставку триптих «Слово о полку Ігоревім» (вст. № 2164 ЖИ-67 «Біля Дінця», вст.№2165 ЖИ-68 «Боян»,вст. № 2166 ЖИ-69 «Проводи»). Триптих зайняв центральне місце і в експозиції «Святі Гори в період середньовіччя» залу №2 історичного музею. Тут також представлені етюди цього художника до поеми «Слово о полку Ігоревім» – «Князь Ігор», «Наталя», «Прочан» (вст. № 2903 ЖИ-78), «Ратник», «Княжна», «Олена» (вст. № 2904 ЖИ-79), а також картини «Пейзаж з сорокою» (вст. № 2910 ЖИ-80), «Травнева ніч» (вст. № 2911 ЖИ-81), «Над Софією Київською» (вст. № 2913 ЖИ-82). Всі вказані роботи стали художнім втіленням нового історичного образу Святих Гір в експозиції музею періоду середньовіччя [4, с.58, іл.100, с.62, іл.108; 13, с.169-171, іл.2-5].

З початку 2000-х років одною з форм популяризації художнього образу Святих Гір стали персональні виставки художників. Перший досвід таких виставок був ще у 2001 році (персональна виставка художника В. Ендебері (м. Святогірськ) і 2002 році (персональна виставка художників з м. Краматорська Костянтина і Марини Князєвих). У фондах заповідника представлені їхні роботи: В. Ендебері «Миколаївська церква» (вст. № 1227 ЖИ-33), К. Князєв «Вечірня розмова» (вст. № 1231 ЖИ-34), М. Князєва «Святогірський монастир» (вст. № 1238 ЖИ-38).

З введенням в експлуатацію виставкового залу в кор. №20 можливості для організації персональних виставок художників збільшилися. У вересні 2009 року була організована персональна виставка художників М. Алатарцева (м. Харків) та С. Сметанкіна (м. Слов'янськ). Після експонуваня до фондової групи живопису надійшли картини М.Алатарцева «Святогір'я» (вст. № 2222 ЖИ-72), «Богородичне» (вст. № 2224 ЖИ-74), «Осінній ранок в Святогірську» (вст. № 2223 ЖИ-73) (іл.4), С. Сметанкіна «Так було раніше…» (вст. № 1897 ЖИ-64), «Святогірський страж» (вст. № 1950 ЖИ-65) (іл.5).

У 2011 році у заповіднику експонувались художньо-археологічні виставки «Вартові степу», «Святі Гори в історії Слобідської України», основу яких склали роботи з циклу «Лицарі Січі Запорізької» народного художника України В. Шенделя. Частина з них після завершення виставок поповнила колекцію заповідника («Провідування козаками поранених товаришів в Святогірському монастирі» (вст. № 2892 ЖИ-76), «Сіверський Донець – козацька річка» (вст. № 2893 ЖИ-77) [4,с.93,іл.146,с.94,іл.150], «Отаман І. Сірко перед царем Олексієм Михайловичем» (вст. № 2914 ЖИ-836), «У справі герци» (вст. № 2915 ЖИ-84), «Кримська орда» (вст. № 2916 ЖИ-85) [4,с.84,іл.133]. За результатами виставок були підготовлені та видані буклети «Вартові степу» та «Святі Гори в історії Слобідської України» [1, с.13,21,33,41,43; 9, с.23,31,43,51,53].

У 2013 році в Святогірському історико-архітектурному заповіднику експонувалась художня виставка «Творча палітра Святих Гір», присвячена 1025-річчю хрещення Русі. На виставці були представлені експонати із фондів заповідника, Луганського художнього музею та з приватних авторських колекцій. Дана виставка стала підсумковою у багаторічній співпраці Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську з творчою групою «Святогір'я» (м. Донецьк). Серед інших були представлені нові творчі здобутки за темою Святогір'я Бориса Єрьоміна («Стара сосна»), Віктора Євдокимова («Святогіря»), Геннадія Жукова («Над Дінцем»), Володимира і Валентини Теличко («Пробудження», «Останнє золото», «Тиша»).

Формування колекції картин XIX ст. і їхніх цифрових копій

У фондах багатьох музеїв України, Росії, приватних колекціях зберігаються твори «святогірського циклу» відомих художників XIX ст. У 2014 році пошукова робота з виявлення таких робіт завершилася поповненням фондів СДІАЗ двома цифровими копіями. Відомо, що Святогірський монастир та мальовничість Святих Гір збереглися на полотнах І. Рєпіна. В травні 1880 р. на шляху до Чугуєва він зупинився в Святих Горах і написав етюд «Вид Святогірського монастиря на Дінці», який зараз знаходиться в колекції Третьяковської галереї (іл.6). Електронна копія цього полотна була надана Свято-Успенській лаврі, а його цифрова копія прикрасила експозицію історичного музею заповідника (НДФ СДІАЗ – 15497) [4,с.239,іл.349в] (іл.7).

Твори «святогірського циклу» відомого українського пейзажиста С.Васильківського, що зберігаються в Харківському художньому музеї – пейзаж 1911 р. «Святі Гори» (цифрова копія НДФ СДІАЗ - 13287), Харківському історичному музеї – «Вид Святих Гір» (цифрова копія НДФ СДІАЗ - 13288), ще раніш залучені до експозиції історичного музею [2, с.135,4,с.237-238,іл.348-349]. Відомі ще декілька картин С.Васильківського на святогірську тематику, це «Околиці Св.Гір в Харківській губернії», «В очікуванні парому біля Святогірського монастиря в Харк. губ.», «По Дінцю».

Неодноразово відвідував Святі Гори вихованець Петербурзької академії мистецтв О. Гіне. В одному з листів П.П. Джогіна до І. Шишкіна художник повідомляв: «…Гіне знов їде до монахів у Святогірський монастир (Харківської губернії)» [7,с.110]. До 60-х рр. XIX століття відноситься картина О. Гіне «Святогірський монастир» з фондів Харківського історичного музею (цифрова копія НДФ СДІАЗ – 13286). Картина датується 1864 роком і написана з одного з улюблених місць живописців XIX ст.

на правому березі Дінця – з тераси садиби Потьомкіних [2, с.135;4,с.240-241,іл.350]. Друга робота О.Гіне «Святогірський монастир» написана з лівого берега Дінця, практично з того ж місця, що і етюд І.Рєпіна, де в центрі композиції – крейдяна скеля з Миколаївською церквою [7,с.110,114].

Досить цікавими у контексті обраного сюжету виглядає «святогірський цикл» робіт академіка В.Зарубіна, який народився у м. Харкові. Більшість картин художника можна визначити як пейзажі з жанровими сценами. Святі Гори надихнули В.Зарубіна на створення таких картин як «Каплиця Святогірського монастря», «Монахи в човні» [12, с.151-162]. Перша робота належить зібранню Херсонського обласного художнього музею. На ній художник відобразив шлях до Миколаївської церкви, бані вказаного храму і старця, що підіймається дорогою. На другій картині автор зобразив двох ченців, що пливуть в човні в напрямку монастиря із скита Вел.Арсенія. На другому плані – купальня на Дінці і Миколаївська церква на скелі [4,с.240,іл.351; 6,с.178; 12, с.154,162].

Святі Гори відображені також у творчості таких художників як Ю.Федерс (картина «Святі Гори під Харковом»), М.Ткаченко (картина «Західна башта Святогірського монастиря», етюд «Святогірський монастир»), О.Кисельов (картина «Святогірський монастир на Дінці»), І. Вельц (картина «Біля монастиря, Святі Гори») та ін. [6, с.179,180; 8, с. 105-110].

У фондах Єгор'євського історико-художнього музею (Російська Федерація) знаходиться картина художника Д. Макаренкова «Вид Святогірської Успенської пустині Харківської губернії Ізюмського повіту» 1847 р. (іл.8). Відвідав художник Святогірський монастир у 1847 році, про що свідчить авторський напис внизу картини: «Вид Святогорской Успенской пустыни, в Харьковской губернии Изюмского уезда. Писал с натуры Димитрий Макаренков 1847 года Август 16 дня». На полотні зображений архітектурний ансамбль Святогірського монастиря, частина будівель якого збереглась ще з XVIII ст. Цифрова копія цієї картини за допомогою Свято-Успенської Лаври поповнила експозицію історичного музею (НДФ СДІАЗ – 15496) [4,с.198-199,іл.283а] (іл.9). Робота з пошуку, дослідження і використання в просвітницькій і експозиційній роботі полотен відомих майстрів минулих століть триває. В процесі цієї роботи в полі зору дослідників з'являються цікаві екземпляри художніх робіт невідомих майстрів в стилі «наїв». Так, нещодавно до фондів СДІАЗ потрапило полотно «Богомольці перед Іоанном Затворником на крейдяній скелі» (вст. № 2621 ЖИ-75), де відображений сюжет з життя відомого в середині XIX ст. ієромонаха преподобного Іоанна, що знаходився в затворі в крейдяній скелі 17 років. Робота надійшла в поганому стані і в 2014 році була реставрована в Харківській філії Національного науково-дослідного реставраційного центру (іл.10).

Висновки

Таким чином, творча палітра Святих Гір в історичній ретроспективі являє собою різноплановий монументальний та станковий живопис сакрального і культурологічного характеру. Мистецька спадщина значною мірою збереглася з XIX ст. Здобутком художників сер. XIX – поч. XXI ст. є безперервна серія робіт, створених на Святогірських пленерах. Роботи зберігаються і експонуються в багатьох музеях України і за кордоном, приватних колекціях і галереях-виставках, майстернях художників. Статистикою

художніх робіт, створених в Святогірську, ніхто не володіє, але і так зрозуміло, що це тисячі полотен, об'єднаних єдиною темою Святогір'я. Мізерна частина цієї творчої палітри представлена в фондах і експозиціях Святогірського історико-архітектурного заповідника і налічує на даний час 85 одиниць збереження.

Резюме: *Дєдова Я.Д. Творча палітра Святих Гір (до питання про формування колекції живопису Святогірського заповідника)*

В статті розглянуто питання про склад та формування колекції сучасного живопису, в якому відображена тематика Святих Гір і яка входить до складу музейного фонду Святогірського історико-архітектурного заповідника. Викладені історія формування колекції, джерела надходження,автори і назви картин,обставини їх надходження до фондів. Особлива увага приділена пошукам картин з тематикою Святих Гір відомих художників XIX ст. у фондах інших музеїв і приватних колекціях та надходженням їх у фонди в форматі цифрових фотокопій на полотні. Приведена інформація про використання колекції живопису у культурно-просвітницький діяльності заповідника.

Ключові слова: *Святі Гори, художні твори, художники, пленери, колекція картин, Святогірський заповідник, мистецька спадщина XIX ст., цифрова копія, виставки.*

Резюме: *Дедова Я.Д. Творческая палитра Святых Гор (к вопросу о формировании коллекции живописи Святогорского заповедника)*

В статье рассмотрен вопрос о составе и формировании коллекции современной живописи на тему Святых Гор, которая входит составной частью в музейный фонд Святогорского историко-архитектурного заповедника. Представлена информация об истории формирования коллекции источниках поступлений, авторах и названиях картин, обстоятельств их поступления в фонды. Особенное внимание уделено поиску картин на тему Святых Гор известных художников XIX в. в фондах других музеев и частных коллекциях и поступлениям их цифровых фотокопий на полотне в фонды заповедника. В статье приведена информация об использовании коллекции живописи в культурно-просветительской работе заповедника.

Ключевые слова: *Святые Горы, художественные произведения, художники, пленеры, коллекция картин, Святогорский заповедник, наследие искусства XIX в., цифровая копия,выставки.*

Summary: *Ya.D. Dedova. Creative palette of the Holy Mountains (to the study of formation of the painting collection in the Sviatogorsk Reserve)*

The article covers the content and formation of the modern painting collection reflecting the subject of the Holy Mountains and included in the museum funds of the Sviatogorsk Historical and Architectural Reserve. The collection formation history is set forth here, as well as sources of arrivals, artists and names of pictures and circumstances of their arrival to the funds. Particular attention has been given to search of pictures with the Holy Mountains subject painted by famous artists of the XIX century in the funds of other museums and private collections and their arrival to the funds in the format of digital photocopies on

canvass. The data for application of the painting collection in the Reserve cultural and educational activities are presented here.

Key words: *the Holy Mountains, art works, artists, plein air, collection of pictures, the Sviatogorsk Reserve, artistic heritage of the XIX century, digital copy, exhibitions.*

Література:

1. Вартові степу. Довідкове видання художньо-археологічної виставки. (Упорядник, автор вступу В.М. Дєдов). – Донецьк: ТОВ «РА «Ваш імідж», 2011 – 68 с. іл.
2. Дєдова Я.Д. Творча палітра Святих Гір (до питання про історію формування мистецької спадщини) // Святогірський альманах 2007. – Зб. наук. праць Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. – Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж», 2007, с. 125-149.
3. Дедов В.Н. Святогорское имение и его владельцы с к. XVIII до нач. XX века // Святогірський альманах 2007. – Зб. наук. праць Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. – Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж», 2007, с. 96-124.
4. В.Н.Дедов. Святые Горы. Иллюстрированная история. //Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж», 2014. 464 с.
5. Духин А.И. Святогорье глазами художников // Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника). – Славяногорск, 1995. – С. 80-85.
6. Духін О.І., Киркач Г.М. Святі Гори в творах художників XIX ст. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірськ Донецької області). – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С. 176-182.
7. Духін О.І., Киркач Г.М. Святогірські пейзажі С. Васильківського та О. Гіне // Святогірський альманах 2009. – Зб. наук. праць Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. – Донецьк: ТОВ «РА «Ваш імідж», 2009. – С.106-114.
8. Духін О.І., Киркач Г.М., Плахов О.В. Святі Гори у творчості художників XIX-поч. XX ст. М.Ткаченка і І. Вельця // Святогірський альманах 2013. – Зб. наук. праць Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. – Донецьк: ТОВ «РА «Ваш імідж», 2013. – С. 105-110.
9. Святі Гори в історії Слобідської України. Довідкове видання виставки Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. (Упорядник – В.М. Дєдов. Автори тексту В.М. Дєдов, С.В. Позіховська). – Донецьк: ТОВ «РА «Ваш імідж», 2012. – 116 с. іл.
10. Святые Горы глазами художников. // Буклет. Выставка. Живопись. Графика. Скульптура. – Славяногорск, 1997. – 12 с., ил.
11. Шалаева Н.Г. Святогорские рисунки и фронтовой дневник художника В.В. Зимина // Святогірський альманах 2010. – Зб. наук. праць Державного історико-архітектурного заповідника у м. Святогірську. – Донецьк: ТОВ «РА «Ваш імідж», 2010. – С.171-178.

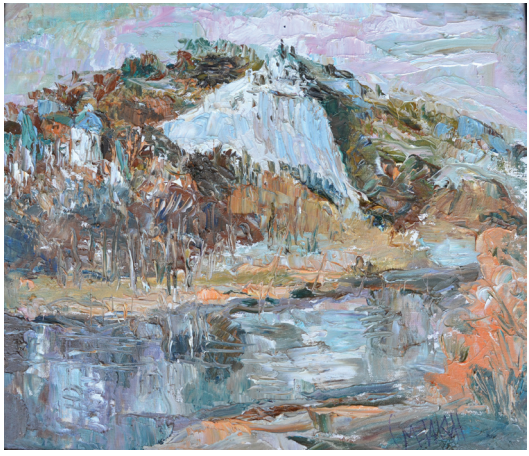
12. Шалаєва Н.Г. Святогірський Успенський монастир XIX ст. в літографіях Поль-Петі і картинах В.І.Зарубіна» // Святогірський альманах 2009. Зб. наук. праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську. – Донецьк: журнал «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж», 2009. – С.151-162.
13. Шарабан С.С., Дєдов В.М., Соляник А.А. Науково-проектні рішення реекспозиції історичного музею Святогірського заповідника на сучасному етапі. // Святогірський альманах 2011. Зб. наук. праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську. – Донецьк:журнал «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2011. – С.165-172.
14. Шарабан С.С. Досвід реконструкції пам'ятника XIX ст. «Садиба Потьомкіних в Святих Горах» з фрагментами експозиції меморіального характеру. // Святогірський альманах 2007. Зб. наук. праць. КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську. – Донецьк: журнал «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж», 2007. – С. 195-207.

Іл.1 А. Кутана. Свята обитель. 2007.

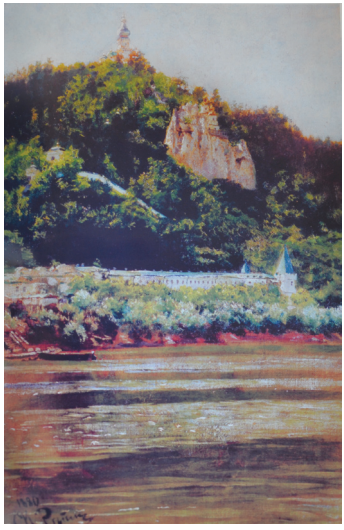
Іл.2 Радковський. Осінь в Святих Горах. 2008.

Іл. 3
Г. Тишкевич. Святогір'я.
Політ ангела.
2008.

Іл. 4
М. Алатарцев.
Осінній ранок в Святогірську.
2006.



Іл. 5 С. Сметанкін. Святогірський страж. 2008.



Іл. 6 І. Рєпін. Вид Святогірського монастиря на Дінці. 1880. Цифрова копія.

Іл. 7 Фрагмент експозиції залу № 5 історичного музею. 2014.

Іл. 8
Д. Макаренков.
Вид Святогірської
Успенської пустині
Харківської губернії
Ізюмського повіту.
1847.
Цифрова копія.

Іл. 9
Фрагмент експозиції
залу № 4
історичного музею.
2014.

Іл. 10
Худ. невідомий.
Богомольці перед Іоанном
Затвірником на крейдяній
скелі. XIX ст.

Ісаїв О.Я.

ДЖЕРЕЛА ДЛЯ ДОСЛІДЖЕННЯ БОРОВА-ГОРОХОВАТСЬКОГО МОНАСТИРЯ НА ОСКОЛІ

Вступ

Борова-Гороховатський монастир виник за козацької доби, в часи, коли тільки-но розпочиналося масове заселення Слобожанщини українцями. Це був козацький монастир, бо розташовувався поруч з Гороховаткою, старовинною козацькою фортецею, й сотенним містечком Ізюмського слобідського козацького полку. Всього на території Ізюмського слобідського полку існували три монастирі – Святогірський Успенський, Зміївський Миколаївський та Борова-Гороховатська Богородицька пустинь. Перші два розташовувалися на берегах Сіверського Дінця, третій – на Осколі. Борова-Гороховатський монастир є одним з найдавніших монастирів Слобожанщини. У краєзнавстві через брак історичних джерел XVII-XVIII ст. з минулим Борова-Гороховатського монастиря є певна плутанина. Це передусім стосується часу виникнення монастиря та його назви. Зовсім не з'ясовані конкретне місцезнаходження монастиря, його роль в освоєнні краю, сторінки історії та інше.

Автор ставить за мету визначити основні джерела для дослідження історичного минулого вказаного монастиря і характер відомостей, що містяться в кожній групі джерел.

Заснування монастиря та його назва

Згадки про Борова-Гороховатський монастир містяться у багатьох виданнях з історії і статистики монастирів Російської імперії XIX ст., але в більшості вони дуже скупі й обмежені. Навіть в унікальному виданні 1852 р. О. Ратшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России» про цей монастир зазначено тільки таке: «Гороховецько-Богородицька пустинь, чоловіча, на березі ріки Оскола. Докладних відомостей про цю обитель ніяких немає» [13,с.489]. Щодо часу виникнення монастиря, то краєзнавець І.С. Кириченко, посилаючись на «Харківські губернські відомості» 1857 року, стверджує, що Борова-Гороховатську Богородицьку пустинь було збудовано в Гороховатці в 1698 році [10]. У праці архієпископа Філарета (Гумілевського) «Історико-статистичний опис Харківської єпархії», основного джерела з історії монастирів і храмів Слобожанщини у XVII-XVIII ст., вміщена грунтовна довідка про цей монастир: «Гороховатська Богородицька пустинь перед її закриттям у 1788 р. знаходилася на лівому березі Оскола, поблизу хутора Борового. А раніше вона була на правому боці р.Оскола, під скелями Гороховатськими, на самому березі цієї ріки. У Борову перенесена вона в 1760 р. через те, що на попередньому її місці Оскіл під час повені затопляв не тільки монастир, але й саму церкву. Гороховатські мешканці до самого закриття монастиря, в день Різдва Богородиці, в храмове монастирське свято, ходили хресним ходом у монастир на його нове місце.

Коли й ким була заснована Гороховатська пустинь, достовірно не відомо. Але за актами бачимо, що в 1698 р. вона вже існувала й була під управлінням Святогірсько-

го монастиря. Актом 1698 р. полкової ратуші Ізюмського полку козак Іван Смачний, колишній Гороховатський сотник, продав намісніку Гороховатської обителі отцю Іоні за 10 талярів свій двір у Гороховатці з садом і поле, яке, за його словами, він і раніше обробляв на користь обителі» [13, с.233-234]. Як бачимо з вищенаведеної цитати, преосвященний Філарет не мав на той час джерел для визначення дати заснування монастиря. Лише у його неопублікованих рукописах стосовно заснування Різдво-Богородицького храму пустині спочатку була вказана дата «близько 1680 р.», але потім закреслена.

Історіографія радянського часу щодо дати заснування монастиря користувалася висновками дослідників XIX ст. Так, енциклопедичне видання «Історія міст і сіл УРСР. Харківська область» (1967 р.) спирається на версію архієпископа Філарета, «що вже в 1698 році на правому березі Оскола, біля Гороховатських скель, існувала т.зв. Гороховатська чоловіча пустинь – невеликий монастир. Згодом, у 1760 р., цей монастир розташовувався на лівому березі Оскола, при впадінні річки Борової» [9, с.283]. Разом з тим, були і певні здобутки. Уточнення щодо часу виникнення монастиря, його первісної назви й місця знаходження містяться в монографії «Изюмская черта» (1980 р.). воронезького професора В. Загоровського. При цьому він опирається на архівні документи середини XVII століття, віднайдені ним у Москві, в Центральному (зараз Російському) Державному Архіві Давніх Актів. За цими документами, Боровенську пустинь заснував у 1664 році монах Монасія «на усть-Боровенського колодязя на ріці Оскіл». Далі В.Загоровський зазначає, що ця пустинь пізніше й стала Боровенським (Борівським) монастирем. Він підкреслює, що в 70-80-х роках XVII ст. цей монастир «ледь животів» [7, с.52].

Таким чином, Борівський монастир є другим за часом виникнення населеним пунктом більш ніж 200-кілометрового простору Нижнього Приоскілля (після Царевборисова, який збудовано в 1599 р.) і першим на всьому лівобережжі Оскола. За архівними документами, Дворічна заснована в 1666 р., Радьківка вперше згадується в 1668 р., Гороховатка (Остропілля) – в 1670 р., Сеньків – в 1670 р., Куп'янськ (Купенка) заснований у 1676 р., Кам'янка (Дворічанський район) – у 1679 році, а Борівський монастир (Боровенська пустинь) заснований на декілька років раніше від них, а саме в 1664 році [7, с.52, 74-76; 14, с.204, 225, 227, 229] .

Щодо імені обителі, то в документах XVII-XVIII століть, де згадується монастир містяться різні його назви: Боровенський, Борівський, Гороховатський, Гороховецький, Борова-Гороховатський тощо. Це передусім пов'язане з тим, що монастир декілька разів змінював своє місце розташування.

Остання назва – Борова-Гороховатський монастир здається найбільш логічно доцільною й історично вмотивованою. Вона зустрічається в деяких документах кінця XVIII століття та в унікальному за своєю повнотою та фактичним матеріалом довіднику про 594 старовинних монастирів Російської імперії, виданому в 1890 році В.В. Звєрінським [8, с.104]. Ця назва серед іншого допомагає передусім запобігти плутанині, бо монастир декілька разів переносився з місця на місце та знову повертався назад.

В іншому випадку щодо монастиря доведеться застосовувати дві різні назви: Борівський – коли він знаходився на річці Боровій, і Гороховатський – коли був перенесений до слободи Гороховатки. Саме Гороховатським іменують його деякі документи

після перенесення до Гороховатки. В перший період свого існування (2-а половина XVII ст.) монастир називався винятково Борівським (Боровенським).

Московським стольникам і дякам Розрядного приказу, як свідчать архівні документи, монастир у перші часи його існування був відомий саме під назвою Боровенський (Борівський), який існував у гирлі річки Борової («усть-Боровенського колодязя») в місці впадінні її в Оскіл, тобто знаходився на лівому березі Оскола.Слід зазначити, що у XVII ст. термін »колодязь» здебільшого позначав будь-яку невелику чи середню річку й широко вживався замість слова «річка» [11, с.285]. Безперечно, що чернець Монасія, засновуючи монастир, був не сам, а з «братією». Не виключено, що засновник Боровенської пустині монах Монасія (1664 р.) в майбутньому став ігуменом Зміївського Миколаївського монастиря (1673 р.). За відомостями архієпископа Філарета, чернець Манасія був «постриженецем» Києво-Печерської Лаври, а в 1673 р. був переведений із ігуменів Зміївського монастиря в архімандрити Курязького монастиря «для влаштування цієї нової тоді обителі» [13, с.54-55, 201].

Місцезнаходження монастиря

Існують легенди щодо заснування монастиря Перші ченці поселилися «пустинножительствувати» саме на правому березі Оскола, десь проти гирла річки Борової, де влаштовували свої таємні підземні келії. Тут і сьогодні дикі, екзотичні місця, які нагадують первісну глушину, й викликають непідробне захоплення й щире здивування своєю незайманою красою. Зараз тут створено природоохоронний заказник.

Зрозуміло, що в перші часи існування монастир був бідний та незначний за розмірами. Московський воєвода Офросімов доносив царю в Москву: «А ікон місцевих і деісусів немає – черкаси моляться паперовим листам, своєму литовському письму й стінам» [1, с.104].Разом з тим, навіть у перші часи свого існування монастир був майже неприступною фортецею. Крім дерев'яної острожної стіни, мав сторожові башти [3, арк.105]. За його міцним частоколом загострених дубових колод з двома сторожовими баштами знаходився порятунок не тільки від нищівних нападів татар, а й від розбоїв загонів місцевих розбишак, яких тоді не бракувало в цих краях. При монастирі був шпиталь, де лікували хворих і поранених, пізніше – доглядали за старими й каліками.

Через деякий час Борівський монастир був перенесений на правий берег Оскола «під скелі Гороховатські». Коли саме, в документах не згадується, але слід думати, десь після будівництва Ізюмської захисної смуги (оборонної лінії) по Осколу в 1680 р. До цього часу в документах він згадується ще на старому місці, тобто на лівому березі Оскола [16, с.76, 123]. Причиною перенесення монастиря на 6 км нижче за течією Оскола, під безпосередній захист Острогопільської фортеці, була загроза постійних татарських нападів на лівобережжя. Правобережжя ж Оскола було захищене Ізюмською оборонною лінією, козацькими фортецями по Осколу, новозбудованою великою кріпостю Ізюмом на Сіверському Дінці та створенням Ізюмського слобідського козацького полку.

Знаходився перенесений монастир за декілька сот метрів на схід від Острогопільської фортеці й сотенної слободи Гороховатки. Місце це зараз затоплене Червоноосколським водосховищем. На думку автора,обитель була заснована десь на ділянці, яка простяглася вузькою смугою від сучасного великого мосту через Оскіл до гирла річки Гороховатки. До сих пір старожили Гороховатки пам'ятають, за їхніми словами,

«дорогу до храму». Ця дорога збереглася й зараз, бо, як кажуть набожні люди, місце колишнього монастиря святе, бо воно є надзвичайно «намоленим». Як і раніше, дорога пролягає поруч з Остропільською фортецею, оминає її з півдня та сходу й круто спускається вниз до Оскола й річечки Гороховатки.

Цікаві відомості про монастир подає «Описание Воронежского наместничества 1785 года», де говориться про Куп'янський повіт: «Є в повіті одна пустинь, яка зветься Гороховатська. Про неї в довідці сказано, що 1704 року, січня 11 дня, за грамотою блаженної пам'яті государя імператора Петра Великого указом між іншим повелівалось: Полковнику ізюмському Федору Шидловському, а від нього гороховатському сотнику Бистрицькому в дачах Гороховатських і Радьковських, і в дачах Гороховатського монастиря, який скасований, оцю пустинь збудувати. Гідного уваги в ній нічого немає. Церква в цій пустині в ім'я Різдва Пресвятої Богородиці дерев'яна, а кам'яних будівель немає. Відстанню від міста Купенська за 40 верств, монашествующих в пустині – один, ієромонах – один, диякон – один і монахів три» [12, с.120].

Із цього тексту можна зрозуміти, що в 1704 р. за указом імператора Петра І було наказано місцевим козакам Гороховатки збудувати Гороховатську пустинь на земельних володіннях слобід Гороховатки й Радьківки та землях напередодні зліквідованого Гороховатського монастиря. А далі вже дається опис цієї малесенької пустині станом на 1785 рік. Тобто якийсь час перед 1704 р. гороховатський монастир був «скасований», а тепер відновлювався в дещо нижчому статусі – пустині. Якщо пустинь треба було заново будувати, то треба думати, що попередні будівлі або не збереглися, або пустинь переносили на нове місце.

За переписом слобідських полків 1732 року, проведеного гвардії майором Хрущовим, тут існував «хутір Борівської пустині того ж монастиря. Підданих – 46 душ. Населений років з 40 назад. Піддані виконують різні роботи» [2, с.252]. Отже, навіть коли монастир знаходився біля Гороховатки, він у офіційних документах продовжував називатися Борівським, а назву Гороховатського отримав значно пізніше.

Монастир поруч з Гороховаткою проіснував до 1760 р. і був перенесений, швидше за все, на своє колишнє місце або десь поруч із ним – на лівий берег Оскола, там, де в нього впадає річка Борова. Причиною перенесення монастиря було те, що «на попередньому його місці Оскіл під час повені затопляв не тільки монастир, але й саму церкву» [13, с.233] і, по-друге, в цей час уже повністю зникла будь-яка загроза татарських нападів на лівобережжя.

Проіснувала Різдво-Богородицька пустинь біля Гороховатки десь три чверті століття й, природно, що стала вона тепер зватися вже Гороховатською пустинню, а не, як раніше, – Борівським. Але й після перенесення монастиря в 1760 р. на старе місце, до гирла річки Борової, назва «Гороховатський Богородичний монастир» збереглась за ним аж до закриття в 1788 році.

Джерела для дослідження ролі монастиря в освоєнні краю

Важливим джерелом для дослідження монастиря і його ролі в освоєнні краю є статистичні описи і відомості адміністративно-територіальних одиниць, в межі яких в різні часи входив монастир і його маєтність. Так, деякі статистичні дані про монастир і його підданих містяться у «Ведомости о провинциях и комиссарствах Слободско-

Украинской губернии и состоящих в них местечках, селах, деревнях и находящихся в оных жителях мужского и женского пола, с подразделением их на сословия» за 1773 рік у Сватово-Лучанському комісарстві Ізюмської провінції. Серед інших поселень тут зазначається: «Борова, вона ж Гороховатська Богородицька пустиня, в гирлі степової річки Борової, при впадінні її в ріку Оскіл… кількість мешканців Борової: церковних монахів – четверо; білого духовенства – двоє чоловіків, двоє жінок; черкас підданих пустині – 94 чол., 89 жін., всього – 183 душі»[2, с.352]. Усіх же мешканців монастиря й хутора – 191 чоловік.

Докладно описаний Борова-Гороховатський монастир і хутір, який йому належав, у «Ведомости к Генеральному плану Купянского уезда по состоянию на 1785 год»: «Гороховатська пустинь – володіння будівельника з братією. Кількість дворів – 20, число душ – 122 чоловічих, 124 жіночих. Лежить на лівому березі ріки Оскола й при озерах Піщаному й двох безіменних, і на лівому боці безіменного яру. Ця пустинь перебуває поза штатом. Навколо неї укріплення з двома баштами. У тому укріпленні церква в ім'я Різдва Пресвятої Богородиці. Будівельника й братські келії дерев'яні.

А дачею простягається берегами річки Борової, на якій став і при ньому мучний млин на чотири постави у власності цієї пустині братства. Дію має не цілий рік, а тільки у весняні та дощові часи. З неї річного прибутку отримують хлібом до сімдесяти чвертей. Володіння простягалися по річці Оскіл й озеру Розоватому на правому боці й по обидва боки показаної ріки, безіменного протока, озер Трапезного, Піщаного й двох безіменних. Зазначена ріка й річка навпроти пустині й дачі в літній спекотливий час у наймілкіших місцях бувають: ріка Оскіл – завглибшки два сажні (4,3 м), завширшки – двадцать п'ять сажень (53 м); річка Борова – завглибшки півершина (0,35 м), завширшки – три сажні (6,4 м), а протока пересихає.

…Піддані черкаси перебувають на монастирській панщині. Землі на братію обробляють сто п'ятдесят десятин (217,5 га), а потім усю іншу землю орють на себе. Жінки крім польової роботи займаються домашнім рукоділлям: прядуть льон-поскан та овечу вовну, тчуть полотна й сукна для власного використання. Всього землі – 1105 десятин (1602,25 га)» [3, арк.105-106, іл.1].

За відомостями Борова-Гороховатському монастирю належав ще один хутір Боровий (пізніше названий Чернецький, Чернещина). Про нього у «Ведомости к Генеральному плану дач Купянского уезда по состоянию на 1785 год…» подається така інформація: «Хутір Боровий – володіння Гороховатської Богородицької пустині будівельника з братією. Кількість дворів – 35, кількість душ – 122 чоловічих, 125 жіночих. Орної землі – 92 дес. (133 га), сінокосу – 1124 дес. (1629,8 га), під поселення – 6 дес. (8,7 га), неудобок – 14 дес. (20 га) , всього – 1238 десятин (1795 га). Лежить по обидва боки верхів'я річки Борової й на лівому боці від її відгалудження.

У тому хуторі дім панський дерев'яний, побудований для приїзду начальників. … Піддані черкаси перебувають на монастирській панщині. Землі для пустині обробляють сорок десятин (58 га), а потім усю іншу землю орють на себе. Жінки, крім польової роботи, займаються домашнім рукоділлям: прядуть льон-поскан та овечу вовну, тчуть полотна й сукна для власного використання» [3, арк.100зв.-101, іл.2)].

У Харківському обласному архіві зберігаються декілька детальних карт Борова-Гороховатського монастиря 2-ї половини XVIII ст. З них бачимо, що в останні часи мо-

настир лежав на правому березі річки Борова неподалік від місця впадіння її в Оскіл [5, арк.4; 3, арк.2,іл.3].

Цінним доповненням до архівних матеріалів є відомості, наведені архієпископом Філаретом, де говориться про маєтність Борова-Гороховатського монастиря: «У відомості генерального межування 1784 р. показано всієї землі Гороховатської пустині в двох дачах 2344 десятини (3299 га), у том числі лісу – 88 дес., ріллі – 728 дес. (915 га), сінокосу – 1157 десятин. Пустинь оточена була багатими плодовими садами, яких тепер і сліду нема, ліс також майже винищений»[13, с.235-236].

Минуле Борова-Гороховатського монастиря протягом усієї його історії міцно пов'язане з найстарішим та високошанованим народом монастирем Слобожанщини – Святогірським Успенським на Сіверському Дінці. Оскільський монастир безпосередньо підпорядковувався Святогірському, був «приписаний» до нього. Так, наприклад, в указі від 2 серпня 1736 р. монахиня Мокрина показує, що вона прийняла постриг в 1712 р. в приписаній до Святогірського монастиря Гороховатській пустині архімандритом Севастіаном. В описі Святогірського монастиря 1758 р. Гороховатська пустинь також показана приписаною до Святогірського монастиря [13, с.125]. Деякі з настоятелів і монахів Гороховатської пустині згодом стали ігуменами більш значних і відомих монастирів. Так, точно відомо, що намісник Гороховатської пустині ієромонах Іона став ігуменом Святогірського монастиря. За документами відомо, що при ньому, в 1705 р. цареборисівський козак Самуїл Ситник продав Святогірському монастирю млин на р. Студенок [13, с.122].

Ігумен Гороховатської пустині Василь Базилевич пізніше, в 1779-1798 рр., був ігуменом Харківського Покровського монастиря. До речі, він був одночасно й ректором знаменитого Харківського колегіуму, бо й сам колегіум знаходився в стінах цього монастиря [13, с.35, 234-235].

Архімандритом Святогірського монастиря Севастіаном Юхновським, який у свій час заснував Озерянську пустинь, «кращий порядок введений і в Гороховатську пустинь» [13, с.123-124]. Видно, він якийсь час тут теж був настоятелем. Архієпископ Філарет надає список настоятелів Борова-Гороховатського монастиря з 1698 року:

1) Намісник ієромонах Іона в 1698 р.
2) Ігумен Василій Базилевич, про якого говорить указ 28 квітня 1765 р.
3) Будівельник ієромонах Іоасаф Янкевич в 1766-1776 рр.
4) Будівельник ієромонах Мелхіседек у 1777 р.
5) Будівельник ієромонах Лаврентій Карпинський 1779 р. (Дуже можливо, що борова-гороховатський настоятель ієромонах Лаврентій Карпинський (відомий тут під 1779 р.) і ігумен Краснокутського Петропавлівського монастиря Лаврентій (під 1787 р.) є одна й та ж особа. Ігумену Лаврентію консисторією було «предписано» завідувати, крім Краснокутського, ще й Охтирським монастирем. А після закриття цих монастирів він був відправлений завідувати в Курязький монастир всіма зібраними тут іноками із ліквідованих монастирів. Мабуть, тому й не дивно, що борівські монахи після закриття їхнього монастиря пішли не в Путивльську пустинь, як їм наказувалося, а саме в Куряж. Таке було їхнє бажання, бо тут завідував їхній колишній настоятель Лаврентій [13, с.206, 235]).
6) Будівельник ієромонах Авраамій, «стараннями якого в 1781 р. обмежована була монастирська земля».

7) Будівельник ієромонах Калістрат, який до цього був економом пустині.
8) Останнім будівельником був ієромонах Іоіль. При закритті пустині він і «братія» – ієромонах Сава, ієродиякон Олександр і монах Януарій, призначенням консисторії від 13 листопада 1788 р. повинні були перейти в Путивльську Софронієву пустинь, але, за їхнім бажанням, перейшли вони в Курязький монастир під Харковом [7, с.233].

Слід зазначити, що не всі монахи покинули монастир після його закриття за Маніфестом Катерини ІІ про секуляризацію церковних земель і маєтності. До сих пір збереглися серед місцевого населення відголоски стародавніх легенд про те, що навіть після закриття монастиря у 1788 р. якась частина ченців-чорноризців відмовилась перейти в інші монастирі. Вони стали жити анахоретами на правому березі Оскола, де у них ще раніше були викопані таємні печери. Саме з місцевими монахами пов'язують широко розгалуджену мережу печер, які знаходяться поблизу Гороховатки, в Геновій, Хоминій та їхніх околицях. З давніх-давен і до сьогодні передаються серед місцевого люду легенди про «отшельників»-схимників, які переховувалися в гороховатських горах у печерах; про таємничі підземні печерні переходи між Гороховаткою й Боровою, між Гороховаткою й Сеньковом. Є навіть легенда про печерний хід від Гороховатки й аж до Святих Гір, до Святогірського монастиря.

Є деякі документи на підтвердження того, що не всі ченці покинули монастир після повного його закриття в 1788 р. імператрицею Катериною ІІ та передачею всіх його володінь і майна у відання економічної колегії, тобто в державну казну. Так, на «межовому плані» під назвою «Часть земли, называемая Муравьеватой», від 30 березня 1792 р. є запис: «Від Різдво-Богородицької пустині Колегії економічних черкас ієромонах економ Калістрат був». Земля Мурав'євата «уступлена за любовним розводом із одноосібного володіння слободи Гороховатки казенних обивателів» у володіння підпоручика Максима Андрійовича Корнєєва. Усього 19 десятин. Межувала ця земля по озеру Розоватому з колишніми володіннями монастиря, тому межовий план і завірив колишній економ пустині [6, арк.5].

Швидко після закриття Борова-Гороховатський монастир перетворився з пустині на пустку. Монастирський храм був перетворений у парафіяльну церкву для місцевих селян. В 1794 році цю дерев'яну церковцю було розібрано й перенесено в інше місце, за 6 верст верх по річці Боровій, там, де згодом і виникла слобода Борова. Різдво-Богородицький храм, що зберіг свою назву від імені колишнього монастиря знаходився в історичному центрі Борової (зараз там розташований районний Будинок культури та літній кінотеатр). Саме на місці останнього й височіла давня церква, знищена владою та місцевим населенням у 30-і роки ХХ століття (іл.4). В пам'ять про колишній Борова-Гороховатський монастир на місці його розташування була встановлена капличка (іл.5).

Про монастир стали поступово забувати. Пам'ять про нього сьогодні залишається у місцевих топонімах та мікротопонімах: згадувані вже урочище Монастирище й озеро Трапезне, хутір Чернецький (тепер село Чернещина), крім того, хутір Пустинька та так звана «Капличка». На жаль, усі ці місця, крім Чернещини й Монастирища, затоплені Червоноосколським водосховищем, і їхні назви поступово забуваються. Археологічні знахідки, що час від часу знаходять на місці монастиря, є ще одним джерелом з історії давньої козацької обителі (іл.6,7).

Висновки

Таким чином, наведені джерела з історії Борова-Гороховатського монастиря свідчать, що обитель відігравала винятково важливу роль у заселенні Нижнього Приоскілля в козацькі часи. Саме з нею безпосередньо пов'язане виникнення таких населених пунктів, як село Чернещина (колишній хутір Боровий та пізніше хутір Чернецький), село Оскіл (інші назви у різні часи – хутір Боровий, Посьолок Боровий, Пустинька, Слобідка, село Новоселівка), слобода Борова. Гороховатська пустинь підтримувала широкі зв'язки з іншими слобідськими монастирями і була приписана певний час до Святогірського монастиря. Маючи досить значні земельні володіння, більше 3 тисяч гектарів, і декілька сот залежних монастирських селян-кріпаків, монастир сприяв економічній колонізації нашого краю. До того ж, він відігравав важливу роль у релігійному й моральному вихованні місцевого населення. Проіснувавши більше ста двадцяти років, він довго притягував сюди богомольців навіть після свого закриття. Після закриття монастиря вся його територія була перетворена на кладовище, яке проіснувало аж до самого затоплення водосховищем у 1958 році.

Резюме: *Ісаїв О.Я. Джерела для дослідження Борова-Гороховатського монастиря на Осколі*

Стаття присвячена маловідомому козацькому монастирю на Осколі, який в різні часи іменувався Борівський, Борова-Гороховатський, Гороховатська Богородична пустинь і приписаний до Святогірського Успенського монастиря. В статті наведені джерела для дослідження історії монастиря, часу його виникнення (XVIIст.), засновників, місцезнаходження у різні часи існування протягом XVII-XVIII століть.

Приведені статистичні описи щодо володінь і підданих монастиря, його ролі в заселенні, духовному вихованні і господарському освоєнні Нижнього Приоскілля на Слобожанщині.

Ключові слова: *Борова-Гороховатський монастир, Оскіл, Борова,Святогірський монастир, ченці, черкаси, колонізація краю, Слобожанщина, описи намісництв, печери.*

Резюме:*Исаев А.Я. Источники для исследования Борова-Гороховатского монастыря на Осколе.*

Статья посвящена малоизвестному казацкому монастырю на Осколе, который в разные периоды именовался Боровским, Борова-Гороховатским, Гороховатской Богородичной пустынью и был приписанный к Святогорскому Успенскому монастырю.В статье приведены источники для исследования истории монастыря, времени его возникновения (XVIIв.), основателей обители, её местонахождении в разные периоды существования на протяжении XVII-XVIII веков. Приведены статистические описи владений монастыря, его подданных, роли в заселении, духовном воспитании и хозяйственном освоении Нижнего Приосколья на Слобожанщине.

Ключевые слова: *Борово-Гороховатский монастырь, Оскол, Боровая, Святогорский монастырь, монахи, черкасы, Слобожанщина, колонизация края, описи наместничеств, пещеры.*

Summary. *A.Ya. Isayev. Source publications for study of the Borovo-Gorokhovatsky Monastery on the Oskol river.*

The article is dedicated to an unfamiliar Cossack Monastery on the Oskol river, which was known

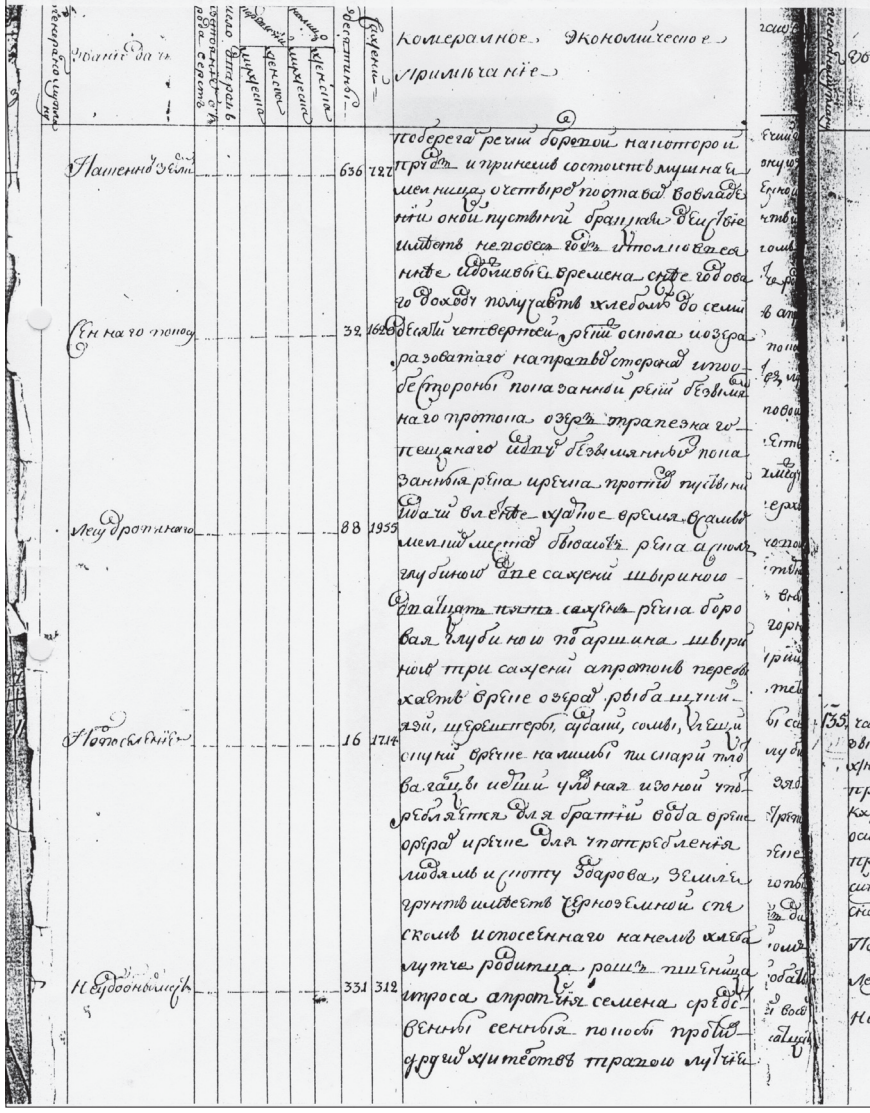
as Borovsky, Borovo-Gorokhovatsky, Gorokhovatsky Mother of God hermitage in different periods and registered to the Sviatogorsk Assumption Monastery. The article cites the source publications for research of the Monastery history, time of its foundation (the XVII century), the Coenoby founders and location in different periods of its existence during the XVII-XVIII centuries. Statistical inventories of the Monastery possessions, its subjects and role in settlement, intellectual upbringing and economic development of the Lower Oskol river region in the County of Sloboda are presented here.

Key words: *the Borovo-Gorokhovatsky Monastery, the Oskol river, Borovaya, Sviatogorsk Monastery, monks, Cherkassy, County of Sloboda, colonization of the area, vicariate inventories, caves.*

Література:

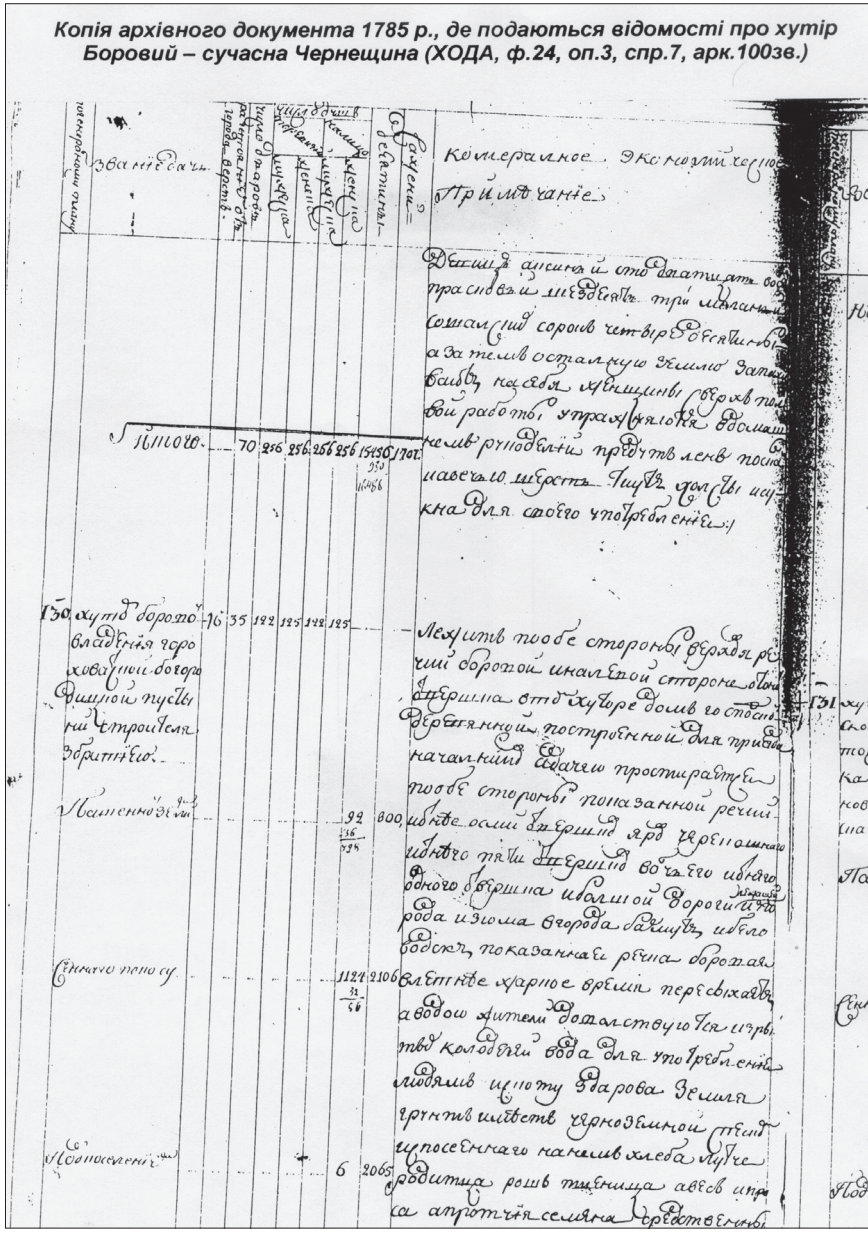
1. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. – Х.: Дельта, 1993.
2. Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI-XVIII столетии. – Х.: Тип. К.П. Счасни, 1886.
3. Державний архів Харківської області (далі – ДАХО). - Ф. 24, оп. 3, спр. 7. Ведомости к Генеральному плану Купянского уезда по состоянию на 1785 год.
4. ДАХО. - Ф. 25, оп. 38, спр. 435. Геоматрические планы дач Купянского уезда.
5. ДАХО. - Ф. 25, оп. 38, спр. 469. Геоматрические планы дач Купянского уезда.
6. ДАХО. - Ф. 25, оп. 38, спр. 470. Геоматрические планы дач Купянского уезда.
7. Загоровский В.П. Изюмская черта. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980.
8. Зверинський В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т.1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764-95 по 1 июля 1890 год. – СПб: 1890
9. Історія міст і сіл УРСР. Харківська область. – К.: Головна редакція Української Радянської Енциклопедії, 1967.
10. Кириченко І. Гороховатка в давнину. // Трудова слава, 11 грудня 1970 р., №136.
11. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.,1984.
12. Описание Воронежского наместничества 1785 года. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982.
13. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. – М.: Книжная палата, 2000.
14. Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России мужских и женских, архиерейских домов и женских общин. С кратким топографическим, историко-статист. и археологич. описанием, библиограф. примечаниями, стат. табл. и алф. указ. Составил Л.И.Денисов. – М.: Издание А.Д.Ступина, 1908.
15. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1. – М., 1852.
16. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 5. Изюмский, Купянский и Старобельский уезды; Купянский и Старобельский округи военного поселения. – Х., 1858.

Копія архівного документа 1785 р., де подаються відомості про Гороховатську (Боровенську) Різдво-Богородицьку пустинь (ХОДА, ф.24, оп.3, спр.7, арк.106)



Іл. 1. Опис маєтності Гороховатської пустині. 1785 р.

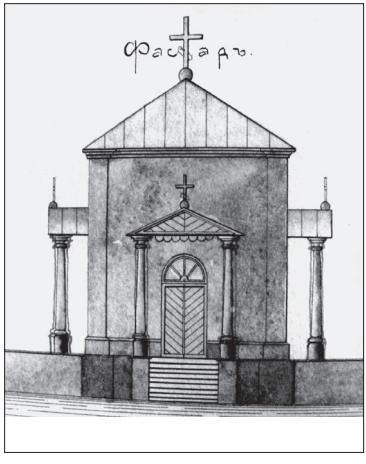
Копія архівного документа 1785 р., де подаються відомості про хутір Боровий – сучасна Чернещина (ХОДА, ф.24, оп.3, спр.7, арк.100зв.)



Іл. 2. Опис хутора Борового Гороховатской пустині.

Іл. 3. Територія Борова-Гороховатського монастиря в 2-й пол. XVIII ст.

Іл. 4. Борівська церква, спадкоємиця монастиря. Поч. XX ст.



Іл. 5. Капличка, яка була збудована на місці монастиря на поч. XX ст.

Іл. 6. Знахідки неподалік колишнього монастиря.

Іл. 7.
Знахідки неподалік
колишнього монастиря.

Іл. 8. Знахідки неподалік колишнього монастиря.

Коцаренко В.Ф.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОГО КРАМАТОРСКА

Вступление

Местность в границах современного города Краматорска к началу XVIII века представляла собой изрезанную речками да оврагами голую степь. Условная граница Слободской Украины (территории, занятой слободскими полками) пролегала тогда несколько севернее: вдоль реки Сухой Торец, далее – левым берегом Казенного Торца вплоть до русла Северского Донца. Пограничная территория подвергалась систематическим набегам крымских и ногайских татар. Строительство Изюмской оборонительной черты в 1679-1680 гг. [1] и укрепление городов-крепостей, расположенных в ее пределах, способствовало налаживанию относительно спокойной жизни их обитателей, заселению близлежащих земель. Южнее черты оставались незащищенными от татарских набегов Маяцкий и Тор (г.Славянск). В 1684 г. укрепления Изюмской черты были продлены от г. Изюма до р. Торец (ныне Сухой Торец) и вдоль нее с целью защиты Торских соляных промыслов, городков Маяцкого и Тора, а также Святогорского монастыря «от приходу воинских людей» [2].

После выделения в 1688 году Изюмского полка из Харьковского слободского полка [3], Тор получил статус сотенного местечка. С этого времени торские жители и солевары постоянно находились под защитой казаков Изюмского слободского полка. И хотя татарские набеги на Слобожанщину не прекращались вплоть до 1738 г. [4], в конце XVII – начале XVIII вв. казацкая старшина и простые казаки уже имели земельные наделы в окрестностях Тора (в торских дачах) по жалованному царем праву вольной заимки. Тем не менее, по причинам внешней опасности, основательно селиться на этих землях в те годы редко кто отваживался. Это подтверждается текстом царской грамоты 1704 г., где в частности отмечалось, что «по осмотру, на крымской стороне р. Северского Донца, кроме Изюма и Маяцкого, и Тору, и Бахмута, никакого поселения нету» [5]. Массовое заселение земель, расположенных в черте современного Краматорска, началось только во второй половине XVIII века. История освоения указанной территории представителями казачества является целью настоящей работы. Актуальность исследования вопроса возрастает в преддверии проведения административно-территориальной реформы в Украине.

Заселение земель современного Краматорска

Незадолго до учреждения Слободско-Украинской губернии (1765 г.) южная кромка земель Изюмского полка достигала местности, в границах которой теперь находится г.Краматорск. Отсюда она тянулась до Бахмутских солеварен. Первыми осваивали эти территории и стояли на пути степных кочевников казаки небольших крепостей. Вначале такими укрепленными местечками были Тор (ныне г. Славянск) и Маяцк (ныне с. Маяки), а позднее – Бахмут (ныне г. Артемовск). Территория, приписанная крепости Тор была довольно обширной. Это были так называемые «торские дачи», которые простирались по обе стороны Торской укрепленной линии (черты). Земляные валы и

засеки, образующие Торскую линию, были возведены казаками слободских полков еще в 1684 г. Они начинались у крепости Изюм и тянулись вдоль речек Голая Долина, Торец (ныне р. Сухой Торец) и Тор (ныне р. Казенный Торец) до места впадения последней в р.Северский Донец. По виду черта напоминала подкову, приставленную к руслу Донца. Основным ее предназначением была защита Соляного городка (он же – Тор) от татар, которые часто совершали набеги в район Торских соляных озер [6]. В пределах территории, опоясанной чертой, казаки и старшина Изюмского полка постепенно населили свои хутора, поставили водяные мельницы, а закрепленные за ними подпомощники занялись хлебопашеством и выпасом скота. Фактически все земли здесь были розданы или просто самовольно заняты поселенцами и назывались «заимками». Находились отважные люди, которые, пренебрегая опасностью, начали селиться за Торской чертой. В большинстве своём это были служившие в Тору казаки, пришлые однодворцы, представители полковой и сотенной старшины Изюмского полка. Реже инициаторами поселений были представители администрации Торских солеварен и офицеры Бахмутского конного казачьего полка. Именно в этот период появились хутора на землях, которые ныне охватывает городская черта Краматорска.

Имена слободских казаков и пришлых однодворцев, основавших здесь первые хутора, в большинстве своём остаются неизвестными. Вместе с тем, сохранившиеся архивные документы засвидетельствовали имена представителей казачества, сыгравших заметную роль в освоении степных просторов и заселении местности в черте современного Краматорска. Так, «заимка» на месте нынешнего поселка Шабельковка в Краматорске появилась, очевидно, в начале XVIII века и принадлежала казаку Торской сотни Изюмского слободского полка Евстафию Киянцу. Сам Евстафий Григорьевич жил тогда в Тору, а в урочище речки Маячки были его земля «для пашения хлеба», сенокос и другие угодья. После смерти Е.Киянца «имение» досталось его зятю – ротмистру «Бахмутской компании» Прокофию Шабельскому, а затем перешло вдове ротмистра – Матрене Евстафиевне Шабельской. Заметный рост родового владения Шабельских наблюдается в период перехода имения в руки Ивана-меньшего Прокофьевича Шабельского – внука Е.Киянца. Согласно документам, в 1758 году хорунжий Бахмутского конного казачьего полка Иван Шабельский купил у выселенного из слободы Тор однодворца Ивана Маркова хутор, расположенный по соседству с дедовскими землями, и тем самым заложил основу будущей слободы. Мать Ивана, Матрена Евстафиевна, 23 июня 1767 г. отписала хутор с угодьями сыну. В 1775 г. И.П.Шабельский уже заселил у р. Маячки слободу Шабельковку [7], хотя годом ее основания можно считать и 1758 год. Тогда И.П.Шабельский поселил здесь своих людей для присмотра за купленным у Маркова хутором. В 1767 г. на этом хуторе было уже четыре избы, три сарая, две овечьи кошары и пять скотных загородей. Рядом находились огороды, сады, а вокруг простирались сенокосные луга и пашни [8]. Таким образом, представители дворянского рода Шабельских сыграли существенную роль в освоении земель в районе современного Краматорска. Свою родословную они вели от Павла Самуиловича Шабельского, который «поступил под Российскую державу из польского Шляхетства города Киева в 1686 году» [9]. Сын Павла Шабельского, Василий Павлович, при Петре I служил в русской армии. Неудача, постигшая русскую армию во время Прутского похода 1711 г., повлияла на дальнейшую судьбу Василия

Шабельского. В одном из документов того времени указано: «...В прошлом де 1711 году по сдачи города Азова *(таким было условие Прутского договора – авт.)* и по разорении Троицкого, что Таганрог, по указу ... Императора Петра Великого и по разбору Генерала Адмирала Графа Апраксина с усть реки Миуса и крепости Семеновской переведен в Бахмутскую крепость... ротмистр Василий Павлов сын Шабельский с командою для охранения от крымских частых неприятельских набегов города Бахмута и Тора Бахмутских и Торских соляных заводов...» [10].

Сыновья Василия Шабельского – Иван и Прокофий – пошли по стопам отца: в составе Бахмутского конного казачьего полка они с оружием в руках защищали Бахмут и его округу от нападения татар [11]. Иван Васильевич сделал приличную карьеру военного. В 1748 г. он получил звание полковника и был назначен командиром Бахмутского конного казачьего полка [12]. Он же стал и первым начальником Бахмутской провинции – одной из трех провинций, составлявших учрежденную в 1764 г. Новороссийскую губернию [13]. Интересным представляется тот факт, что сын полковника И.В. Шабельского – Семен в 1759 г. обучался при Харьковском коллегиуме у известного украинского философа, поэта и педагога Григория Савича Сковороды [14]. Племянник Бахмутского полковника Ивана Шабельского, Иван Прокофьевич Шабельский и стал основателем селения Шабельковка на речке Маячке [15]. Более всего известен в истории своими ратными подвигами представитель рода Шабельских генерал от кавалерии Иван Петрович Шабельский (ил.1).

В списке имен, которые вписаны в историю освоения земель в черте современного Краматорска, значится имя хорунжего Изюмского слободского полка Степана Адамова. Принадлежавшие ему земли простирались по обе стороны речки Ближняя Беленькая и в урочище Шивалдыковского яра. Можно предположить, что указанные земли С. Адамов получил в наследство от своего отца, торского сотника Юрия Адамова. Как свидетельствуют документы, он владел ними «из давных лет» согласно «Высочайше жалованным в Изюмской казачей полк грамотам» [16]. Право на эти земли закреплялось за полковым хорунжим Адамовым за «ревностную службу и подвиги против неприятельских набегов» [17].

После екатерининского указа от 3 марта 1765 года о преобразовании слободских полков в гусарские, Степан Адамов, начальствовавший над хорунжевыми казаками Изюмского полковника (своего рода полковой гвардией) и ведавший полковым оркестром, подал в отставку и был уволен в чине поручика. В 1767 году поручик Адамов состоял в списке дворян Изюмской провинции Слободско-Украинской губернии как «не пожелавший в службу» [18]. В 1768 году помещик Степан Адамов просил Изюмскую провинциальную канцелярию о «полюбовном» разводе земель с торскими войсковыми обывателями (бывшие слободские казаки и подпомощники), чьи земли соседствовали с его землями [19]. Видимо тогда и сформировались окончательно границы земельного владения помещика Адамова возле р. Ближняя Беленькая (это название бытовало в XVIII в. и обусловлено близостью этой речки к слободе Тор). Первое известное упоминание о селениях близ речки Ближняя Беленькая относится к 1784 году. Тогда деревни Акилинина и Юребелянское (или Юрьевка Беленькая) были отписаны вдовой Адамова своим сыновьям. Одним из наследников стал подпоручик Юрий Адамов, вторым – корнет Николай Адамов [20]. В XIX веке рядом с названными деревнями выросли новые,

заселённые наследниками Юрия и Николая Адамовых. Теперь на месте некогда маленьких селений разросся поселок Беленькое, находящийся в черте г.Краматорска.

Существенную роль в освоении «краматорских» земель сыграли представители казачества – Сергей Андреевич Белозёров, приписанный к Торской сотне Изюмского слободского полка, его сын Степан Сергеевич Таранов и их наследники. С.А.Белозёров был выходцем из крестьянского сословия и до переезда в Тор проживал в с. Белое Салотинского стана Обоянского уезда Белгородской губернии [21].Известно, что в Торе Белозёров торговал «рыбою таранью». Его сын Степан был известен под фамилией Таранов (ил.2). В архивном документе от 6 октября 1748 года записано объяснение по поводу различия в фамилиях отца и сына – Степана Таранова, в то время хорунжего «Торской и Мояцкой компании». По его утверждению, «в Бахмутской провинции он назывался Степаном Тарановым, потому что оной отец ево тогда торговал рыбою таранью» [22]. В первой половине XIX в. дворяне Тарановы вернули себе прежнюю фамилию и стали называться Тарановыми-Белозёровыми. Так, правнук торского казака С.Белозёрова в документах Департамента герольдии назывался уже как майор Степан Григорьевич Таранов-Белозеров [23].

Хорунжий «Торской и Мояцкой компании», затем – ротмистр Бахмутского конного казачьего полка, капитан, а по выходе в отставку – секунд-майор С.С. Таранов являлся владельцем довольно крупного имения. Судить о его размерах можно по наследству, которое помещик оставил своим детям. К осени 1799 г. земельные владения подполковника Александра и прапорщика Григория Степановичей Тарановых занимали площадь около 6600 десятин (9,5 тыс. га). Земли Тарановых простирались по обеим сторонам речки Казенный Торец: в междуречье Камышевахи, Бычка, Маячки и вдоль р. Дальняя Беленькая. Младший из братьев, Григорий, унаследовал от отца меньшую долю его имения с безымянным хутором на правом берегу Казенного Торца, деревней Мояцкой на речке Маячке и водяной мельницей на р. Дальняя Беленькая. Подполковник и Кавалер Александр Таранов получил большую часть отцовских земель. Кроме того, до раздела наследства у него была поблизости собственная земля, которую он получил еще при жизни родителя по указу бывшей Азовской губернской канцелярии [24].

Начало официального утверждения С.С. Таранова на указанных выше землях относится к 50-м гг. XVIII века. В ответ на его прошение из Бахмутской провинциальной канцелярии. последовал указ от 2 августа 1752 г, в котором, в частности, сообщалось: «...Усмотрено им Тарановым угожее место Бахмутской провинции в Торских дачах, расстоянием от города Тору в 15 верстах, вверх Торца в урочище на речке Дальней Беленькой, к построению мельницы...» [25]. Согласно документам, земли, которые простирались вблизи построенной мельницы, были заняты Тарановым самочинно и задолго до 1752 г. Однако, только после указа Бахмутской канцелярии хорунжий Таранов на этих землях основал хутор [26]. Последний находился рядом с устьем речки Дальняя Беленькая, на левом берегу Казенного Торца. Известно, что в 1785 г. здесь уже существовала деревня Белянская, где располагался господский дом и шесть дворов подданных помещика – украинцев. В 1799 году деревня именуется слободой. В состав имения секунд-майора Таранова входила еще одна деревня – Мояцкая (позже – Маячка) – на 20 дворов. Ее также населяли украинцы [27]. В 1799 г. на землях помещиков Тарановых – братьев Александра и Григория – уже существовали

слобода Краснаторья (ныне пос. Краснаторка) и слобода Красногорка [28]. Это были населённые пункты, входившие в состав Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии и граничившие с Новороссийской губернией [29].

В 1790 году в Белянской была построена Архидиаконо-Стефановская церковь. Деньги на ее строительство пожертвовал помещик Степан Таранов [30]. Благодаря наличию церкви, слобода Белянская стала именоваться селом. На месте хутора прапорщика Григория Таранова, который располагался на правом берегу р. Казенный Торец, неподалеку от села Белянское, выросло селение, именовавшееся в нач. XIX века как «сельцо Белянское» [31]. В 20-е гг. прошлого столетия сельцо Белянское перешло в руки очередного наследника – Петра Таранова, и за ним утвердилось новое название – «Петровское» [32]. В настоящее время это известный в Краматорске поселок Петровка.

Наименование «Белянское» сохранялось вплоть до 1917 года как в названии села, так и волости, центром которой было село Белянское. Однако незадолго до революции село Белянское слилось с поселком, выросшим вблизи завода Краматорского металлургического общества, и стало именоваться Краматоровка [33]. Прочие городские поселки – Малотарановка, Ивановка, Марьевка и Городещино – сохранили свои названия до нынешних дней. Своим появлением в XIX веке они также обязаны бывшим владельцам – помещикам из дворянского рода Тарановых-Белозеровых.

Выводы

Таким образом, освоение территории в границах современного Краматорска начинается в начале XVIII века на землях так называемых Торских дач и на границе с ними. Массовое заселение и основание населённых пунктов в виде хуторов, слобод и сёл относится ко второй половине XVIII века. Инициаторами освоения «краматорских» земель были служившие в Тору казаки, представители полковой и сотенной старшины Изюмского полка, офицеры Бахмутского конного казачьего полка. Основателями первых населённых пунктов – Шабельковка, Беленькая, Белянская, Краснаторье, Красногоровка принадлежала казаку Торской сотни Изюмского слободского полка Евстафию Киянцу, ротмистру «Бахмутской компании» Прокофию Шабельскому, хорунжему Бахмутского конного казачьего полка Ивану-меньшему Шабельскому, полковому хорунжему Изюмского слободского полка Степану Адамову, казаку Торской сотни Изюмского слободского полка Сергею Андреевичу Белозерову, сыну Степану Таранову и внукам Александру и Григорию.

Резюме: *Коцаренко В.Ф. Из истории заселения земель в границах современного Краматорска*

Статья посвящена вопросу заселения территории современного города Краматорска и появлению здесь первых населённых пунктов. Основное внимание уделено истории заселения Шабельковки, Беленькой, Белянской и их основателям, представителям известных казацких родов – Шабельским, Адамовым, Тарановым-Белозёровым.

Ключевые слова: *Краматорск, казацкая старшина, Тор, Изюмский слободской полк, Бахмутский казачий полк, заселение, Шабельковка, Беленькая, Белянская, Шабельские, Адамов, Тарановы-Белозёровы.*

Резюме: *Коцаренко В.Ф. З історії заселення земель в межах сучасного Краматорська*

Стаття присвячена питанню заселення території сучасного міста Краматорська і появі тут перших населених пунктів. Головна увага приділена історії заселення Шабельковки,Біленької, Білянської та їх засновникам, представникам відомих козацьких родин – Шабельським, Адамовим, Тарановим-Білозеровим.

Ключові слова: *Краматорськ, козацька старшина, Тор, Ізюмський слобідський полк, Бахмутський козачий полк, заселення, Шабельківка, Біленька, Білянська, Шабельські, Адамов, Таранови-Білозерови.*

Summary. *V.F. Kotsarenko. Glimpses of history of land settlement within the confines of modern Kramatorsk*

The article is devoted to modern Kramatorsk town territory settlement and emergence of the first settlements here. The emphasis is on history of settlement of Shabelkovka, Belenkaya, Belyanskaya and their founders, representatives of Cossack families: the Shabelskoys, the Adamovs and the Taranovs-Belozerovs.

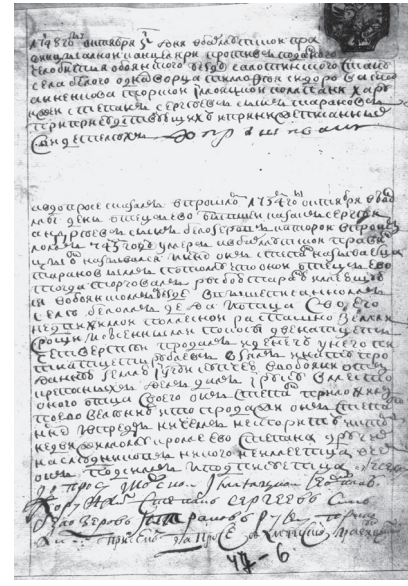
Key words: *Kramatorsk, Cossack Chieftains, the Tor river, Izium Sloboda regiment, Bakhmut Cossack regiment, settlement, Shabelkovka, Belenkaya, Belyanskaya, the Shabelskoys, the Adamovs, the Taranovs-Belozerovs.*

Література:

1. Загоровский В.П. Изюмская черта. – Воронеж, Издательство Воронежского университета, 1980. – С. 5.
2. Там же. – С. 219.
3. Гербель Н. Изюмский Слободской казачий полк. – Спб., 1852. – С. 150.
4. Щелков К.П. Историческая хронология Харьковской губернии. – Харьков, 1882. – С. 100.
5. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 5. – Харьков, 1858. – С. 115.
6. Пирко В.А. Торская укрепленная линия. // Вопросы истории. – 1986. – № 1. – С. 180-184.
7. Российский государственный архив древних актов в Москве (РГАДА). – Ф. 1348, оп. 2, д. 610, л. 180 об., 181.
8. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). – Ф. 785, оп. 2, д. 205, л. 1а , 1а об., 2, 5 об., 12.
9. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА). - Ф. 1343, оп. 33, д. 10, л. 39 об.
10. Там же. – л. 39 об., 41.
11. Там же.
12. ЦГИА Украины, ф. 785, оп. 2, д. 205, л.10 об.
13. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края.
14. 1731 – 1823. Ч.1. – Одесса, 1836. – С. 68.
15. Сковорода Григорій. Т. 2. - К.: «Наукова думка», 1973. - С. 188.
16. РГИА. – Ф. 1343, оп. 33, д. 9, л. 198 об.

17. РГАДА. – Ф. 1348, оп. 2, д. 610, л. 166.
18. Там же.
19. Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Т.1. – Харьков, 1886. – С. 331.
20. РГАДА. – Ф. 1348, оп. 2, д. 610, л.166 об.
21. Там же.
22. ЦГИА Украины. – Ф. 1798, оп. 1, д. 47, л. 6.
23. Там же.
24. РГИА. – Ф. 1343, оп. 30 ч. 1, д. 197, л.7.
25. РГАДА. – Ф. 1348, оп. 2, д. 610, л. 158 - 166; д. 610, л. 190 об.
26. Там же. – д. 606, л. 157 об.
27. ЦГИА Украины. – Ф. 1584, оп. 2, д. 91, л. 12 об.
28. РГАДА. – Ф. 1348, оп. 2, д. 610, л. 161.
29. Там же. – л. 161 об., 162 об., 164 об.
30. РГИА. – Ф.1350, оп.312, д. 250. Атлас Слободской Украинской губернии, 1797 г., ч. 2. Генеральный план Изюмского уезда Слободской Украинской губернии. 1797 г.
31. Справочная книга для Харьковской епархии. – Харьков, 1908. – С. 203.
32. РГАДА. - Ф. 1348, оп. 2, д. 606, л.1.
33. РГИА.- Ф. 577, оп. 45, д. 654, л. 6.
34. Список волостей и селений Харьковской губернии. – Харьков, 1909.

Ил.1. Генерал от кавалерии И.П. Шабельский.



Ил. 2. 1748 Автограф казачьего хорунжего Степана Сергеева сына Белозерова Таранова 1748г.

Поляцкова Н. В.

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ КАМНЯ (на примере надгробной плиты XVIII киевского губернатора)

Вступление

Архитектурно-археологические исследования, проводимые на местах утраченных недвижимых памятников культуры, как правило имеют своим следствием выявление остатков сооружений в виде фрагментов оснований, фундаментов и других элементов конструкций зданий и сооружений, консервация которых производится по установленной методике. Вместе с тем, указанные исследования сопровождаются и неожиданными находками в виде отдельных фрагментов малых архитектурных форм, скульптуры, декоративно-прикладного искусства и проч. Значительный процент таких находок имеет своим материалом природный камень: песчаник, мрамор, гранит и др. Археологические исследования на территории Святогорского историко-архитектурного заповедника, особенно в районе некрополя XIX в. при входе в подземную церковь прп. Антония и Феодосия Святогорской лавры, дали обильный материал в этом плане: фрагменты надгробных плит, памятников, некогда возвышавшихся над захоронениями представителей известных в Российской империи фамилий, благотворителей монастыря. Одной из последних находок был гранитный памятник в форме пирамиды с могилы полковника Войска Донского графа М.И. Платова. Большинство находок, полученных путём археологических исследований нуждается в реставрации. Как правило при этом возникает несколько вопросов по поводу дальнейшего сохранения памятника и придания ему экспозиционного вида: Реставрация памятников вызывает ряд принципиальных вопросов:

- Как сберечь подлинность памятника (или подлинность частей)?
- Как могут сосуществовать новые и подлинные конструкции и материалы?
- Какие материалы могут быть использованы для реставрационных и консервационных работ?

Ответы на эти вопросы получают специалисты в области реставрации камня в лабораторных условиях путем подбора материалов интуитивно – экспериментальным методом. Такие исследования носят продолжительный характер. В них используются чаще всего материалы, изготовленные по старинным рецептам, что требует специальных навыков и знания устаревших или забытых технологий. Альтернативой указанной методике является положительно зарекомендовавшие себя технологии реставрации камня с использованием современных материалов специального назначения.

Одним из таких материалов, применяемых в последнее время при реставрации камня, является продукция фирмы «Remmers» (Германия). Номенклатура материалов указанной фирмы получила рекомендации для использовании в технологиях реставрации природного камня в памятниках архитектуры, а также движимых памятников, различного рода экспонатуры и т.д.

Целью настоящей работы является ознакомление музейных работников и других категорий специалистов, работающих в области сохранения памятников культуры

с опытом работы по реставрации предметов из камня при работах на территории бывшего оружейного завода «Арсенал».

Изложение основного материала

Исследования проводились Институтом археологии НАН Украины летом 2005 года. В процессе археологических работ было обнаружено захоронение, расположенное посредине небольшого участка вокруг которого сохранилась кирпичная кладка, возможно, основы ограждения захоронения. В составе конструкций захоронения была надгробная плита из природного известняка, украшенная пышным резным декором. Декорирование плиты было выполнено на военную тематику – пушки, ядра, барабаны и др. (ил. 1). Местами были заметны остатки полихромного окрашивания. На одной из граней плиты была нанесена надпись:

« … … ….
губернатор Семен Іванович Суки
от (?) роду жития ево было 57 лет...
… … 24 числа
і погребен на сем месте”

Благодаря этому захоронение было датировано 1740 годом, когда здесь был похоронен губернатор Киева Семен Иванович Сукин (ил. 2.)

Надгробье представлено большой каменной плитой в форме параллелепипеда длинной 1м 78 см, размер параллельных граней – 21 см и 14 см (угол сломан) и высотой около 30 см.

Верхняя часть плиты была утрачена, по всей видимости, во время работ по благоустройству заводского двора в начале XIX века. Об этом свидетельствуют куски брусчатки, найденные на одном уровне с верхней частью захоронения. Механические нагрузки привели к смещению каменной плиты к южной стенке кирпичной кладки, а также растрескивание и смещение отдельных частей. По загрязнениям сколов трещин камня можно предположить, что образовались они давно. Во время раскрытия грунта плита была разбита на несколько частей. Верхняя часть плиты стесана и утрачена. Влажность камня составляла 20%. С целью защиты обнаруженного комплекса сооружений захоронения от морозов и намокания в осеннее-зимний период над ним была сооружена брезентовая палатка. Плита и кирпичная кладка были накрыты соломенными матами и полиэтиленовой пленкой.

В июле 2006 года после раскрытия временного консервационного покрытия было установлено, что памятник в аварийном состоянии. Снятие грунта над конструкциями захоронения вызвало резкую смену условий их содержания: на камень в течение года негативно воздействовали природные факторы – периодическое увеличение влажности, воздействие ультрафиолетовых излучений, выветривание. Процессы деструкции камня прогрессировали. Сама надгробная плита состояла из шести больших кусков и множества мелких. Наблюдались трещины с шириной раскрытия от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров. В центральной части плиты наметилось видимое проседание и смещение отдельных осколков относительно один другого. Камен-

ная плита была сильно загрязнена, имела повышенную влажность. В целом находка нуждалась в неотложных работах по консервации. Был организован перенос плиты в закрытое помещение с благоприятными условиями для осуществления экстренных консервационных работ. Учитывая большой вес надгробной плиты, перенесение осуществляли отдельными фрагментами (ил. 3.) Предварительно была проведена фотофиксация памятника в целом и по частям, составлена подробная картограмма расположения осколков плиты. Это позволило в дальнейшем с достоверностью воссоздать целостность предмета.

Консервационные работы были проведены в несколько этапов:

1) подготовительный этап – расчистка поверхности частей надгробной плиты и подготовка памятника к комплексу консервационных работ;

2) основной этап – выполнение консервационных работ (склеивание, укрепление, шпаклевочные работы и так далее);

3) завершающий этап – защита поверхности известняка от дальнейших разрушений вследствие внешних воздействий .

Работы проводились вначале на отдельных кусках плиты.

Расчистка.

Операцию провели сухим способом щеточками.Загрязнения, которые не удалялись сухими щеточками, осторожно выбрали с помощью специальных смывок с добавлением натуральных растительных масел и поверхностно-активных веществ, которые имеют среду pH от 5,5 до 7.Остатки моющих веществ осторожно удаляли дистиллированной водой. Просушивалась вся поверхность камня.

Укрепление камня.

Области плиты, на которой наблюдались меление и расслаивание в виде чешуек, укрепили. Материал фирмы «Remmers» (Германия) Funcosil Steinfeesstiger-300 позволил произвести эту операцию без особых усилий кистями и распылителем.

Воссоздание целостности надгробной плиты.

После выполнения работ по очищению и укреплению известняка на отдельных частях плиты были собраны отдельные фрагменты на основе фото и картограммы. Также были устранены различные деформации: смещение и проседание кусков относительно один другого.

При выполнении указанного этапа работ надгробная плита была размещена на металлическом поддоне, укрепленном деревянным каркасом, что обеспечивало целостность плиты и возможность в дальнейшем её свободного перемещения. Смещение отдельных кусочков (больших и маленьких) в горизонтальной плоскости устранили с помощью своеобразной «подушки» из известково-песчаного раствора. После выравнивания смещенных кусков было произведено их склеивание. Щели, которые остались, заполнили с помощью стеков. Специальный раствор тщательно вносили в углубления. Верхний слой шпаклевки тонировали тонкой фракцией известняка, который по цвету совпадал с общим цветом плиты.

Завершающим этапом воссоздания надгробной плиты была обработка всей поверхности водоотталкивающим, глубокопроникающим раствором «Гидроком» (ТУУ В.2.7.-24.1-33403587-001:2006). В настоящее время надгробная плита хранится в специально отведенном неотапливаемом помещении на территории «Арсенала» в городе Киеве (ил. 4).

Таким образом, опыт реставрации предметов из камня при работах на территории бывшего оружейного завода «Арсенал», в частности надгробной плиты Киевского губернатора Сукина 1740 года, может служить в качестве методики реставрации подобных предметов из природного камня, найденных при производстве археологических работ на различных исторических комплексах.

Ил. 1. Фрагмент декора надгробной плиты генерал-губернатора Киева С.И. Суки. Фото автора.

Ил. 2. Надпись на надгробной плите. Фото автора.

Ил. 3. Состояние плиты в период расчистки захоронения. Фото автора.

Ил. 4. Надгробная плита после консервационно-реставрационных работ. Фото автора.

Ситниченко С. М.

КОЛЕКЦІЇ СТАРОЖИТНОСТЕЙ ДОРАДЯНСЬКОГО ЧАСУ І ЇХ РОЛЬ У СТВОРЕННІ МУЗЕЇВ

Значних успіхів в ІІ пол. ХІХ – поч. ХХ століть досягла одна з важливих галузей історичної науки – археологія, що сприяло появі археологічних колекцій. Однією з найбільш значимих археологічних колекцій в кінці ХІХ століття володів граф О.С. Уваров, який особисто брав активну участь у розкопках, що проводились на території центральної і південної Росії. Крім того, він споряджав за власні кошти численні археологічні експедиції. Матеріали, здобуті в процесі власних розкопок, а також представлені на археологічних з'їздах приватні колекції Н.Ф. Бутенева з Карелії спонукали О.С.Уварова взятися за узагальнюючу роботу по археології кам'яного періоду. Це стало основою для його праці «Археологія Росії» [11, с.76]. Книга вийшла у двох випусках у 1881 р. У першому випуску – 440 сторінок, у другому – 152 сторінки і 49 таблиць з малюнками [12, с.84-102]. О.С. Уваров першим зробив крок від збору предметів археології до їх систематизації. Він започаткував роботи з класифікації колекцій, які так успішно продовжили в ІІ половині ХІХ століття В.І. Сизов, А.А. Спіцин, В.А. Городцов. Головне полягало у тому, що О.С. Уваров ввів матеріали кам'яного періоду у загальну систему російських старожитностей.

Успіхи історичної науки дорадянського часу викликали зацікавленість до нумізматики. Монети і медалі також стали розглядатися як історичне джерело. До найбільших великих нумізматичних зібрань слід віднести колекцію російських та іноземних монет кількістю до 10 000 одиниць, що належала старшому охоронцю нумізматичного відділу Ермітажу Ю.Б. Іверсен. З нумізматикою тісно пов'язані дві інші допоміжні історичні дисципліни – сфрагістика та геральдика. Печатки і герби, подібно монетам, також починають розглядатися як історичне джерело і стають предметом колекціонування. Наприклад, колекціонер П.І. Белавенець мав цінне зібрання російських державних печаток. В його колекції можна було зустріти рідкісні екземпляри печаток царя Московського Івана IV (Грозного), перших царів династії Романових – Михайла Федоровича і Олексія Михайловича, першого Російського імператора Петра І, а також таких історичних постатей, як Лжедмитрій І і Лжедмитрій ІІ.

Однією з найбільших комплексних історико-побутових колекцій того часу слід визнати зібрання П.І. Щукіна. Маючи великі кошти і любов до пам'яток вітчизняної старовини, він зібрав чудову колекцію російських старожитностей. П.І. Щукін сам активно купував речі для своєї колекції, його зібрання відрізнялося надзвичайною багатогранністю. В цій колекції зберігалися різноманітні предмети, що характеризували російський побут, культуру та мистецтво, починаючи з часів давньої Русі і закінчуючи ХІХ століттям. Матеріали цього зібрання групувалися по відділах. Найважливішими з них були такі: відділ громадянського побуту, широко представлений меблями, одягом, посудом XVII-XVIII ст.; відділ церковного побуту з чудовими зразками давньоруського іконопису XIV-XVI ст. Колекція тканин в зібранні П.І. Щукіна, що складалася із старовинної російської парчі, литовських і польських поясів, вважалася на той час єдиною серед приватних колекцій. Велику цінність мав також відділ старовинного

російського срібла, колекція якого була більша, ніж зібрання Історичного музею. В колекцію також входила численна кількість кубків, чаш, склянок, більшість яких мала тавро [8, с.127].

Крім перерахованого, в щукінське зібрання входили колекції старовинної зброї, російської кераміки XVIII-XIX ст., живопису, колекція документів, що відносяться до XVIII – поч. XIX ст. і нарешті, бібліотека, що складалася з книжок російської історії та археології. На початок 90-х років XIX ст. зібрання П.І. Щукіна настільки збільшилося, що вже не могло розміщуватися в старому будинку. В 1892 році розпочалось будівництво приміщення для зберігання колекції, а в 1895 році було відкрито приватний музей П.І. Щукіна.

Одночасно з зібранням П.І.Щукіна в Москві формувалася музейна колекція О.П. Бахрушина. На відміну від «щукінської», вона мала художньо-побутове спрямування. Художні вироби з кістки, бронзи, фарфору, майоліки, скла, бісеру, народної вишивки знайомили з російською матеріальною культурою XIX століття [6,с.94]. Цінною складовою «бахрушинської» колекції було велике зібрання живопису, літографій та фотографій із зображенням краєвидів російських міст, побутові сцени з народного життя XVIII-XIX століть. Зібрання художньо-побутових предметів налічувало 1900 одиниць. До цієї ж колекції належали російські грамоти та інші історичні документи. Бібліотека О.П. Бахрушина нараховувала 25 000 томів.

Крім комплексних історичних колекцій з різноманітними предметами старовини та побуту в пореформену епоху виникають і більш вузькі, спеціалізовані зібрання, наприклад, що відтворюють старовинний російських побут. Це музей старовини Ю.Є. Озаровського, так званий «Старий будиночок». Ю.Е. Озаровський протягом 10 років зібрав цікаву колекцію предметів старовинного російського побуту, починаючи з петровської епохи до олександрівської доби включно [1, с.152]. Більшість предметів своєї колекції Ю.Є. Озаровський купував у антикварних лавках Петербурга. Невелику частину предметів для своєї колекції Ю.Є. Озаровський купував за кордоном – в Голландії, Франції, Італії. Знання, отримані в Петербурзькому археологічному інституті, допомагали Ю.Є. Озаровському безпомилково визначати оригінальні предмети старовини від підробок. Загальна кількість предметів вказаної колекції сягала 600 одиниць. Для свого музею Ю.Є. Озаровський знайшов спеціальне приміщення у вигляді невеликого будинку, в якому було чотири відділи-кімнати – петровська, єлизаветинська, катерининська і олександрівська.

М.Ф. Романченко, за спеціальністю археолог, також мав зібрання предметів російського старовинного домашнього побуту і брав участь у виставках, присвячених життю і діяльності Петра I. Чудову колекцію предметів російського домашнього побуту мав у місті Пскові Є.Р. Сутгоф. На жаль, після його смерті основна частина колекції була продана іноземним антикварам, і лише незначна частина предметів потрапила на аукціон, що проводився в Петербурзі в 1905 році [8, с.135].

До історико-побутових колекцій, що відтворювали побут минулих епох, примикали історико-етнографічні зібрання. Великою колекцією етнографічних пам'яток володіла княгиня М.К. Тенішева. Починаючи цікавитись раритетами і предметами церковної старовини, М.К. Тенішева перейшла потім до колекціонування побутових речей і інших предметів старовини. В збиральницькій діяльності М.К. Тенішевій до-

помагав І.Ф. Барщевський, знавець російської старовини, майбутній охоронець музею. В 1898 році зібрання настільки збільшилося, що у княгині виникла думка про створення музею російської старовини. Через 7 років такий музей почав функціонувати в Смоленську.За каталогом, що вийшов у 1909 році, музей М. К. Тенішевої названо історико-етнографічним [5,с.173]. Історичний відділ вміщав в собі предмети з археологічних розкопок смоленських могильників, датованих X-XI ст., численні предмети церковного і громадянського побуту, ікони XIII-XVIII ст., хрести, кадила, братини, різноманітні меблі, люстерка, посуд, одяг, зразки давньоруської зброї, художні вироби з кістки, срібла, різноманітні прикраси. Етнографічне зібрання чудово доповнювало колекцію російських старожитностей. Воно складалося з фрагментів селянського житла XIX ст., різних виробів з дерева, прикрашених різьбленням, російських народних вишивок, великої кількості селянського одягу. Музей М.К. Тенішевої користувався великим успіхом як на батьківщині, так і за кордоном. Бажаючи забезпечити музею довге майбутнє, княгиня передала в 1911 році своє зібрання в кількості 7 000 предметів в подарунок Московському археологічному інституту [10,с.96].

Особливе місце серед приватних колекцій займало зібрання П.Я. Дашкова, яке відрізнялося надзвичайною багатогранністю. Поруч з цінним рукописним зібранням і величезною бібліотекою своє місце займала колекція старовинних гравюр, літографій, малюнків, газетних і журнальних вирізок, фотографій, історичних карт і планів, які були чудовим ілюстративним матеріалом для вивчення історії.

Накопичення археологічного матеріалу, введення наукової методики в дослідження і систематизацію археологічних і інших колекцій музейного значення викликало необхідність об'єднання зусиль з дослідження старожитностей, їх збереження і популяризації. Саме в цей час виникає Московське археологічне товариство, створюється Російський історичний музей, готуються і проводяться в різних регіонах археологічні з'їзди, в тому числі на території Слобідської України і Катеринославщини. Проведення археологічних з'їздів пожвавило роботу з дослідження археологічних пам'яток в провінціях Російської імперії і сприяло накопиченню матеріалу.

Велика кількість археологічних колекцій виникала на Україні, де археологічні розкопки давали величезні результати. Першою була сформована колекція археолога-аматора О.М. Поля на Катеринославщині. Це були предмети кам'яного та бронзових віків, давніх грецьких колоній, скіфської старовини, а також зібрання зброї, монет та етнографічних матеріалів (одяг, скульптура, вироби із скла, кераміки, різноманітні прикраси тощо). Цінна колекція О.М. Поля нараховувала 4 770 предметів, і після його смерті частина колекції склала основу фондового зібрання відкритого у 1902 році Обласного (губернського) музею. Збірка була пожертвувана дружиною О.М. Поля і нараховувала 2 060 предметів старовини [3, с.81-82].

В 1904 році в Києві з ініціативи Товариства старожитностей та мистецтва було відкрито Художньо-промисловий музей, в основу якого були покладені численні приватні колекції, в тому числі і археологічні. Найбагатшим вкладом в музеї була археологічна колекція, отримана в результаті розкопок професора Київського університету В.В. Хвойки. Знахідки з розкопок на території Києва і в с. Трипілля були представлені на Київському археологічному з'їзді і викликали неабиякий інтерес. Багато іноземних гостей, які були присутні на з'їзді, мали бажання її придбати. Однак колекція

В.В. Хвойки, що налічувала понад 4 000 предметів, починаючи з епохи палеоліту і закінчуючи епохою Київської Русі, була придбана Київським художньо-промисловим музеєм на кошти, що пожертвував М.А. Терещенко.

Майже одночасно з колекцією В.В. Хвойки в Київський музей старожитностей потрапила колекція професора Новоросійського університету, археолога І.А. Линниченка [2,с.132]. Протягом 1898-1902 років до фонду Київського музею старожитностей були передані археологічні колекції О.О. Бобринського, Є.О. Зноско-Боровського, М.Я. Тарновського та інших колекціонерів. Всі вони були здобуті шляхом приватних розкопок на території Малоросії.

Цікаві знахідки, що були отримані в результаті розкопок на території колишніх грецьких колоній Північного Причорномор'я, склали основу приватних колекцій Л. Кушелевої, Ю. Лемме, Новікова. Пізніше вони були передані в Ермітаж та в Археологічну комісію до Москви, де зберігаються до сьогоднішнього дня [5, с.29-30]. Особливу цінність являла собою збірка одеського купця Ю.Х. Лемме, що складала понад 3 000 предметів. В колекцію входили численні прикраси із золота, бронзові статуетки, камеї, розписні вази, терракота, різноманітні вироби із срібла, бронзи, слонової кістки, скла.

Не менше історичне та художнє значення, ніж столичні, мали окремі приватні колекції на Україні, зокрема зібрання старожитностей В.В. Тарновського, що зберігалося в маєтку Качанівка Чернігівської губернії. В передмові до каталогу свого зібрання В.В. Тарновський так писав про його історію: «Ще в молоді роки я мав думку зібрати, можливо, повну колекцію предметів, що характеризували старовинний побут моєї родини, Малоросії. Так як виконання цього завдання в повному його об'ємі не по силах приватній особі, то я з необхідності змушений був обмежитися межами більш тісної і найбільш мені близької території, саме лівобережної Малоросії» [8, с.140]. Пізніше В.В. Тарновському все – таки вдалося поповнити колекцію предметами, знайденими на Правобережній Україні. Так утворилось досить цінне за своїм змістом зібрання українських старожитностей, що складалося з шести відділів: чотирьох історичних, одного меморіального, присвяченого Т.Г. Шевченку та бібліотеки. В історичних відділах були представлені предмети, починаючи з найдавніших часів до XIXстоліття включно. Відділ первіснообщинного ладу включав кількасот кам'яних знарядь, вироби з кістки та глини. Два відділи відносилися до епохи раннього і пізнього феодалізму. Багатством відрізнявся відділ, що відтворював часи Запорізької Січі (XVI-XVII ст.). В ньому були зібрані предмети громадського та церковного побуту, зразки козацької зброї, портрети гетьманів Хмельницького, Сагайдачного, Кочубея, а також велика кількість меморіальних речей, що належали українським державним діячам. Відділ новітньої історії був представлений в основному образотворчим та картографічним матеріалом [2, с.125].

Особливий інтерес являв собою меморіальний відділ Т.Г. Шевченка, який нараховував більше 1000 предметів. Крім книжок самого Шевченка і літератури про нього тут були зібрані його рукописи малюнки та гравюри, виконані рукою поета, численні зображення Т.Г. Шевченка, його особисті речі, нарешті, найбагатша колекція його живописних полотен.

Бібліотека В.В. Тарновського з різних областей знань нараховувала близько 2 500 томів. Поряд з книгами з історії та соціології, богослов'я та мовознавства тут був ве-

ликий вибір книжок з природознавства, медицини, економіки, статистики, мистецтва і т. ін. Газети, журнали, підручники, різноманітний довідковий матеріал доповнювали книжкове зібрання. До складу бібліотеки входив також відділ стародруків, рукописів з історії українського народу, що відносилися до XVII-XIX століть [7, с.53]. Без сумніву, подібне зібрання являло велику цінність для вивчення різних сторін життя українського народу. В земську управу Чернігівської губернії була подана заява власника колекції з приводу її подальшої долі: «Складений мною протягом життя музей місцевих старожитностей я бажав би, для кращого їх збереження, передати у власність і завідування Чернігівському губернському земству з тим, щоб він був відкритий для огляду його публікою» [9, с.306]. Відкриття музею В.В. Тарновського в Чернігові відбулося в 1902 році.

Висновки

Таким чином, в II пол. XIX – поч. XX століть внаслідок зростання інтересу до історичного минулого, предметів старовини і художніх цінностей, культурної спадщини народів Російської імперії широко розповсюджується колекціонування старожитностей і, як наслідок, формування значних приватних колекцій як в столицях (Петербург, Москва), так і в провінціях. Формуванню приватних колекцій сприяло розповсюдження археологічних розкопок. Накопичення археологічного матеріалу викликало необхідність його систематизації і класифікації. Таку роботу на початковому етапі зробив власник однієї з перших приватних колекцій старожитностей граф О.С. Уваров. Найбільші столичні приватні колекції , серед яких слід назвати комплексні зібрання П.І. Щукіна, О.П. Бахрушина, Ю.Е. Озаровського, М.К. Тенішевої, П.Я. Дашкова та ін., спеціалізовані зібрання – нумізматичну колекцію Ю.Б. Іверсена,колекцію печаток П.І. Белавенця стали основою фондових колекцій багатьох державних і приватних музеїв, зокрема Російського історичного музею, Московського археологічного інституту, музею П.І. Щукіна, Ю.Е. Озаровського та ін.Знахідки з грецьких колоній Північного Причорномор'я склали основу приватних колекцій Л. Кушелевої, Ю. Лемме, Новікова, що пізніше поповнили фонди Ермітажу.

В Україні на основі зібрання старожитностей В.В. Тарновського було відкрито у 1902 р. Чернігівський музей. В 1904 році в Києві було відкрито Художньо-промисловий музей, в основу якого були покладені численні приватні колекції. Найбагатшим вкладом в музеї була археологічна колекція В.В. Хвойки.

Протягом 1898-1902 років до фонду Київського музею старожитностей були передані археологічні колекції О.О. Бобринського, Є.О. Зноско-Боровського, М.Я. Тарновського та інших колекціонерів.

Література:

1. Антология советской археологии. – М., 1995. – Т. 1.
2. Бондар М.М., Мезенцева Г.Г., Славін Л.М. Нариси музейної справи України / М.М. Бондар, Г.Г. Мезенцева, Л.М. Славін. – К.,1959.
3. Епістолярна спадщина академіка Д.І. Яворницького //Листи музейних діячів до Д.І. Яворницького. – Дніпропетровськ, 2005. – Вип. 3.

4. Заремба С.З. Нариси з історії українського пам'яткознавства / С.З. Заремба – К., 2002.
5. Заремба С.З. Українське пам'яткознавство: історія, теорія, сучасність / С.З. Заремба. – Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПіК. – К.: Логос, 1995.
6. Історико-культурна спадщина України / Автор-упорядник Григор'єва Т. Ф. – К., 1995.
7. Курінний П.П. Історія археологічного знання про Україну. – Полтава, 1994.
8. Овсянникова С.А. Частно еколлекционирование в России в пореформенную эпоху. // Труды НИИ музееведения. – М., 1960. – Вып. 2.
9. Рудаков В. Охрана памятников старины / В. Рудаков //Исторический вестник. – М., 1912. - №
10. Сохранение памятников церковной старины в России. – М. – 1997.
11. Филимонов Г.Д.Археологические исследования по памятникам / Г.Д. Филимонов. – М., 1859.
12. Формозов А.Л. Начало изучения каменного века в России / А.Л. Формозов – М., 1983.

Соляник А.А.

Г.Д. ИЛОВАЙСКИЙ И ДОНСКИЕ КАЗАКИ В ДЕЛЕ ПОД МЕДЫНЬЮ

Вступление

Среди представителей донского дворянского казачьего рода Иловайских, захороненных в Святых Горах, следует выделить первое по хронологии захоронение генерал-майора Григория Дмитриевича Иловайского (ил.1). Скончавшийся 17 июня 1847 года в своём имении (ныне пос. Зуевка Донецкой области), Г.Д. Иловайский волею своей супруги, М.А. Иловайской, был перевезен для погребения в Святогорский Успенский монастырь, где при входе в подземную церковь прп. Антония и Феодосия были основаны родовые усыпальницы и отдельные захоронения как духовных, так и светских лиц из числа благотворителей обители. Отдельная площадка перед храмом была отведена для погребений семьи Г.Д. Иловайского. Сам Г.Д. Иловайский был похоронен первым из числа 11 представителей семьи, упокоившихся на территории Святогорской обители [7,с.141-149]. Генерал был похоронен в генеральском мундире, в отдельном склепе, выложенном из кирпича. Сам склеп с останками Г.Д. Иловайского находится в удовлетворительном состоянии и ограблениям не подвергался [7,с.143]. Над его могилой был установлен памятник в виде высокой мраморной пирамиды, которая до настоящего времени не сохранилась. На одной из ранних литографий с изображением кладбища (1850) зафиксировано изображение памятника Г.Д. Иловайскому (ил.2.). Краткая биографическая справка о боевом пути генерала Г.Д. Иловайского дана в одном из исследований, посвящённых Святогорскому некрополю XIX в. [1,с.21-22]. Настоящее сообщение посвящено одному эпизоду из боевого пути генерала Г.Д.Иловайского – сражению с наполеоновскими войсками под Медынью в октябре 1812 года. (В настоящее время Медынь – районный центр Калужской области. Расположен на реке Медынка (бассейн Оки), на автодороге Москва–Рославль).

Целью настоящей работы является показать роль ополченческих отрядов Войска Донского и прежде всего бригады полковника Г.Д. Иловайского, в сражении под Медынью и значение одержанной победы для хода военной кампании 1812 года.

Дело под Медынью 13 октября 1812 года

К началу военной кампании Наполеона против России полковник Г.Д. Иловайский уже находился в отставке, поэтому в первые месяцы Отечественной войны 1812 года занимался формированием казацких ополченческих отрядов в 1-м Донском округе Войска Донского. Со своим полком Г.Д. Иловайский прибыл в Тарутинский лагерь русской армии в сентябре 1812 года. К этому времени начальник Калужского ополчения Шепелев направил на усиление Медынских кордонов полк донских казаков под командованием полковника В.А. Быхалова 1-го.

10/22 октября в этот район Наполеон направил корпус Ю. Понятовского, который должен был двинуться на Верею, а оттуда предпринять разведку на Медынь, чтобы установить состояние дорог до Юхнова и Ельни. Французские войска готовились к отходу. Авангард корпуса в 600 кавалеристов, 1 тыс. пехотинцев и лёгкой артиллерии

занял городок Верею, а 11/23 октября туда же подошли остальные войска из корпуса польского генерала, князя Юзефа Понятовского, в будущем маршала Франции [4]. На следующий день (12/24 октября) князь Понятовский направил на Медынь авангард корпуса под командованием генерала Ш. Лефевра-Дэнуэтта. Капитан 5-го конно-егерского полка Х. Дембинский вспоминал: «Следуя к Медыни, мы вступили в край, где не было следов войны. Обилие всякого продовольствия, крупы, хлеба, мёда в сотах привело к тому, что мы забыли о всех неприятностях. Хотя это происходило в конце октября, наступили тёплые дни «бабьего лета», и многие из нас сняли что-нибудь из своей одежды... Наша колонна была окружена *небольшими отрядами казаков*, тревожившими головной дозор, боковые заставы и даже арьергард. Обозов было много так, что колонна, состоявшая из них, была в три или четыре раза длиннее колонны войска» [4]. М.И. Кутузов, узнав, что Наполеон бросил часть своих войск в сторону Медыни, дал предписание атаману Войска Донского, генералу Матвею Ивановичу Платову выдвинуть несколько своих казачьих полков в этом направлении, чтобы не дать неприятелю захватить стратегически важные дороги (Верейский тракт и др.), а также населенные пункты по пути их следования. В тот же день М.И. Платов предписал полковнику Г.Д. Иловайскому 9-му с двумя полками идти «в Медынь, куда на дороге поставить заставу из 50 казаков в с. Кудинове, из Медыни же восстановить заставу на Верейской дороге во 100 ч. одну в Егорьевское, где сходятся Верейская и Можайская дороги, а другую в 50 ч. в Троицком, что на р. Луже...» [4]. Выполняя приказ, полковник Иловайский 9-й сообщил, что «получил известие от полковника Быхалова 1-го, что неприятель выступил из с. Кременна и *будучи в 4 полках кавалерии, 1-м полку пехоты и нескольких орудиях артиллерии,* направил марш свой к г. Медыню и что он Быхалов, с полком своего имени и двумя отряженными от меня при войск. старш. Семилетове партиями ведет с неприятелем перепалку, я тот же час с остальною частию полков имени моего и полковника Иловайского 11-го отправился к нему Быхалову на подкрепление» [4]. В тот день полковник В.А Быхалов со своим полком возвратился из-под Колоцкого монастыря в Медынь. Здесь он получил донесение капитана Александрина из с. Егорья, что неприятель занял Верею. Медынский кордонный начальник майор Лопатин донёс губернатору П.Н. Каверину: «Сего 12 октября в 3 ч. пополудни получил я известие, что неприятель в большом количестве приступил по тракту от г. Вереи в Медынскую округу к с. Егорью, где для прикрытия сего тракта был поставлен казачий отряд при одном капитане Александрине; а в 7 ч. прислал он в г. Медынь к казачему полковнику Быхалову, что уже неприятель, пройдя с. Егорье и с. Кременское, идет к Медыне и что уже не далее от города как в 7 в., почему тот же час полк. Быхалов всем нам и жителям г. Медыни объявил: так как он удерживать неприятеля более не может, то бы все из города выезжали и спасались» [4]. Около 11 час. голова 5-го полка конных стрелков неприятеля вышла из леса, по которому поляки двигались до тех пор, и, преследуя казаков, начала переходить плотину, тянувшуюся через болота в паре километров от Медыни. «Выйдя из леса, – вспоминал Дембинский, – мы должны были пересечь широкое пространство, выкорчеванное в той лесистой местности. Через это поле шла окопанная дорога, которая в самой середине вследствие заболоченности места представляла собой высокую дамбу. То ли из-за отсутствия опыта, то ли от близорукости генерал Лефевр де Нуэтт не заметил,

что эта дамба разделяет наши силы на две части, и вместо того, чтобы занять только одну сторону плотины, приказал нашему полку идти по правой стороне, остальным частям – по левой стороне, а артиллерии и обозам – по самой дамбе. Вскоре мы прошли болота и уже увидели за холмом башни Медыни, когда со стороны города сопротивление казаков начало усиливаться. На протяжении четверти часа они вели по нам огонь из «янычарок», становящийся всё живее и живее, после чего из-за всех холмов выскочили тучи казаков, которые, по своему обычаю, с криками ударили на нас со всех сторон». [4]. Бригада Иловайского 9-го подоспела к Быхалову, когда неприятель находился уже в 6 верстах от города. Г.Д. Иловайский сообщил, что по распоряжению Быхалова поставил «полк своего имени на правом, а полк Иловайскаго 11-го на левом флангах в скрытных местах позиции, дожидался пока неприятель, идущий за полком Быхалова 1-го и партиями выйдет на поле сражения и когда появился оный близ города и имел намерение овладеть оным и далее (как пленные показывают) прорваться по дороге на Калугу, то согласно распоряжения Быхалова, по приказанию моему, полки моего имени и Иловайскаго 11-го, вместе с полком Быхолова 1-го, находившимся в центре, вдруг сделали на него с обоих флангов сильное нападение» [5, ил.3]. Местность, где произошло это сражение, представляла собой крайне неудобную территорию для кавалерийского маневра и развертывания артиллерии: болотистая почва, перемежающаяся лесами. А основную часть, как русского, так и французского отрядов составляла именно кавалерия. Но все же у казаков было преимущество в том, что донские кони были низкорослыми, неприхотливыми и юркими в отличие от крупных польских скакунов, которые вязли в болотной грязи. В пылу сражения казаки полка Иловайского 9-го, вероятно, пикой, выбили из седла и легко ранили бригадного генерала графа Тышкевича, командовавшего кавалерией (ил.4). В наградных представлениях было отмечено, что в сражении Иловайский 9-й «взял в плен более трех сот человек и пять пушек», а Быхалов «способствовал ко взятию более трех сот человек в плен разных чинов и пяти пушек» [2, с.152-153]. В своём рапорте полковник Иловайский докладывал по этому поводу, что казаки, преодолев упорное сопротивление неприятеля, «смешали его поражая с чувствительным для него уроном, выбили из занятой им позиции, овладели 5 неприятельскими орудиями с припасами и сии последние обратили на самого неприятеля и принудили его ретироваться по той же дороге от города обратно к с. Кременцу. Причем взяли в плен одного польских войск ген. Тишкевича, командовавшего неприятельским отрядом, 1 подполковника, 1 вахмистра, 1 штаб-лекаря и нескольких рядовых, в продолжении сражения сего... *убит французский ген. Лыфев* и положено на месте несколько об.-офицеров и до 500 ч. рядовых. С нашей же стороны потеря в людях не велика, токмо в лошадях несколько значительна» [4]. Иловайский также донёс, «что в г. Верее, по словам взятаго в плен ген. Тышкевича, находится с войском кн. Понятовский и что по дороге к тому городу отправлена мной к открытию сильная партия» [4]. «Все бывшие в этом деле офицеры, – вспоминал К. Колачковский, – соглашались с тем, что они *никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков* и, если бы не два батальона 15-го пехотного полка... никто из нашей кавалерии не ушёл бы живым из этой стычки. Таким-то образом дурное распоряжение начальника может сделать бесплодной храбрость самых лучших солдат. Но в защиту нашей кавалерии следует добавить ещё и то, что наши

лошади не были уже способны к быстрому движению. Здесь в первый раз нам не повезло, но ещё досаднее была потеря 5 орудий. Вечером того же дня известие об этом несчастьи дошло до нашего лагеря и наполнило всех грустью... Вся кавалерия имела едва 600 лошадей» [3, с.253-254]. Капитан квартирмейстерской К.И. Теннер вспоминал: «В ночи с 14-е на 15-е октября позвали меня к генералу Толю, он сказал мне: «Малоярославское сражение остановило движение неприятеля по новой Калужской дороге; теперь еще неизвестно, куда он обратится, к Калуге или Юхнову. Сейчас кн. Кутузов получил от полковника Иловайского 9-го донесение, что он совершенно разбил близ города Медыни значительную неприятельскую колонну, шедшую из с. Кременского к Медыни. Генерал Тышкевич, находящийся в числе пленных, взятых Иловайским, объявил, что эта колонна составляла авангард кн. Понятовского, дошедшего с своим корпусом уже до с. Кременского. Это село лежит только в 17 верстах от Медыни... Из этого, равно как из донесений, полученных от других легких отрядов, надобно заключить, что неприятель берет свое направление на Медынь. Дабы удержать Медынскую дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушениям неприятеля для ее занятия, командируется генерал-майор Паскевич с 26-й дивизиею. Вы имеете тотчас явиться к нему и вести его дивизию чрез Полотняные заводы в Медынь» [4]. Отряд Паскевича, пройдя 15/27 октября через Полотняные заводы, к 9 часам вечера прибыл в с. Адамовское. Ночью, пройдя ещё 14 вёрст, отряд в 9 часов утра 28 прибыл в Медынь, где находился генерал В.В. Орлов-Денисов, принявший командование над отрядом Иловайского 9-го; его авангард уже продвинулся до Кременского [8, с.146-148]. Наполеону пришлось отказаться и от движения через Медынь и Ельню. Он решил отступать через Верею на Можайск. Итак, бой под Медынью Наполеон и Кутузов оценили по-разному. Последний решил, что противник пытается обойти его по Медынской дороге, чтобы прорваться к Калуге, и потому отступил на юго-запад. Наполеон же посчитал, что дорога через Юхнов и Ельню на Смоленск прочно перекрыта русскими войсками, и что ему не остаётся ничего другого, как возвратиться на старую Смоленскую дорогу.

За это победоносное сражение и пленение польского генерала группа казаков и особо отличившийся полковник Иловайский были в рапортах командования представлены к наградам. А генерал Тышкевич около месяца находился в Калуге на излечении, а затем был отправлен как военнопленный в ссылку в Астрахань, где находился до окончания войны, получая генеральское жалованье, а после подписания мирного договора был выслан на Родину, в Польшу.

С делом под Медынью связан ещё один интересный эпизод из жизни самой Медыни. Вечером 12(24) октября городничий Медыни В.Ф. Шумаков получил известие о приближении к городу большой силы неприятелей. Охваченные смятением жители стали покидать городок. Не мог уехать сразу только сам городничий. Согласно распоряжению Калужского губернатора, в случае опасности занятия города войсками Наполеона он обязан был сначала «выпустить» все остававшиеся в кабаках и трактирах запасы вина, чтобы не досталось оно врагу. Этим непростым делом городничий занимался весь вечер и утро следующего дня. Однако 13 (25) октября, когда еще не все винные запасы были вылиты, он получил известие, что на подходах к Медыни неприятельские войска были наголову разбиты казаками под командованием полков-

ников Быхалова и Иловайского. Остатки винных запасов города были сохранены и использованы по назначению за победу над наполеоновскими войсками [6].

Некоторое время спустя на месте этого боя жителями Медыни был установлен деревянный крест, который простоял здесь до 1854 года. Обелиск из красного кирпича был здесь установлен в период Крымской кампании. В годы Великой Отечественной войны этот памятник значительно пострадал. Отремонтирован в 1970 году (ил.5).

Выводы

В исходе войны небольшое сражение под Медынью сыграло значительную роль. Когда Наполеон оставил Москву, то основная задача русской армии была заставить его отступать по старой Смоленской дороге, уже полностью разорённой во время наступления французов. Наполеон понимал, что если он пойдёт этой дорогой, то армия его будет испытывать серьёзные затруднения. Там уже не оставалось ни провианта для солдат, ни корма для лошадей. Польский корпус генерала Понятовского был послан, чтобы предпринять обходной манёвр через Медынь и проложить дорогу французской армии. М.И. Кутузовым сюда же был послан казачий отряд Иловайского. Силы обоих отрядов были примерно равны, примерно по 1 200 человек с каждой стороны. Польский корпус двигался к Медыни со стороны Вереи. Казаки ждали врага и устроили ему засаду. В сражении несколько сот французов было убито. Только подоспевшие на помощь части французов спасли авангард польского корпуса от полного уничтожения. Итог сражения: несколько сот убитых, семьдесят раненых, взят в плен бригадный генерал Тышкевич, полностью захвачен обоз и пять орудий. Именно события под Медынью поставили последнюю точку в решении французского императора об отступлении армии по старой смоленской дороге. Решающую роль в деле под Медынью сыграли казаки Войска Донского, прежде всего полки под командованием полковника Г.Д. Иловайского. Заслуги последнего были оценены. Он был награждён орденом св. Георгия IVст. и повышен в звании. Имя генерал-майора Г.Д. Иловайского внесено в числе других захороненных на кладбище при церкви прп. Антония и Феодосия на мемориальной доске на фасаде павильона при входе в церковь. Вместе с тем, его военные заслуги актуализируют вопрос об установке индивидуального памятника над могилой генерала Г.Д. Иловайского.

Резюме: *А.А. Соляник Г.Д. Иловайский и донские казаки в деле под Медынью*

Статья посвящена одному эпизоду из боевого пути генерала Г.Д. Иловайского – сражению с наполеоновскими войсками под Медынью в октябре 1812 года. На основании опубликованных источников показаны ход сражения, его результаты и значение для военной кампании 1812 года. В результате их умелых действий 13 октября 1812 года против авангарда корпуса князя Понятовского было уничтожено до 500 человек противника, взят в плен генерал Тышкевич. Поражение под Медынью повлияло на решение Наполеона отступать по старой Смоленской дороге, что имело негативные последствия для обеспечения войск фуражом и продовольствием. Особое внимание в статье уделено действиям полковника Войска Донского, впоследствии генерал-майора Г.Д. Иловайского, захороненного в 1847 году в Святогорском монастыре.

Ключевые слова: *Святогорская лавра, генерал Г.Д. Иловайский-9, кладбище при*

церкви прп. Антония и Феодосия, Отечественная война 1812 года, наполеоновские войска, казаки Войска Донского, Медынский бой.

Резюме: *А.А. Соляник Г.Д. Іловайський та донські козаки у справі під Мединню*

Стаття присвячена одному епізоду з бойового шляху генерала Г.Д.Іловайського – битві з наполеонівськими військами під Мединою в жовтні 1812 року. На підставі опублікованих джерел з'ясовані питання про хід бою, його результати та значення для подальшого ходу війни 1812 року. В результаті вмілих дій 13 жовтня 1812 року проти авангарду корпуса Понятовського було знищено до 500 чоловік ворога, взятий у полон генерал Тишкевич. Поразка під Мединню визначила відступ армії Наполеона по старій Смоленській дорозі, що мало тяжкі наслідки для забезпечення військ продовольством та фуражем. Особлива увага в статті приділена діям полковника, в подальшому генерал-майора Г.Д. Іловайського, який був похований у 1847 році в Святогірському монастирі.

Ключові слова: *Святогірська лавра, генерал Г.Д.Іловайський, кладовище при церкві прп.Антонія і Феодосія, Вітчизняна війна 1812 р., наполеонівські війська, козаки Війська Донського, Мединський бій.*

Summary. *A.A. Solyanik. G.D. Ilovaysky and Don Cossacks in the Medyn battle.*

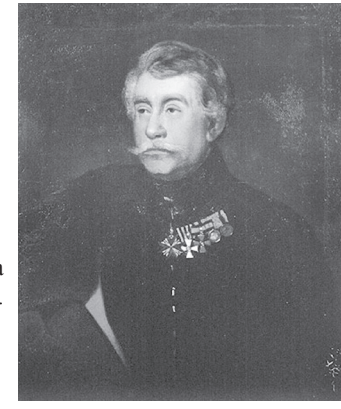
The article is dedicated to one episode from the operational record of General G.D. Ilovaysky – the Medyn battle with Napoleonic Army in October, 1812. The battle progress is shown on the basis of the source publications, as well as its results and significance for the war campaign of 1812. About 500 enemies were killed and General Tyshkevich was captured prisoner as a result of their efficient operations on 13 of October, 1812, against the vanguard of prince Ponyatovsky's corps. The Medyn defeat influenced Napoleon's decision to retreat by the old Smolensk road with negative consequences for the army supply with forage and foods. Particular attention has been given in the article to the operations of Colonel of the Don Army, later Major General G.D. Ilovaysky buried in 1847 in the Sviatogorsk Monastery.

Key words: *Sviatogorsk Lavra, General G.D. Ilovaysky, graveyard at the Church of St. Anthony and St. Theodosius, the Patriotic War of 1812, Napoleonic Army, Cossacks of the Don Army, Medyn battle..*

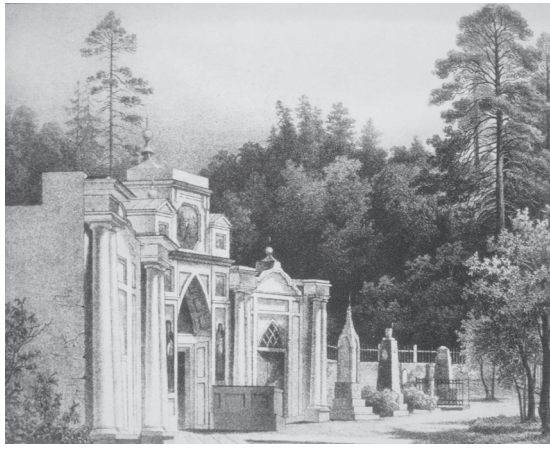
Література:

1. Дедов В.Н. Некрополь XIX в. при церкви пр. Антония и Феодосия Святогорской Свято-Успенской Лавры (к 160-летию освящения подземной церкви прп. Антония и Феодосия)/ Дедов В.М. // Святогірський альманах-2006: зб. наук. праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську». – Донецьк: журнал «Донбас», ТОВ «РА «Ваш імідж», 2006. – С.21-22.
2. Елисеев А.А. Кавалеры ордена святого Георгия... /Елисеев А.А. // От Москвы до Парижа. Малоярославец. 1998. – С. 152-153.
3. Колачковский К. Записки / Военский К.А. //Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 г. СПб., 1912. – С.253-254.
4. Попов А. И. Дело под Медынью. / Попов А. И. // Собрание материалов ежегодных

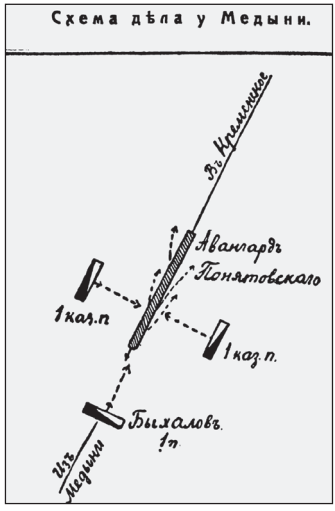
научных конференций в г. Малоярославце Библиотека интернет-проекта «1812 год» [Электр.ресурс]. – Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/library/Mmnk/2002_14.html
5. Схема сражения под Медынью. – [Эл.ресурс] – Режим доступа: http://www.runivers.ru/upload/iblock/879/0734.png
6. Хорошо, что «в рот не попало… – [Эл.ресурс] – Режим доступа: http://www.1812panorama.ru/hg/hg_hist30.html
7. Шамрай А.В., Дедов В.Н. Родовая усыпальница Иловайских в Святогорской Свято-Успенской Лавре. / Шамрай А.В., Дедов В.Н. // Проблеми збереження і використання культурної спадщини України: матер. наук.-практич. конф. – Слов'янськ: Печатный двор, 2005. – С.141-149.
8. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. – С. 146-148.



Ил. 1. Портрет генерала Иловайского Г.Д.



Ил. 2. Памятники кладбища при церкви прп Антония и Феодосия. 1850 г.



Ил. 3. Схема сражения под Медынью.

Ил. 5. Памятник на месте сражения под Медынью.

Ил. 4. Худ. Аверьянов. «Дело под Медынью».

Чепіга Г.Г.

ПРО СТАН ДОСЛІДЖЕННЯ ДЕЯКИХ ПРОБЛЕМ ІСТОРІЇ ДНІПРО-ДОНЕЦЬКОГО МЕЖИРІЧЧЯ В XVII–XVIII СТ.

Вступ

Оборонні споруди, створені Російським урядом на території південно-східної України в XVII–XVIII ст., та їх вплив на її заселення почали досліджуватись в історичній літературі, починаючи з XVIII ст., тобто вже під час спорудження деяких з них. Це пов'язано з пожвавленням інтересу до них у зв'язку з приєднанням Північного Причорномор'я та виникненням нових проблем соціально-економічного та ідеологічного характеру. Зазначені процеси відбились на історіографії вивчення оборонних заходів протягом всього досліджуваного часу, який традиційно розподілено на дорадянський, радянський та сучасний періоди.

Історики першого періоду започаткували вивчення більшості питань, що стосуються даної теми. В радянський час традицію їх дослідження було продовжено, але за досить обмеженою тематикою. Сучасний період позначився розширенням досліджуваної тематики та залученням нових архівних джерел. Треба зазначити також, що майже усі наукові праці становлять частку єдиного процесу накопичення історичних знань.

Залучення істориками архівних джерел уможливило вирішити проблему впливу будівництва оборонних споруд південно-східної України на стан її заселення. Особливо великий науковий внесок у дослідження даної проблеми в різні часи було зроблено А. О. Скальковським, Філаретом (Д. Г. Гумілевським), Д. І. Багалієм, В. Д. Юркевичем, А. А. Новосєльським, В. М. Кабузаном, В. П. Загоровським. В наш час плідно працюють українські науковці, Р. Л. Молдавський, О. М. Посунько, В.І.Подов та ін., з'являються цікаві праці російських дослідників, зокрема М. Ю. Зенченко, О. І. Папкова, М. М. Петрухінцева. Великий внесок в наукову скарбницю зробив донецький дослідник В. О. Пірко. Зауважимо, що усі згадані історики будували дослідження на ґрунтовній джерельній базі, що обумовило велике значення їхніх робіт в історіографії.

Дослідження

Сучасними дослідниками з'ясовано багато питань щодо процесу будівництва оборонних споруд, їхньої ролі в заселенні Слобідської та Степової України. Так, на сьогодні результатом історіографічної помилки можна вважати уявлення про дату заснування міста Бахмут у 1571 р. [1, 2, 3]. Більшість дослідників датою заснування слободи Бахмут визнають 1701 р., датою побудови фортеці 1703 р., що відповідає джерельним даним [4].

За архівними даними, опублікованими професором Донецького національного університету В. І. Пірком, ним точно встановлені дати заснувань міст Маяцька, Слов'янська (Тора), Райгородка відповідно у 1663, 1676, 1684 рр., обставини їх заселення та будівництва Торської лінії [5]. За документальними даними також з'ясовано дату побудови Української лінії (1731–1736 рр.), кількість фортець, їхні назви, місце розташування [6]. Низка авторів аргументовано визнали її позитивну роль в обороні від татарських і турецьких нападів та у сприянні заселенню краю [7].

Дискусійним тривалий час було питання про фактичне і юридичне розташування Богородицької фортеці, Самарського ретраншементу та міста Стара Самарь, або Самара. Зусиллями дніпропетровських істориків, археологів доведена тотожність географічного розташування цих об'єктів та історичну наступність [8].

Протилежні оцінки склалися в історіографії щодо доцільності існування Слов'яносербії. Загально визнано, що серби розчинилися в українському чи російському середовищі, їхнє було замало для створення самостійних сербських полків, та їх автономне існування не довго тривало. Це часто визнається за провал іноземної колонізації. Таке твердження не має підстав. Сучасними дослідниками визнається позитивний вклад іноземних поселенців – сербів, молдаван, болгар та ін. в розвиток економіки краю [9].

Дніпровська лінія не була предметом дискусій щодо доцільності її будівництва, більшість і наукових, і довідкових видань визнає її роль як військово-стратегічну. Це відповідає дійсності. Датою початку будівництва лінії визнається 1770 р., його згортання – 1783 р. Вона складалась з 7 фортець, які не усі були збудовані повністю, але до сьогодні деякі довідники подають інформацію про наявність суцільної лінії замість лінії фортець, а самі фортеці подають як кам'яні [10].

Наявні в науковій літературі розбіжності щодо мети, хронології, особливостей будівництва і використання оборонних споруд Південно-Східної України XVII–XVIII ст. та їх впливу на формування складу населення сприяли появі хибних тверджень щодо часу заснування ряду населених пунктів регіону, ролі тієї чи іншої споруди в обороні та заселенні краю. Усі оборонні лінії, незважаючи на подібність принципів їх зведення, однакову мету, майже аналогічні стратегічні обставини під час спорудження, мали різний відгук серед сучасників, що в свою чергу вплинуло на історичні дослідження, присвячені процесу залюднення і будівництву оборонних споруд. На нашу думку, причина цього явища полягала в швидкій зміні зовнішньополітичного становища Російської імперії. Перемоги в російсько-турецьких війнах XVIII ст. та розгортання наступальної стратегії в воєнних діях породжувало у дослідників враження про зайвість витрат величезних коштів на оборону. При цьому не враховувались конкретно-історичні обставини під час спорудження захисних ліній. В оцінки ефективності цих споруд втручались також фактори особистісних уподобань урядовців (як у випадку з оцінкою діяльності Б. Мініха) або порушених майнових інтересів гетьманської старшини. «Старі» лінії та фортеці з побудовою «нових» не припиняли існування як військові об'єкти, а ставали черговим ешелоном оборони в глибину території. Більшість з них були визнані внутрішніми поселеннями лише у 1784 р. Цей фактор також не був врахований рядом авторів, що негативно оцінили ефективність оборонних споруд краю.

Некритичне користування науковим доробком попередників спричинило появу історіографічних традицій, що базуються на упереджених поглядах та можуть призводити до фальсифікацій історичних подій. Так, стереотипним і упередженим є погляд на українську лінію як невдалу оборонну споруду, невдачу іноземної колонізації на терени Середнього Подінців'я, суто класові підходи в історичних працях заходів російського уряду в районі м. Бахмут на початку XVIII ст. Також з XIX ст. повторюються твердження про заснування міст Бахмута в 1571 р., Тора – в 1645 р., Маяцька – в 1646 р. та інші необґрунтовані думки.

Розбіжність поглядів дослідників на хронологію, доцільність спорудження, ефективність функціонування суцільних укріплених ліній взагалі і, зокрема, на українських землях відбилась на довідковій та краєзнавчій літературі. Часто ці видання в свою чергу ставали джерелом для досліджень пізнішого часу, що не завжди було виправданим. Неперевірені або недостатньо досліджені факти потрапляють з видання у видання.

У процесі формування зазначеної літератури простежується декілька тенденцій. Перша – об'єднання групи спеціалістів для складання певної статті для довідника або посібника, друга – передрукування всієї чи частини інформації для статей з попередніх або інших видань, третя – використання існуючих довідників для складання власних енциклопедій або інших видань, з власними коментарями, перенесенням акцентів або вигадками автора. Те ж стосується краєзнавчої літератури, інформаційна цінність якої цілком залежить від якості використаних історіографічних джерел. Перший спосіб укладання довідників, на нашу думку, найдоцільніший.

Завадити розповсюдженню помилкової інформації можна також відступом від практики простого передрукування матеріалів з попередніх довідників, якщо це не перевидання тієї ж праці.

Висновки

Аналіз історіографії вказаної теми дозволив стверджувати, що дослідники минулого та сучасні науковці розкрили багато складних питань з будівництва оборонних споруд та заселення регіону, багато дискусійних питань в останні роки з'ясовано. Систематизація існуючого історіографічного доробку з означеної проблеми дозволяє окреслити перспективи подальшого її вивчення.

Якщо в радянський час багато уваги приділялось вивченню соціального стану переселенців та класовій боротьбі, то сучасні дослідження майже припинили їх розгляд. Ця тематика має бути розвинена з позицій сучасної методології. В цей же час до малодосліджених відноситься проблема етнічних контактів в порубіжжі держав та природних зон. Лише почали висвітлюватись питання зі сфери історії повсякденності. Новим напрямком досліджень може бути вивчення впливу на динаміку колонізації не лише оборонного будівництва, але й тих суспільних відносин, що складались на нових місцях мешкання, змін форм власності та типів господарювання протягом XVII–XVIII ст. Наявною є потреба комплексної систематизації джерел та створення загальної бази даних для усього досліджуваного періоду. Сюди треба віднести перевірку й видання тих документів, що були використані дослідниками різних поколінь шляхом цитування. Історія вивчення оборонних споруд Південно-Східної України та їхньої ролі у заселенні регіону в XVII–XVIII ст. свідчить не лише про великий інтерес істориків до процесу освоєння цієї території, але й висвітлює історіографічні проблеми, які потребують пояснення та вирішення.

Резюме: *Чепіга Г.Г. Про стан дослідження деяких проблем історії дніпродонецького межиріччя у XVII–XVIII ст.*

Стаття присвячена розгляду провідних тенденцій в історіографії проблем військово-землеробського освоєння Російською державою межиріччя Дніпра та

Сіверського Дінця у XVII–XVIII ст. Автор підсумовує вивчення історії колонізації згаданого регіону істориками дорадянського, радянського та пострадянського часу, окреслюючи коло як питань, що вирішені на сьогодні, так і тих, що чекають на дослідників. Також приділено увагу причинам формування в історіографії протилежних думок щодо подій, появи позанаукових традицій висвітлення деяких проблем історії регіону.

Ключові слова: *історіографія, Сіверський Донець, оборонні споруди, колонізація, русько-турецькі війни, заснування міст.*

Резюме: *Чепига Г.Г. «О состоянии исследования некоторых проблем истории Днепро-Донецкого междуречья в XVII - XVIII ст.»*

Статья посвящена рассмотрению ведущих тенденций в историографии проблем военно-земледельческого освоения Российским государством междуречья Днепра и Северского Донца в XVII–XVIII ст. Автор подводит итоги изучения истории колонизации данного региона историками досоветского, советского и постсоветского периода, определяя круг решенных и нерешенных на сегодня вопросов.Также уделяется внимание причинам формирования в историографии противоположных оценок для одних и тех же событий, появления ненаучных традиций в освещении некоторых тем истории края.

Ключевые слова: *историография, Северский Донец, оборонные сооружения, колонизация, русско-турецкие войны, основание городов.*

Summary. *The article of Chepiga G.G. "The state of researching some problems in the history of the Dnieper-Donets interflow in XVII - XVIII Art." is devoted to the major trends in the historiography of the problems of military-agricultural development by the Russian state of the Dnieper and Seversky Donets interflow in XVII-XVIII Art.*

The author summarizes the study of the history of colonization of the region by historians of pre-Soviet, Soviet and post-Soviet period. She determines the range of solved and unsolved questions on today.

Also the author pays attention to the causes of formation in the historiography of opposing assessments for the same event, the emergence of non-scientific traditions in the light of some history of the region.

Key words: *Historiography, Seversky Donets, fortifications, colonization, Russian-Turkish wars, the city foundation.*

Література:

1. Феодосій (Макаревський О.Г.) Матеріали для історико-статистичного опису Катеринославської єпархії. Церкви та приходи минулого XVIII століття / Феодосій (Макаревський О.Г.) / Репринт. Екатеринослав, 1880 г. – Дніпропетровськ.: Дніпрокнига, 2000. – С. 683.
2. История городов и сел УССР. Донецкая область. / [Гл. ред. кол. П. Т. Тронько]. – К.: Гл. ред. укр. сов. энцикл., 1976. – С. 162-163.
3. Татаринов С. И. Голоса тысячелетий (Очерки археологии Бахмутского края) / [Татаринов С. И., Посредников В. А., Афанасьева В.В., Федяев С. В.]. – Артёмовск,

2001. – 73 с.; Артемівськ. Фотоальбом / авт. тексту В.Ф.Кацель – К.: Мистецтво, 1975; Рева А.А. Город моей судьбы / Рева А.А. – Донецк: «Диком – пресс», 1998 – С.15; Енциклопедія історії України: в 5 т. / [ред. кол. В. А. Смолій (голова) та ін.].– К.: Наук. думка, 2005. – Т.1. – С. 128 (стаття «Артемівськ» за авторством Я. В. Верменич).

4. Гавриил (В.Ф.Розанов) Очерк повествования о Новороссийском крае из оригинальных источников почерпнутый / Гавриил (В.Ф.Розанов) // ЗООИД. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 79-130; Россия: полное геграфическое описание нашего отечества / под ред. В.П. Семенова. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1910. – Т.14. – С. 848; Подов В.И. Донбасс. Век XVIII-й. Социально-экономическое развитие Донбасса в 18 веке. / Подов В.И. - Луганск: Світлиця, 1998. – 228 с.; та ін.
5. История Донецкого края в документах и материалах. XVII – начало XX века: материалы для учителей истории / упоряд. В. О. Пірко. – Донецк: Леман, 1995. – 66 с.; Джерела до історії населених пунктів Донеччини XVI-XVШ ст. / укладач В. О. Пірко. – Донецьк: ДонНУ, 2001. – 103 с.; Пирко В. А. Торская укрепленная линия / Пирко В. А. // ВИ. – 1986. – №1. – С. 180-184.
6. Галкович Б. Г. Картографічні джерела та їх застосування для вивчення історії України XVIII ст. / Галкович Б. Г. // УІЖ. – 1971. – № 9. – С. 138-145.; Пірко В. О. Оборонні споруди в межиріччі Дніпра і Сіверського Дінця (історичний нарис з уривками джерел і планами споруд за другу половину XVII-XVIII ст.) / Пірко В. О. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2007. – 176 с.
7. Чепіга Г. Г. Українська лінія та її роль в заселенні Південно-Східної України: історіографія проблеми / Г. Г. Чепіга // Наука. Релігія. Суспільство. – 2008. – № 1. – С. 240–247.
8. Репан О. Палімпсест. Коріння міста: поселення XVII–XVIII століть в історії Дніпропетровська / Репан О., Старостін В., Харлан О.; концепція та проект видання О. Лазька. – К.: Українські пропілеї, 2008. – 268 с.
9. Чепіга Г. Г. Слов'яносербія та її роль в заселенні Південно-Східної України: історіографія проблеми / Г. Г. Чепіга // Наука. Релігія. Суспільство. – 2009. – № 1. – С. 158–166.
10. Довідник з історії України (А-Я) / [за заг. ред. І.Підкови, Р.Шуста]. – К.: Генеза, 2001. – С. 214; Енциклопедія історії України: в 5 т. / [ред. кол. В. А. Смолій (голова) та ін.].– К.: Наук. думка, 2005. – Т.1. – С. 412.

Шалаєва Н.Г.

ДОСВІД ВИКОРИСТАННЯ ГРАФІЧНИХ РЕДАКТОРІВ В ЕКСПОЗИЦІЙНІЙ І ФОНДОВІЙ РОБОТІ СДІАЗ

Актуальність питань широкого втілення електронного інструментарію в музейній роботі на сучасному етапі не викликає сумніву. Декілька прикладів з досвіду використання автором графічних редакторів розкривають широкі можливості їх застосування як інструменту для виконання індивідуальних експозиційних проектів та поточних завдань науково-фондової роботи.

В 2003 р. під час розробки експозиційного проекту ландшафтного макету-діарами архітектурного ансамблю Святогірського Успенського монастиря на період 90-х рр. XIX ст. перед автором стояло завдання здійснити ескізну реконструкцію зовнішнього вигляду споруд Святогірського монастиря: планів, фасадів в М 1:100 [1; 2]. Оскільки проектна документація XIX ст. щодо споруд Святогірського монастиря не збереглася, за виключенням ескізних проектів 2 храмів: Успенського собору (1868 р.) – архітектор А.М. Горностаєв, та Преображенського храму (1864 р.) – архітектор А.Ф. Петцольд, які були втілені в будовах зі змінами, то в якості вихідного матеріалу автором були використані креслення середини II половини XX століття. Вони були виконані в радянський час за обмірами будов, які вціліли, але зазнали змін, зберігаються в науковому архіві СДІАЗ.

Допомогу при підготовці вказаного вихідного матеріалу надавали саме графічні редактори: здійснювалась обробка зображень попередньо сканованих креслень та фото, електронним версіям надавався необхідний масштаб, зображення чистили від «бруду», що в різній мірі залишався після сканування, здійснювали їх корекцію. У випадках, а їх була більшість, коли сканувались креслення великих форматів, отримані частини зображень необхідно було «склеювати» (поєднувати) – саме в графічному редакторі, в якому надавався й необхідний масштаб (М 1:100). І лише потім на основі масштабованих креслень реконструкція зовнішнього вигляду споруд здійснювалась за фото XIX століття: пропорційно відтворювався зовнішній вигляд будов станом на кін. XIX ст.

Як приклад часткової ескізної реконструкції можна навести реконструкцію зовнішнього вигляду надбрамної Покровської церкви (1850-1851 рр., храм з дзвіницею) та будинку настоятеля (1850-1851 рр.), в яких відтворювались дзвіниця храму, частини і окремі елементи фасадів обох споруд, а також перехід між будовами, втрачений в радянський час (іл. 1) [2].

Для створення креслень втрачених споруд, як наприклад монастирської трапезної XIX ст., в розпорядженні автора були переважно фото й літографії, а однією з проблем було визначення розмірів цих будов. І знову на допомогу приходив графічний редактор, в якому розміщувався фотознімок втраченого об'єкту (по можливості фронтальний вид), а необхідний масштаб надавався зображенню однієї із розташованих поруч вцілілих будов, що на фото. І як наслідок – автоматично отримували фронтальне зображення втраченої споруди в М 1:100 [2].

В окремих випадках розміри втраченої будови (приблизні габарити) можна було

визначити лише за постатями (зростом) людей, знятих на фото поруч зі спорудою. Так за обчисленнями автора були визначені приблизні розміри (висота) Преображенського храму, розібраного в 1925 р.

Внаслідок попередньої обробки вихідного матеріалу, виконаної в графічному редакторі, робота над ескізним проектом ландшафтного макету-діарами архітектурного ансамблю Святогірської Успенської гуртожитної пустині кінця XIX ст. була значно полегшена. Створений за експозиційним проектом професійними художниками й дизайнерами підприємства «Всесвітбуд» (м. Харків) макет став центральним композиційним елементом постійно діючої музейної експозиції «Святі Гори в XVIII - XIX ст.» (зал № 4 історичного музею СДІАЗ).

Робота з графічними редакторами здійснювалась і під час складання паспортів на пам'ятки архітектури та містобудування, що розташовані на території Святогірського державного історико-архітектурного заповідника. Був розроблений перелік додатків до паспортів пам'яток культурної спадщини, куди ввійшли: викопіровка з генплану м. Святогірська з позначенням пам'ятки, експлікація до плану, сучасні архітектурні креслення пам'ятки, виконані за обмірами (плани, фасади, розрізи), сучасна фотофіксація, а також історична фотофіксація та іконографія. Електронні версії кожного з названих додатків потребували копіткої обробки саме в графічному редакторі. Автором були виконані поліпшення електронних версій різноманітних зображень для додатків паспортів: «чистка» планів і креслень (при необхідності їх коригування), форматування й корекція фото, малюнків, літографій, здійснювалось виділення пам'ятки на плані та експлікації. Для кінцевого оформлення додатків виконувався електронний набір тестових частин (підписи, надписи, тощо), викреслювались рамки та штампи в додатках-кресленнях (іл. 2 а, б).

Досвід використання графічних редакторів допоміг при розробці «Ілюстрованого тематико-експозиційного плану музейної виставки «Дослідження та реставрація пам'яток архітектури Святогірського Успенського монастиря в XX ст.», яка готувалась до 30-ї річниці заснування СДІАЗ [3]. В М 1:20 був виконаний ілюстрований план виставки, а в М 1:10 розроблені також ілюстровані креслення-розгортки експозиційних площин: стін, ніш, вітрин. При цьому в кресленнях-розгортках були втілені різні варіанти показу передбачених музейних предметів. В роботі використовувались: фотокопії експонатів (документів, ескізів, фото, тощо), фотографії предметного ряду, а в окремих випадках – їх малюнки, теж виконані за допомогою графічного редактора. І хоча в ході роботи концепція побудови виставки була змінена, та ряд напрацювань й ідей, втілених в ілюстрованому плані, знайшли своє місце в експозиції (іл. 3 а, б).

В поточній науково-фондовій роботі автор застосовує графічний редактор при заповненні полів друкарських бланків науково уніфікованих паспортів музейних предметів. Перший такий досвід часткового заповнення бланків паспортів друком був набутий автором в 2011 р. під час наукового опису великої кількості музейних предметів з археологічної колекції М.В. Сібільова. На даний час за допомогою графічного редактора автором повністю заповнюються формуляри паспортів, оскільки це дає цілий ряд переваг (іл. 5 а, б):

– покращується загальний вигляд документу;

– друкований текст читається краще, ніж рукописний;

– під час роботи над електронною версією паспорту є можливість редагувати текст;

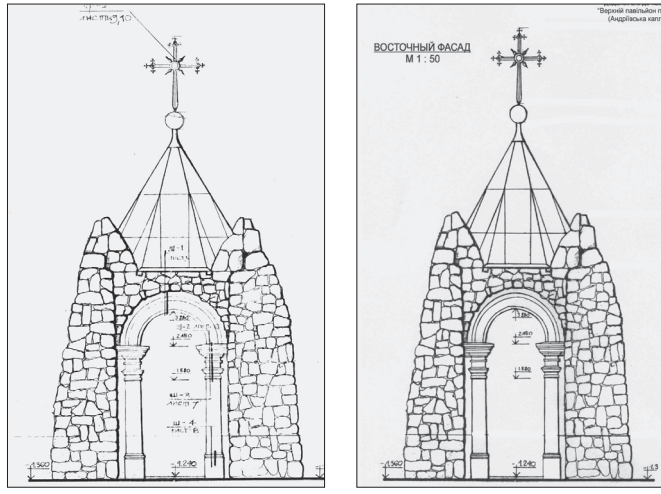
– при заповненні поля «Опис предмету» можуть бути вміщені креслення (наприклад, розріз предмету) чи малюнки, які дозволяють краще описати його конструкцію або показати, що на ньому зображено. Так, написи та зображення на лусковидних монетах не завжди читаються по фото (чи скануванню), вміщеному в паспорті (іл. 4). Оскільки не завжди точно можна змалювати в паспорті зображення та легенди з полів лусковидних монет (враховуючи їхню фрагментарність), то доцільно використати зображення однотипних монет із нумізматичних каталогів, зокрема вміщених в системі Інтернет, при цьому детально описавши особливості паспортизованої монети (іл. 5б).

Електронна версія паспорту, складеного в графічному редакторі, може бути використана і для електронного обліку музейних предметів. В цьому випадку інформацію (текст кожного поля) потрібно послідовно копіювати та переносити в програму електронного обліку. Наведені приклади говорять про можливості широкого використання графічних редакторів в діяльності музейного закладу.

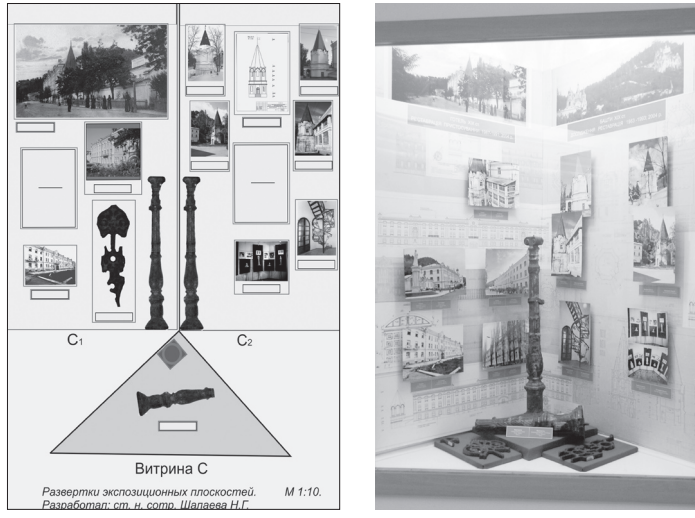
Література:

1. Науковий архів Святогірського державного історико-архітектурного заповідника (НА СДІАЗ). – Ф. – 1. – Оп. 28. – Спр. 89. Генплан Святогірського монастиря XIX ст. Для макету-діарами. Креслення. – Слов'яногірськ, 2002. – 5 арк.
2. НА СДІАЗ. – Ф. – 1. – Оп. 28. – Спр. 93. Макет-реконструкція «Святогірський монастир на період XIX ст.». Науково-дослідна частина. Креслення. / Шалаєва Н.Г. (розробник), Дєдов В.М. (науковий керівник). – Святогірськ, 2003 р. – 13 арк.
3. НА СДІАЗ. – Ф. – 3. – Оп. 3. – Спр. 57. Ілюстрований тематико-експозиційний план музейної виставки «Дослідження та реставрація пам'яток архітектури Святогірського Успенського монастиря в XX ст.». / Шалаєва Н.Г. (розробник), Дєдов В.М. (науковий керівник). – Святогірськ, 2009. – 34 арк.

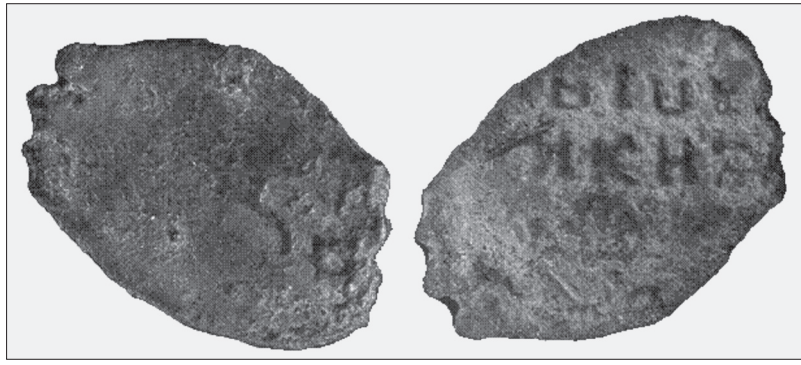
Іл. 1. Ескізна реконструкція зовнішнього вигляду будинку настоятеля (1850 р.) Святогірського монастиря станом на кінець XIX ст. Північний фасад. 2003 р.



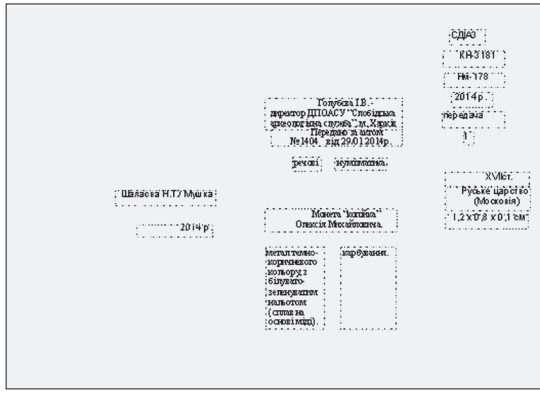
Іл. 2 а, б. Пам'ятка архітектури та містобудування Андріївська каплиця (1856 р.).
Креслення східного фасаду (вигляд електронної версії):
а) після сканування; б) після опрацювання в графічному редакторі, 2009 р.

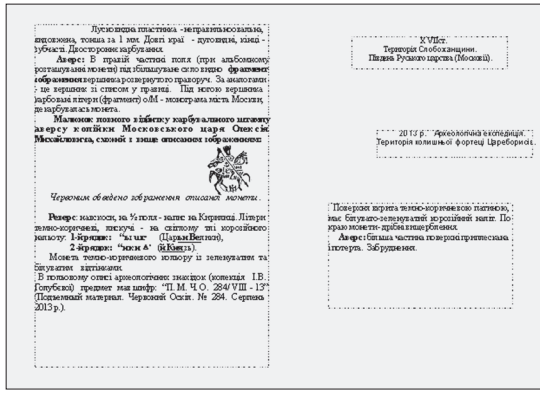


Іл. 3 а, б. Виставка «Дослідження та реставрація пам'яток архітектури XVII, XIX ст. Святогірського Успенського монастиря». Центральна вітрина С:
а) ілюстрований тематико-експозиційний план (ТЕП) виставки, 2009 р;
б) фото експозиції, 2010 р.



Іл. 4. Монета «копійка» Олексія Михайловича. XVII ст.
(Наукові фонди СДІАЗ. – КН – 3181, Нм-178, археологічна колекція Голубєвої І.В. Археологічні розкопки колишньої фортеці Цареборисів, 2013 р.).





Іл. 5 а, б. Розгортки сторінок наукового уніфікованого паспорту.
Вигляд електронних версій.

Шарабан С.С., Проскуряков В.А., Легейда А.В.

РЕСТАВРАЦІЯ МЕБЛІВ XIX СТ. З ФОНДІВ СВЯТОГІРСЬКОГО ЗАПОВІДНИКА

Вступ

В лютому 2013р. в фонди заповідника надійшов музейний предмет – м'яке крісло XIX ст. знайдене в м. Слов'янську Донецької області. Предмет має історичне значення, розкриває побут заможного населення, зокрема дворянства в період XIX ст. і був прийнятий на облік в основний фонд заповідника. При дослідженні крісла з'ясувалось, що експонат відноситься до поширеного в XVIII-XIXст. стилю «класицизм», але використовувати його в експозиційно-виставковій роботі за станом збереження було неможливо. Внаслідок тривалого та недбалого користування стан крісла був незадовільний, що зафіксовано під час його обстеження (Іл.1). Внаслідок цього експонат був переданий на реставрацію до Харківської філії Національного науково-дослідного реставраційного центру України. Спеціальної літератури з проблеми реставрації меблі не так вже й багато. Найбільш фундаментальною працею є робота Т.А. Матвєєва «Реставрация столярно-мебельных изделий», де описані майже всі характерні процеси реставрації вказаних пам'яток. Багато ілюстроване альбомне видання Т. Соколова, К. Орлова «Русская мебель» надає інформацію про меблі різних стилів і епох. Цього ж напрямку видання Кес Д. «Стили мебели». Питання знешкодження різних «захворювань», що з'являються у меблів під час недбалого зберігання до вступу до музейних колекцій, розглядає Черепахіна А.Н. в роботі «История художественной обработки изделий из древесины».

Дослідження. М'яке крісло кінця XIX ст. надійшло на реставрацію до науково-дослідного реставраційного відділу реставрації меблів і етнографічних пам'яток з дерева Харківської філії Національного науково-дослідного реставраційного центру України у 2014 році. Його загальні розміри складають 99х71х65 см. Крісло виконане з червоного дерева, має характерні ознаки стилю класицизм, на що вказують і архітектурне рішення, і декоративне різьблення, виконане стримано і вишукано, прямі круглі ніжки з капітелями у вигляді кубів на місці стикування з корпусом, що звужуються до низу і прикрашені каннелюрами [1, іл.2].

Тектоніка структури крісла має характерну для подібних предметів схему з конструктивною рамою дерев'яної основи, опорною частиною (ніжки) і м'яким сидінням, спинкою, підлокітниками. Спинка спокійної овальної форми через бокові вигнуті стояки переходить у задні ніжки. Підлокотники з'єднують спинку і передні опори, що мають плавний вигин і прикрашені різьбленням. Точені з канелюрами ніжки звужуються донизу. У нижній частині передніх ніжок бронзові опорні коліщатка. Царговий пояс, спинка, підлокітники прикрашені різьбленими декоративними елементами у вигляді стрічок, косичок, листя аканта та інших стилізованих елементів рослинного характеру. У цілому декоративне різьблення виконане витончено, напрочуд професійно.

Надійшло на реставрацію крісло з ущільненими пиловими забрудненнями, лущенням, деструкцією і численними втратами лакового покриття. Спостерігалися численні втрати елементів різьблення, були зламані опорні стояки підлокітників, один

зі стояків був фрагментований. Порушені практично всі столярні вузлові з'єднання з руйнацією клейових зв'язків. Ремінне натягування під пружинним блоком заміняв прибитий дерев'яний щит. Набивні матеріали, тканина оббивки забруднені, зношені, давно втратили не тільки естетичні властивості, але і функціональні. Вочевидь тканина оббивки не була рідною для пам'ятки. Для оббивка меблів стилю класицизму зазвичай використовували дорогі тканини переважно з квітковим орнаментом [4]. Саме вони разом з суворими формами меблів і позолотою створювали холодний і урочистий стиль. Крісло було оббите тканиною, виконаною у техніці машинного жакардового ткацтва з геометричним орнаментом, що складається з квадратів, які чергуються, заповнених трьома елементами: стилізованими квітками, квадратами, прямокутниками, яка може датуватися не раніше II половини XX ст. Саме такими тканинами оббивали м'які меблі у 50-і роки XX ст. Вірогідно тоді власники крісла і поновили його оббивку, тому тканина оббивки не має історичної цінності. Крісло потребувало комплексної реставрації.

Реставрація

Здійснення програми реставрації було розпочато з проведення необхідних замірів [5]. Пам'ятка була знепилена, було проведено зондування лакового покриття з метою виявлення його природи, ступеня руйнації і поновлень.

Демонтаж крісла проводився поетапно. Спочатку відокремили дерев'яний щит, що заміняв опору пружинного блоку. Потім видалили тканину оббивки. Були демонтовані набивні матеріали (мішковина, кінський волос, морська трава) і пружинна частина сидіння. Уважне дослідження дерев'яного каркаса підтвердило необхідність демонтування столярних з'єднань для їх подальшого укріплення. Для того, щоб розібрати крісло на складові частини, вийняли цвяхи, у столярні вузли попередньо шприцом ввели водо-спиртовий розчин для пом'якшення клею. Спочатку зняли підлокітники, розібрали царгову частину, демонтували передні ніжки. Усі вузли були очищені від залишків деструктованого клею. Шипові з'єднання укріпили, для відновлення зламаних вклеїли вставки з деревини. Тріщини і розколи масиву проклеювалися і укріплювалися на всіх стадіях реставрації в залежності від доцільності. Розчищення від лакового покриття, що було деструктоване і лущилося, одночасно і від пилобрудових нашарувань проводилося пошарово, дуже обережно. Спроба використати при цьому водо-спиртовий розчин виявилася не ефективною. Значно результативніше працювало спеціальне змивання для фарби, яке у свою чергу змивалося дистильованою водою [2]. (Іл.3). Монтаж і склеювання всіх елементів дерев'яної основи крісла проводили у струпцинах у взаємно перехресних напрямках. Після 48-годинної витримки струпцини зняли і видалили надлишки клею. Копіткою і довготривалою була робота з відновлення втрат дерев'яного масиву. У численні місця втрат вклеювалися фрагменти червоного дерева з наступною їх обробкою у авторській манері. Відновлені фрагменти тонувалися так, щоб ледве-ледве відрізнятися від кольору авторської поверхні, просушувалися, витримувалися певний час, після чого уточнювалися тонування і дерев'яний каркас покривався шелаковим лаком. Процедура повторювалася багаторазово з проміжним шліфуванням окремих ділянок поверхні, щоб досягти якомога наближене до авторського покриття (Іл.4).

Паралельно зі здійсненням реставраційних заходів на дерев'яному каркасі крісла проводили очищення набивних матеріалів: морської трави, кінського волосся. Вони були ретельно промиті і висушені у природних умовах. Були очищені і відновлені елементи пружинного блоку. Під пружинний блок на нижню частину цангового поясу натягувалися ремені у поперечних і повздовжніх напрямках з підвертанням і наступним закріпленням спеціальними цвяхами для оббивки. До ременів були пришиті дев'ять двоконусних пружин і проведене їх перев'язування і закріплення до рами царгового поясу. Перев'язування пружин здійснювалося у перпендикулярному і діагональному напрямках для надання необхідної жорсткості блоку, забезпечити пружність і постійну форму м'якого сидіння. Потім пружинний блок був обтягнутий полотном, яке пришили до пружин і закріпили до верхньої частини рами. Сформовані з морської трави і кінського волосу настили вклали під шари мішковини, прошили і сформували пруговий шов. Окрім сидіння ці заходи здійснили для спинки і підлокітників.

Оскільки при демонтуванні крісла не були виявлені навіть незначні фрагменти оригінальної оббивки, питання підбору тканини для обтягування крісла узгоджувалося з науковими співробітниками заповідника. Крісло обтягнули декоративною тканиною, що відповідає стилю і часу його створення. Тканина була прибита по периметру «в фальц», місця кріплення закриті декоративною тасьмою [3].

Висновки

Досвід науково-реставраційних робіт на прикладі реставрації експонату – крісла з фондів Святогірського історико-архітектурного заповідника дозволяє запропонувати описану технологію реставрації старовинних меблів у якості універсальної методики для подібних музейних предметів.У результаті проведених реставраційно-консерваційних заходів крісло не тільки набуло експозиційного вигляду, але достойно репрезентує своє місце у культурному середовищі певної епохи.

Резюме: *Шарабан С.С., Проскуряков В.А., Легейда А.В. Реставрація меблів XIX ст. з фондів Святогірського заповідника.*

Статтю присвячено питанню наукової реставрації меблів з музейної колекції Святогірського історико-архітектурного заповідника. На прикладі реставрації одного експонату – крісла XIX ст.- автори надають інформацію про проведені дослідні роботи старовинних меблів, етапи реставраційних робіт і пропонують запровадити дану методику для реставрації та збереження меблевих історичних колекцій з фондах музеїв.

Ключові слова: *історичні пам'ятки, дерево, меблі, дослідження, реставрація.*

Резюме: *Шарабан С.С., Проскуряков В.А., Легейда А.В.Реставрація меблів XIX ст. із фондів Святогорского заповедника*

Статья посвящена вопросу научной реставрации мебели из музейной коллекции Святогорского историко-архитектурного заповедника. На примере реставрации одного экспоната – кресла XIX в. – авторы описывают проведенные исследовательские работы старинной мебели, этапы реставрационных работ и предлагают

использовать указанную методику для реставрации и сохранения коллекций исторической мебели из музейных фондов.

Ключевые слова: *исторические памятники, дерево, мебель, исследования, реставрация*

Summary. *S.S. Sharaban, V.A. Proskuryakov, A.V. Legeida. Restoration of furniture of the XIX century from the funds of the Sviatogorsk Reserve.*

The article is devoted to scientific restoration of furniture from the museum collection of the Sviatogorsk Historical and Architectural Reserve. The authors describe the research works with period furniture, stages of the restoration works and propose to use the above methods for restoration and preservation of historical furniture collections from museum funds, as exemplified by restoration of one exhibit, i.e. the armchair of the XIX century.

Key words: *historical monuments, wood, furniture, researches, restoration.*

Література:

1. Кес Д. Стили мебели. – Будапешт: Издательство Академиии наук Венгрии, 1981. – С. 158
2. Матвеева Т. А. «Реставрация столярно-мебельных изделий». – М.: Высшая школа,1988. – С.112
3. Реставраційний паспорт № 2749. – Архів Харківської філії Національного науково-дослідного реставраційного центру України.
4. Соколова Т., Орлова К. Русская мебель. – Ленинград: «Художник РСФСР»,1973. – С.256.
5. Черепахина А.Н. История художественной обработки изделий из древесины. – Москва: «Высшая школа»,1982. – С. 150.

Іл.1. Кресло до реставрації.

Іл.2. Фрагмент оздоблення.

Іл.3. Крісло під час реставрації.

Іл.4. Монтаж дерев'яного каркасу після реставрації.

Розділ ІІІ

МАТЕРІАЛИ ДО ЮВІЛЕЙНИХ ДАТ

Духін О.Й.

ДЕКІЛЬКА СЛІВ ПРО Д. Я. ТЕЛЕГІНА
(до 95-ліття від дня народження археолога Телегіна)

Слобідський край дав Україні і світові цілу плеяду видатних вчених, серед яких слід визначити доктора історичних наук, професора, лауреата Державної премії, археолога Д.Я. Телегіна. Дмитро Якович досліджував історію населення України кам'яного віку, епохи міді-бронзи, козацького часу. Багато зробив у справі вивчення давньої історії Святих Гір. В 1950 році Д.Я. Телегін проводить розкопки стоянки кам'яного віку в урочищі Минівський Яр, що розташована на правому березі Дінця між Святогірським монастирем і селом Богородичне. Майже два роки археологічна експедиція під керівництвом Телегіна, який на той час працював в Інституті археології АН УРСР, вивчала стародавні поселення в басейні Сіверського Дінця. В 1953 році захистив кандидатську дисертацію «Неолітичні пам'ятки на Середньому Дінці». Автор познайомився з Д.Я. Телегіним в далекому 1957 році, коли приніс археологічні знахідки із слободи Рубцевої в Ізюмський краєзнавчий музей. Д.Я. Телегін із С.М. Одинцовою, дружиною вже покійного М.В. Сібільва, запросили мене на обід. Запам'яталися вареники з сиром і доброзичливе ставлення науковців з Києва. Знайомство продовжувалося більше сорока років, як в листуванні, так і на розкопках археологічних пам'яток по каналу Дніпро – Донбас, в с. Йосипівка, у Старій Ігрені на Дніпрі, в Криму – ур. Ласпі та на Сіверському Дінці. В 1988 році археологічна експедиція «Славутич» Інституту Археології УРСР обстежила низку поселень по Дінцю, і на основі зібраного матеріалу було складено звіт за підписом Телегіна Д.Я., Духіна О.Й., Кравченка Е.Є., який надруковано в журналі «Археологія», №2, за 1992 рік.

Телегін Д.Я. видав низку наукових праць, серед них дві монографії – «Середньостегівська культура епохи міді» (1973); «Памятники епохи мезолита на территории Украинской ССР» (1985), а також історичні дослідження «Древняя каменная скульптура» (1972); «Там, где вырос Киев» (1982); «Речі говорять» (1978); «Про що розповідають кургани» (1971); «Січі запорізьких козаків низового Дніпра» (1991); «Дослідження археологічних пам'яток Українського козацтва» (1995).

Біографічна довідка. Народився Д.Я. Телегін 26 жовтня 1919 року в селі Плисове Лозівського району Харківської області. Помер 1 січня 2011 р. в місті Києві [1, с.184].З 1939 по 1941 рік Телегін навчався в Слов'янському вчительському інституті. З 1941 по 1945 рік – на фронтах Великої Вітчизняної війни. У 1949 році Телегін закінчує історичний факультет Чернівецького університету (дипломна робота «Слово о полку Ігоревім»). З 1951 року аспірант Інституту Археології Академії наук УРСР. З 1968 року заввідділом інституту. Досліджував питання первісної археології, проводив розкопки багатьох поселень і могильників епохи неоліту, мідного та бронзового віків. Помер Д.Я.Телегін 1 січня 2011 р. в місті Києві, де і похований.

Школа археолога Телегіна вивела багатьох археологів України у широкий світ історичних знань і дала можливість сказати вагоме слово в археологічній науці.

Духін О.Й., Кохан О.К., Плахов О.В.

АРХІТЕКТОРИ УСПЕНСЬКОГО СОБОРУ СВЯТОГІРСЬКОЇ ЛАВРИ

Довершена архітектура, як і будь-який феноменальний твір мистецтва, має свого автора, а також історію створення і життя, тобто своєрідну біографію. В 2014 році виповнилося 155 років від часу розробки проекту і початку будівництва головного храму Святогірської Свято-Успенської Лаври – Успенського собору. В 1979 році цей храм внесений до списку пам'яток архітектури і містобудування України і зараз входить до Реєстру об'єктів культурної спадщини національного значення. Протягом півтора століття існування собору його архітектурний вигляд декілька раз змінювався. Особливо суттєві перетворення відбулися в радянські часи, коли храм використовувався у якості кінотеатру будинку відпочинку ім. Артема. У 1992 році було відновлено Свято-Успенський монастир і собор відновив свою первісну функцію з відповідним відновленням первісної архітектури. За кожним перетворенням пам'ятки стояли архітектори свого часу, які пропонували свої ідеї, погляди відповідно до конкретних історичних умов і замовлень часу. Автори мають за мету прослідити етапи «біографії» Успенського собору через призму біографій авторів проектів будівництва, реконструкції, реставрації за півтора століття історії Успенського собору.

Збудований на початку XVIII ст. коштом полковника Ізюмського слобідського полку Федора Шидловського, Успенський собор вже не відповідав потребам відновленого у 1844 році монастиря, був замалим і потребував капітального ремонту. В середині 50-х рр. XIX ст. визначилась необхідність будівництва нового Успенського собору замість старого собору часів козацької доби. В 1858 році дозвіл на розробку проекту нового собору було отримано і вже 16 червня 1859 року проект був затверджений відповідним рішенням Синоду [1]. Автором проекту нового Успенського собору виступив відомий російський архітектор, академік Петербурзької Академії мистецтв Олексій Максимович Горностаєв (Іл.1.). Сам проект зберігся і знаходиться в історичному архіві Російської Федерації в Санкт-Петербурзі. Склад проекту – креслення плану, фасаду і розрізу неодноразово публікувався в літературі, присвяченій історії Святогірського монастиря і його пам'яток архітектури [2]. Сам автор проекту народився в 1808 році на Виксунському чавуно-ливарному заводі Нижньогородської губернії. Ще в заводському училищі у Горностаєва проявився нахил до малювання. Служба у П.П. Свіньїна і можливість вивчення пам'яток російського мистецтва, зібраних у власному музеї Свіньїна, розвинули в ньому любов до народної творчості і мистецької спадщини. Для вдосконалення свого малюнку Олексій Горностаєв бере уроки у архітектора Джіларді в Москві. В 1828 році відомий російський художник К.П. Брюлов намалював портрет молодого О. Горностаєва, який зараз зберігається в музеї Татарії (Іл.2.). В 1829 році Горностаєв поступає у відомство Царськосільського палацового управління і визначається в архітектурні помічники відомого архітектора О.П. Брюлова. Згодом він стає учнем Брюлова, одночасно працює у видавництві «Панорама Петербурга», а також в комісії із спорудження Михайлівського театру за проектом О.П. Брюлова. Ця робота сприяла становленню молодого архітектора і надала йому матеріальні можливості вивчати архітектуру Італії (1834-1838). Частина італійських робіт Горностаєва представ-

лена була на академічній виставці 1839 року. Крім того, художній проект реставрації храму Юпітера в Помпеї, був піднесений імператору Миколі І. Останній передав його до Академії мистецтв, яка оцінила самобутній талант Олексія Горностаєва і присудила йому звання академіка. Майже два роки архітектор О.М. Горностаєв працює над відновленням Зимового палацу після пожежі і розробляє проект великокняжого палацу з усіма службовими приміщеннями. За цю роботу О.М. Горностаєв отримав звання професора. «Тоновський» (архітектора Костянтина Тона) псевдоруський стиль, запропонований в якості обов'язкового по всій Російський імперії Височайшим указом 1841 р. [3], творчо переосмислюється і втілюється Горностаєвим у проекти нових споруд з внесенням власних ідей і творчих доробок. Еклектика Горностаєва з рисами давньоруського національного стилю, московського бароко, візантійської архітектури набуває своєї досконалості в проектах автора. До, так би мовити, «горностаєвського» стилю, можна віднести церкву Миколи Чудотворця на о. Валаам, Святі Врата в Троїцько-Сергієвській пустині [4]. В 1868 році за проектом Горностаєва в Гельсінгфорсі (Хельсінки) будується православний Успенський собор. Його форми, виконані із червоної цегли, – вдала інтерпретація руських церков XVII століття [5]. Відомо, що в Гельсінгфорс Горностаєв приїхав на запрошення генерал-губернатора Фінляндії, графа Ф.Ф. Бергуа, влітку 1859 року [6], після затвердження проекту собору Успіня Пресвятої Богородиці Святогірської пустині. В цьому ж році розпочато будівництво собору в Святих Горах, перші цеглини якого заклав настоятель монастиря, архімандрит Арсеній (Митрофанов). Значну роль у будівництві собору в частині фінансування і виділення будівельних матеріалів зіграла Т.Б. Потьомкіна, володарка Святих Гір. Собор будувався дев'ять років, з 1859 по 1868 рік, під наглядом і за участю настоятеля монастиря, архімандрита Германа (Кліца). Цікаво, що підрядником будівництва виступив селянин з Володимирської губернії Яків Єрьомін, якій по закінченні будівництва отримав від монастиря подяку [6]. Влітку 1868 р. будівництво собору було завершене, і 4 вересня 1868 р. він був освячений (головний престол) архієпископом Макарієм (Булгаковим). 13 вересня був освячений престол на честь великомучениці Варвари і мучениці Тетяни, а 9 серпня 1869 року – престол на честь святителів Дмитра Ростовського, Митрофана Воронезького і Тихона Задонського [8]. Пам'ятник із цегли, тинькований, квадратний в плані, з напівкруглими апсидами, трьохнефний, п'ятикупольний. Стоїть на терасі, на яку, з північної сторони, ведуть парадні східці [9]. Цікаве декоративне вирішення фасадів, які розділені пучковими напівколонами на три частини арками із кілевидним завершенням. Останні прикрашені ліпними розетками. П'ять вісьмигранних барабанів під шатровими дахами переходять в кілевидні барабанчики на яких тримаються позолочені маківки з хрестами. Чотири барабана глухі. В п'ятому, світловому барабані через вікна проникає світло в підкупольну частину, освітлюючи стінопис собору [10]. Стінопис було виконано петербурзьким художником Андрієм Петровичем Розановим. Значна його частина в підкупольному просторі собору і на парусах збереглася до нашого часу [11]. Не дивлячись на свою масивність, собор психологічно не пригнічує і не давить своєю монументальністю, а навпаки, притягує паломників своєю завершеністю як в симетрії, так і в лаконічному зовнішньому декорі. Сам автор не побачив свого творіння, бо в 1862 році помер у Петербурзі. З моменту освячення собору і до 20-х рр. XX ст. архітектура храму майже не

змінилася, за виключенням тинькування фасадів і їх розпису. Деякі зміни відбулися і в розпису інтер'єру – на парусах з'явився розпис чотирьох євангелістів на полотні.

Суттєві перетворення храму розпочалися восени 1922 року. Коли монастир був закритий, а в його будівлях був створений 1-й Всеукраїнський будинок відпочинку, який згодом отримав ім'я революціонера і першого губернатора новоствореної Донецької губернії Артема (Ф.А. Сергієва). З організацією Будинку відпочинку, собор, як культовий об'єкт, закінчив своє функціонування. Проводиться внутрішня реконструкція храму з пристосуванням під театр Будинку відпочинку. Престоли та іконостас були розібрані, у вівтарній частині змонтовано сцену, частково знищено живопис. Вже у грудні 1922 р., як писала газета «Кочегарка», будівництво театру було закінчено [12]. До 1933 року в Успенському соборі глобальних реконструкцій не проводилось. В цьому році українському архітектору С.В. Григор'єву було доручено виконати проект реконструкції внутрішньої частини храму в зв'язку з перебудовою під кінотеатр Будинку відпочинку [13]. В історії архітектури радянської доби Григор'єва називають архітектором двох столиць – Харкова і Києва (Іл.3.).

Сергій Вікторович Григор'єв народився 28 лютня 1896 року в Харкові. 1928 року закінчив архітектурний факультет Харківського художнього інституту, вже маючи авторські роботи. То був час розбудови нової української столиці, доба індустріалізації. Тоді за проектами С. Григор'єва споруджували найрізноманітніші об'єкти: багатоквартирні житлові будинки в Харкові, Запоріжжі, Софіївці, житлові комплекси – робітничі кооперативи для промислових гігантів у тому ж Харкові, Донецьку, Дніпропетровську та Маріуполі. У Києві С. Григор'єв спроектував для Раднаркому (нині – Кабінет Міністрів) житлові будинки. У 1936-1939 роках за проектом Григор'єва споруджено найвідомішу його будівлю на Банковій, 11, що призначалася для штабу Київського особливого військового округу (КОВО) [14]. Від 1991 року там знаходиться Адміністрація Президента України. Маючи великий досвід із проектування та будівництва різних за призначенням споруд, здобувши незаперечний авторитет, С. Григор'єв 1933 року виконує проект реконструкції внутрішньої частини колишнього собору Святогірського монастиря. Проводяться обміри, виконуються робочі креслення по реконструкції і внутрішньому оздобленню споруди. Формується зал для глядачів та фойє. Між колонами, які ділили нефи, були зроблені перегородки із цегли. В бокових нефах (фойє) були змонтовані залізобетонні перекриття із східцями на другий поверх. Апсиди переробили в артистичні вбиральні та санвузли. До західного фасаду прибудували двоярусну кіноапаратну з імітацією декору фасадів собору [15]. Ця реконструкція собору ніяк не відповідала конструктивно-планувальному рішенню собора Горностаєва, але дозволила будівлі пережити війну, зберегти цілісність споруди і по-своєму законсервувала його до кращих часів. У повоєнний час за проектом харківських інститутів «Облпроект» і «Гіпроград» проведений ремонт колишнього собору з елементами пристосування під Будинок культури профспілкового санаторію ім. Артема. Сам С.В. Григор'єв після війни (1950) емігрував в США, де жив і працював архітектором до кінця життя. Найбільш відомий його проект, реалізований в США, – православна церква св.Катерини в Арден Гіллс біля міста Сейнт-Пола – п'ятикупольна будівля храму в стилі українського бароко XVII – XVIII ст. Помер С.В.Григор'єв у 1975 році і похований на цвинтарі Сейнт-Пола [16].

Новий етап в біографії Успенського собору розпочався в кінці 70-х рр. XX ст. У 1979 році урядом України був затверджений додатковий список пам'яток архітектури і містобудування, які охороняються державою. До цього списку був включений і Успенський собор Святогірського монастиря. Розпочалася клопітка і багаторічна робота з відновлення первісної архітектури пам'ятки. Враховуючи важливість і відповідальність робіт по реставрації архітектурного ансамблю Святогірського монастиря, урядом України у 1980 р. був створений історично-архітектурний заповідник, який взяв на себе функції замовника реставраційних робіт. Науково-проектні роботи виконувались київським інститутом «Укрпроектреставрація». Головним архітектором проекту реставрації була призначена Дядюшенко Галина Андріївна, яка пройшла школу відомого архітектора-реставратора М.М. Говденко (Олександрова). За проектом Г.А. Дядюшенко на першому етапі реставрації було відновлено фасади, завершення собору, включаючи хрести, а також позолотні роботи. Цей етап тривав до 1985 року включно. Вказані роботи виконувала спеціалізована підрядна організація – Сумська науково-реставраційна виробнича майстерня [17]. На другому етапі (1985-1987) виконувалися роботи з реставрації і консервації автентичного живопису, що частково зберігся в підкупольній частині собору. Реставрацію проводила бригада реставраторів-живописців Аркадія Марампольського з Київської науково-реставраційної майстерні [18]. Але на той час (80-і рр. XX ст.) виконати повністю проект реставрації інтер'єру храму виявилося неможливим внаслідок продовження експлуатації будівлі як Будинку культури санаторія. Цей етап відтворення первісної архітектури і оздоблення храму був виконаний вже після відновлення Свято-Успенського монастиря у 1992 році, коли Успенський собор було повернуто у власність церкви. Завдання щодо виконання останнього етапу реконструкції пам'ятки взяв на себе монастир. З 1995 р. під керівництвом намісника монастиря, архімандрита Арсенія (зараз архієпископ Святогірський, намісник Свято-Успенської лаври), розпочаті роботи з відновлення «горностаєвського» проекту в повному обсязі. Ці роботи було успішно завершено до 2000-річчя Різдва Христового. Освячення собору відбулося за безпосередньої участі Блаженнішого митрополита Київського і всієї України Володимира (Сабодана).

Литература:

1. Историческая хронология Харьковской губернии. Сост. Щелков К.П. – Харьков: Универ. тип., 1882. – С. 245
2. Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. К.: Полиграфкнига, 1995; Дедов В.М. Святі Гори. Ілюстрована історія. – Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж», 2014. – С. 203.
3. Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания под редакцией С. Н. Южакова. – Т.7. – СПб.: Просвещение, 1907. – С. 285,286.
4. XIX век. Иллюстрированный обзор минувшего столетия. – СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1901. – С.219
5. Курбатов И.Ю. Хельсинки. – Л.: Искусство, 1985. – С.68.
6. Успенский собор (Хельсинки). – [Ел. ресурс] Режим доступу: https://ru.wikipedia.org/wiki/Успенский_собор_(Хельсинки)

7. Дедов В.М. Святі Гори. Ілюстрована історія. – Донецьк: Донбас, ТОВ «РА «Ваш імідж, 2014. – С. 204.
8. Там само. – С. 208.
9. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. – Т.4. – К.: Будівельник, 1955. – С. 139.
10. Дедов В.Н. Святые Горы от забвения к возрождению. – К.: РПО «Полиграфкнига», 1995. – С. 57,58.
11. Духин А.И. Святогорье глазами художников//Материалы научно-практического семинара к 15-летию Святогорского историко-архитектурного заповедника. – Славяногорск: СГИАЗ, 1995. – С. 81.
12. Газета «Всероссийская кочегарка». – 02.12.1922.
13. Малаков Д. Урядовий архітектор/ Малаков Д.// газета «Слово просвіти». – Ч.2. – 13-19.02.2011.
14. Там само.
15. Дедов В.Н. Святые горы. От забвения к возрождению. К.: РПО «Полиграфкнига», 1995. – С.60.
16. Малаков Д. Архітектор українських столиць. – [Ел. ресурс] Режим доступу: http:gazeta.zn.ua/SOCIETY/arhitektor_ukrainskih_stolits.html
17. Дядюшенко Г. Головний храм Святогірського монастиря// З історії української реставрації. – К.: Українознавство, 1996. – С.236.
18. Дедов В.Н. Проблемы реставрации интерьера Успенского собора XIX в. Свято-Успенской лавры в Донецкой области //Святогірський альманах 2006. Збірник наукових праць КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську». – Донецьк: Журнал «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2006. – С.95-96.

Іл.1. Архітектор
А. М. Горностаєв
(1808 – 1862).

Іл.2. Брюлов К.П.
Портрет архітектора
А. М. Горностаєва.
1828. Полотно, олія. 49х38 см.
Центральний музей Татарії,
Казань.

Іл.3. Архітектор
С. В. Григор'єв (1896–1975).

Рыжкова М. С.

«ТЕБЕ, ИМЕЮЩЕМУ БЫТЬ РОЖДЕННЫМ СТОЛЕТИЯ СПУСТЯ…»
(к 100 юбилею пребывания М. Цветаевой в Святых Горах)

В 2015 году исполняется 100 лет с того времени, как Святые Горы посещала известная поэтесса Марина Цветаева (ил.1). По-разному оценивали творчество и жизнь Цветаевой современники и исследователи, для одних она была идолом, примером для подражания, ее таланту поклонялись, а для других – опальной поэтессой, не понявшей и не принявшей изменившейся Родины.

Становление поэтессы Марины Цветаевой началось в Москве, в профессорском доме, полном книг, интересных собеседников, тихих вечеров за чтением. С детства появилось в Цветаевой-поэте не просто зоркость глаз, а впечатлительность, помноженная на привязанность к увиденному.

Марина Цветаева как поэт прошла блестящую филологическую школу и к собственному ученичеству относилась почти благоговейно: «Есть некий час, как сброшенная клажа, / когда в себе гордыню укротим. / Час ученичества! Он в жизни каждой / Торжественно неотвратим!». Училась она, прежде всего, по гимназическим учебникам истории родной литературы, знала ее прекрасно: и древнюю, и фольклор, и XVIII век, цитировала по памяти Тредиаковского, а Пушкин «проанализирован» ею по детским впечатлениям в книге «Мой Пушкин» с таким чувством языка, художественной речи, ее законов, что сразу становится понятно: у такого поэта должен был очень рано обнаружиться свой стиль и неповторимый голос [3, с.7].

В Серебряный век русской поэзии М.Цветаева вошла гимназисткой, издавшей на собственные деньги первый поэтический сборник «Вечерний альбом». В названии самого сборника, а также стихотворений просматриваются музыкальные и художественные ассоциации, что не удивительно. Мать Цветаевой была строгой, взыскательной, влюбленной в музыку, талантливой пианисткой, свою любовь к музыке передавшей детям. Отец Иван Владимирович Цветаев – тайный советник, известный филолог, профессор Императорского Московского университета, директор Румянцевского музея, основатель и собиратель Музея изящных искусств.

Небольшой сборник стихотворений многое изменил в судьбе юной Марины: ввел в литературные круги, подарил дружбу с Максимилианом Волошиным, даровал любовь к Сергею Эфрону.

Первые годы совместной жизни Сергея Эфрона и Марины Цветаевой были самыми счастливыми в жизни писательницы.

В 1914 году Марина Цветаева знакомится с поэтессой Софией Парнок (ил. 2). Обе поэтессы, испытывая поначалу огромное счастье друг от друга, в глубине души сразу почувствовали, что в итоге должны будут разойтись. О любви к женщинам в биографии Цветаевой говорить не принято, но именно с ней поэтесса летом 1915 года отдыхала три недели в Святых Горах. Перед этим М. Цветаева и С. Парнок некоторое время жили в Коктебеле, в доме Волошина. Цветаева часто уезжала на лето в Коктебель. Инициатором совместной поездки в Святые Горы Харьковской губернии была, видимо, Парнок, у которой здесь были знакомые и можно было остановиться в приго-

товленных дачах курорта графа Г.И. Рибопьера (сейчас г. Святогорск Донецкой обл.). О том, что это было именно так, сообщает в своём письме мать поэта М. Волошина, Е.О. Волошина к Ю.Л. Оболенской от 5 августа 1915 года: «…Марина с Соней уже уехали куда-то в Малороссию, к знакомым Сони…» [4].

Приоритет открытия этого «цветаевского» места на Украине следует отдать исследовательнице творчества М. Цветаевой С.В. Поляковой. В 1983 году в США вышла её монография «Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок», в которой приведены письма из Святых Гор и стихотворения Цветаевой и Парнок, написанные в Святых Горах на Северском Донце в июле-августе 1915 года. Известно, что выехали они, Марина Цветаева, София Парнок, дочь Ариадна с няней из Коктебеля в Святые Горы 22 июля [7, с.28]. Поселились, видимо, у знакомых С. Парнок на даче №14 Лазуренко, расположенной на графском участке *(участок графа Г.И. Рибопьера, владельца Святогорского курорта – авт.)*. Это следует из обратного адреса на письме М.Цветаевой к Л.Эфрон, сестре мужа. Поисками местонахождения этой дачи занимались многие исследователи Святогорья, среди них известный краевед И. Овчаренко [5]. Сама дача не сохранилась, но по предположению исследователей она находилась на территории современного санатория «Святые Горы». Об архитектуре дачных строений на графском участке можно судить по сохранившимся фотографиям и почтовым открыткам того времени. В изданном в 2013 году каталоге почтовых открыток XIX-XX ст. «Святые Горы» приведены фото нескольких дач, среди которых дача №18, находившаяся, видимо, недалеко от дачи №14 [8, с.55] (ил. 3). В 1993 году при входе в санаторий «Святые Горы» в г. Святогорске был установлен памятный знак М. Цветаевой (ил. 4). Среди тех, кто принимал в этом непосредственное участие, была преподаватель русского языка и литературы из г. Зугрэса Тамара Славутская. «Идея установления его принадлежит С. Конторину – исследователю творчества Марины Цветаевой из Александрова. В письмах в Святогорск и ко мне, жившей тогда в Зугрэсе Донецкой области, он настойчиво рекомендовал воплотить эту идею» [6, ил. 5]. Именно она, страстная почитательница творчества М. Цветаевой, поехала в 1982 г. в г. Александров Владимирской области на конференцию, посвящённую 100-летию со дня рождения Цветаевой, откуда, собственно, и привезла информацию о пребывании поэтессы в наших краях. Предложение об установке памятного знака было поддержано Славяногорским городским советом во главе с его председателем Е.Л. Божко. Известны заметки Т. Славутской по поводу поиска дачи Лазуренко №14 в Святых Горах, где отдыхала Марина Цветаева: «…в той местности фамилия Лазуренко была очень распространённой, и сложным представлялось определить личность. Помог случай. 82-летний продавец грибов на рынке в Святогорске при моём сообщении о поисках следов пребывания поэтесс и упоминании имени хозяина дачи Лазуренко с живостью воскликнул: «А я знаю: Андрей Петрович его звали. Он «извозчикував» (на донбасском суржике). Дом у його був двухэтажный – дача, а его дом – за полкилометра на другой улице, называлась раньше Подлесная, а сейчас – Октябрьская. Живёт в йому сейчас детский врач». И объяснил местонахождение дома: «Блызько обувного магазина». Верю сразу – именно это место в стихах святогорской поры обозначено строчкой: «Уж с домами дома расходятся» [9]. В деле установки па-

мятного знака Т. Славутская понимание и поддержку получила только со стороны книголюбов. Благодаря неустанной подвижнической деятельности ответственного секретаря областной организации общества любителей книги Галины Чумак был проведен благотворительный концерт, посвященный памяти Марины Цветаевой, открыт счет и собраны необходимые для изготовления и установки памятника средства», писала газета «Вечерний Донецк» [1]. Осенью 1993 года памятный знак (скульптор Ю. Балдин, архитектор М. Шундерук) был торжественно открыт. К сожалению, отлитый из цветного металла барельеф поэтессы к настоящему времени не сохранился (ил. 6). На этом месте сейчас установлена памятная доска (ил.7).

Парадокс Цветаевой состоит в том, что она не оставила поэтического наследия, которое воспевало бы красоту и величие Святых Гор. Впечатления от Святых Гор поэтесса выразила в нескольких словах в письме от 30 июля 1915 года Лилии Эфрон: «Милая, милая Лиленька. Сейчас открыла окно и удивилась – так зашумели сосны. Здесь, несмотря на Харьковскую губернию – Финляндия: сосны, песок, вереск, прохлада, печаль…» [2]. Эти строки свидетельствуют, что душевное состояние Марины было далеко от того умиротворённого состояния, которое, как правило, возникает у прибывших на отдых и лечение в Святые Горы. Благодатный край, вдохновлявший на творчество многих известных писателей, поэтов, художников, видимо, не нашел отклика в душе Марины Цветаевой. Время было очень тревожное. Шла первая мировая война. Муж Марины, Сергей Эфрон отправился добровольцем на фронт. Известий о нём в период пребывания в Коктебеле и Святых Горах у Марины не было. Как следует далее из текста упомянутого письма, мысли Цветаевой тогда были заняты тревогами о муже, и непростыми отношениями с Софией Парнок: «Вечерами, когда уже стемнело, – страшное беспокойство и тоска: сидим при керосиновой лампе-жестянке, сосны шумят, газет нет, известия не идут из головы, – кроме того, я уже 8 дней не знаю, где Сережа, и пишу ему наугад то в Белосток, то в Москву, без надежды на скорый ответ. Сережу я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда от него не уйду. Пишу ему то каждый, то – через день, он знает всю мою жизнь, только о самом грустном я стараюсь писать реже. На сердце – вечная тяжесть. С ней засыпаю и просыпаюсь. Соня меня очень любит и я ее люблю – и это вечно, и от нее я не смогу уйти. Разорванность от дней, которые надо делить, сердце все совмещает. Веселья – простого – у меня, кажется, не будет никогда и вообще, это не мое свойство. И радости у меня до глубины – нет. Не могу делать больно и не могу не делать...» [2]. Добавим, что письмо написано Цветаевой в день тридцатилетия Парнок.

Возвращаясь к творчеству М. Цветаевой в период пребывания в Святых Горах, следует заметить, что сохранилось только одно стихотворение, датированное 5 августа 1915 года:

Спят трещётки и псы соседовы, –
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный не выведывай
Для чего развожу засов.

Юный месяц идёт к полуночи:

Час монахов и зорких птиц,
Заговорщиков час и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь ездок, торопи коня.
Мы пройдём кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уже с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс…
Здесь у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы,
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локон,
Шелест шёлка вокруг колен…
О, возлюбленный, – видишь вот она –
Отравительница! – Кармен.

Святые Горы, 5 августа 1915 г.

Исследователи творчества Марины Цветаевой отмечают, что именно тогда, в Святых Горах появилось нечто новое в «цветаевской лирике»: «Это – новое слово в лирике Цветаевой: романтическая стилизация под иноземное и иновременное, которая расцветет в 1916-1919 годы, например в циклах «Кармен», «Дон-Жуан», «Плащ» и, наконец, в романтических пьесах.

Так, 5 августа 1915 года в многоголосие цветаевской лирики включился еще один, доселе не звучавший голос» [7,с.29]. Вместе с тем, в этом стихотворении, собственно как и в письме Цветаевой из Святых Гор, отражён весь драматизм ситуации, когда Марина вынуждена разрываться между двумя самыми сильными привязанностями – к Сергею и к Софие. Такое же тревожное душевное состояние можно почувствовать в стихотворениях, написанных С. Парнок в Святых Горах. Их три. Первое датируется 31 июля:

Летят, пылая, облака,
Разрушился небесный город.
Упряма поступь и легка,
Раскинут ветром вольный ворот.

Кто мне промолвил «добрый путь»,

Перекрестил – кто на дорогу?
Пусть не устанут ветры дуть,
От своего стремить порога.

Былое – груз мой роковой –
Бросаю черту на потребу.
Над бесприютной головой
Пылай, кочующее небо! [5]

Нужно отметить, что это стихотворение написано на следующий день после 30 годовщины от дня рождения поэтессы. В стихотворении, написанном 1 августа, Парнок продолжает развитие темы поиска мятущейся души, поиска своей мечты:

Журавли потянули к югу.
В дальний путь я ухожу.
Где я встречу ее, подругу,
Роковую госпожу?

В шумном шелке ли, в звонких латах?
В кэбе, в блеске ль колесниц?
Под разлетом бровей крылатых
Где ты, ночь ее ресниц?

Иль полуношные бульвары
Топчет злой ее каблук?
Или спрятался локон ярый
Под монашеский клобук?

Я ищу, подходя к театру,
И в тиши церковных стен –
Не Изольду, не Клеопатру,
Не Манон и не Кармен! [5]

Четыре дня спустя, 5 августа, Парнок написала еще одно, прямо обращенное к Марине стихотворение. Оно появилось под впечатлением посещения храма Святогорского монастыря и звучит как преждевременная эпитафия их роману:

Смотрят снова глазами незрячими
Матерь Божья и Спаситель-Младенец.
Пахнет ладаном, маслом и воском
Церковь тихими полнится плачами.
Тают свечи у юных смиренниц
В кулачке окоченелом и жестком.
Ах, от смерти моей уведи меня,

Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!
Не в твоем ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соименница моря!

5 августа 1915 года

Марина Цветаева и София Парнок жили в Святых Горах три недели. 19 августа они уже были в Москве, что явствует из письма Майи Кудашевой (супруги Ромена Ролана во втором браке – авт.) к Вячеславу Иванову от 20 августа 1915 года: «…вчера были у Сони Парнок, – та говорила летние стихи, – и Марина тоже, – такие мне не написать никогда» [4]. Больше Святые Горы Марина Цветаева не посещала. В преддверии 100-летнего юбилея хотелось бы выразить пожелание о воссоздании первоначального вида мемориального знака с барельефом поэтессы, который был поставлен в Святогорскек 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой и торжественно открыт 8 октября 1993 года.

Литература:

1. Герланец В. Долгое возвращение / В. Герланец // Вечерний Донецк. – №173. – 1993.
2. Диана Левис Бургин. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо / http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=burgin&id=3
3. Минералова И.Г. О стиле Марины Цветаевой / И.Г. Минералова // Литература в школе. – № 9. – 2003. – С. 7-17.
4. Наследие Марины Цветаевой. Письма Е.Я.Эфрон. 1915./http://www.tsvetayeva.com/letters/let_efron_e_ja2.php#jul30_1915
5. Овчаренко І. Крізь далеч років: письменники в нашому краї / І.Овчаренко. – Слов'янськ: «Печатный двор», 2005. – С. 67-68.
6. Полякова С.В. Незакатные дни: Цветаева и Парнок, ч.1 http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=16
7. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999. – 816 с.
8. Святі Гори: Каталог поштових листівок XIX-XX ст. Зібрання Г.М. Киркача, О.Й. Духіна, КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник у м. Святогірську». – Вид. 2. – Донецьк: «Східний видавничий дім», 2013. – 116с.
9. http://www.gazetakoroleva.ru/?number=2010084&chnum=1&st=566&str_next=588.

Ил.1. Марина Цветаева.

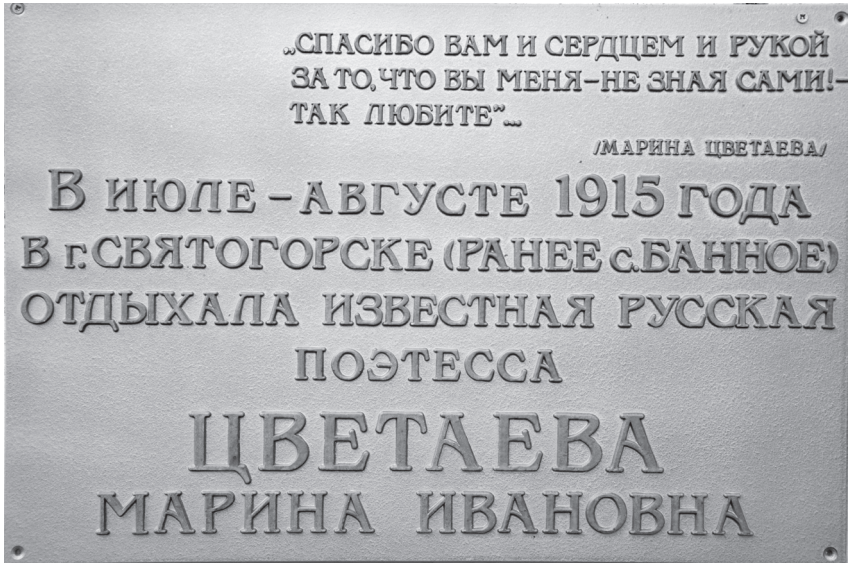
Ил.2. София Парнок.

Ил.3. Дача № 18.

Ил.4. Памятный знак
М. Цветаевой. 1993г.

Ил.6. Барельеф на памятном знаке
(скульптор Ю. Балдин).

Ил.5. М. Шундерук, С. Отченашенко, Ю. Балдин, Г. Чумак, Т. Славутская
(слева направо).



Ил.7. Мемориальная доска на памятном знаке М. Цветаевой.

Ил.8. Памятный знак М. Цветаевой в Святогорске. Современный вид.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШНУРКОВЫХ В СЛАВЯНСКЕ
(к 125-летию основания Воскресенской церковно-приходской школы)

Меткая характеристика Славянска как купеческого города общеизвестна. Среди многочисленного славянского купечества наиболее известна династия купцов Шнурковых. Потомственный почетный гражданин Российской империи, почетный гражданин города Славянска, кавалер ордена Анны 3-й степени Авксентий Васильевич Шнурков, пожалуй, самый яркий представитель этого сословия. Его отец, бердянский купец 2-й гильдии Василий Максимович Шнурков, стал потомственным почётным гражданином ещё в 1859 году. В определении Правительствующего Сената по этому поводу записано:

«Возвести его с семейством в потомственное почетное гражданство и изготовив грамоту на сие звание, отослать для выдачи ему по месту жительства его в Харьковской губернии в заштатный город Славянск…» [10].

Ниже приведен текст самого указа, который удостоверяет, что вместе с главой семейства почётное потомственное гражданство получили и члены семьи В.М. Шнуркова:

Божиею Милостию
Мы, Александр Вторый
Император и самодержец Всероссийский
Царь Польский, Великий князь Финляндский
И прочая и прочая и прочая

Манифестом в 10 день апреля 1832 года установлено сословие почетных граждан, на правах, в оном предначертанных; а как верноподданный Наш Бердянский (Таврической губернии) второй гильдии купец Василий Максимов Шнурков представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство; то возводя онаго Бердянского второй гильдии купца Василия Максимова, с женою его Прасковьею Васильевою и детьми их сыновьями: Иваном, Ионом, Авксентием и дочерью Марьею Васильевыми в сословие почетных граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и потомству его всеми правами и преимуществами, Манифестом сему сословию дарованными. В свидетельство чего Повелели Мы сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною Нашею печатью укрепить. Дана в Санкт-Петербурге декабря 16 дня 1859 года.

Сенатор и Кавалер Николай Ахвердов
Сенатор и Кавалер Александр Котовский
Сенатор и Кавалер Епистофор Зуров
Сенатор и Кавалер Иван Гринвальд [10]

О торговой деятельности Василия Шнуркова в Славянске ничего не известно. Его старший сын Иван вёл свои купеческие дела, проживая в Санкт-Петербурге [1]. Иван Васильевич был торговым комиссионером, уполномоченным знаменитых петербургских купцов Елисеевых [5]. Последние прославились своей благотворительностью, жертвуя средства на образование детей из бедных слоев населения, обустройство

храмов, больниц и богаделен. В число санкт-петербургских благотворителей входил и Иван Васильевич Шнурков. Вместе с тем, братья Шнурковы, Иван и Авксентий, немало потрудились на ниве благотворительности в Славянске. Известно, что на возобновление Воскресенского храма (ил.1) Иваном Васильевичем было пожертвовано до 30 тыс. руб. [8,с.7]. В дальнейшем благотворительные проекты от имени купцов Шнурковых осуществляет младший брат Авксентий, унаследовавший капитал после кончины Ивана Шнуркова.

Умер И.В. Шнурков 3 декабря 1895 года [8,с.10]. Сохранились фрагменты надгробия с семейной усыпальницы Шнурковых с указанием даты смерти, что дает основание полагать, что похоронен Иван Васильевич был на Старогородском кладбище Славянска, собственно как и другие члены семьи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся мемориальные плиты (ил.2-5). После смерти брата Авксентий Васильевич не пожелал жить и вести дела в Петербурге, поэтому доходный дом, построенный братом Иваном на углу Тверской улицы и Лафонской площади, продал доктору И.Я. Фомину – будущему зятю А.Г. Елисеева [3]. Благотворительная деятельность купцов Шнурковых в Славянске в этот период становится весьма заметной и во многом определяет социально-культурное развитие города. Перечень внесённых пожертвований весьма сложно установить полностью. Об этом сохранились сообщения в духовных и светских периодических изданиях [2]. Уже после смерти Ивана Васильевича от имени братьев Шнурковых Авксентий Васильевич пожертвовал 41 тыс. руб. на строительство городской больницы. На эти деньги больница была построена «в черне». Сюда перенесли Степановскую больницу – первую городскую больницу, основанную в 1806 году на средства детей Степана Сергеевича Таранова-Белозерова. Новой больнице присвоили имя братьев Шнурковых. В настоящее время это хирургическое отделение ЦГБ (ил.6).

Авксентий Васильевич был бессменным (с 1885 года) старостой Воскресенского храма и постоянно жертвовал деньги на его обустройство. В 1897 году «в память и ознаменование Священного Коронования Их Императорских Величеств» приобрел для Воскресенского храма колокол весом 310 пудов и стоимостью 5 200 руб. [11]. Долгие годы приезжающие на лечение в Славянские минеральные воды не имели возможности осуществлять свои духовные требы. 16 августа 1903г., во время проезда Высокопреосвященнейшего архиепископа Харьковского и Ахтырского Арсения из Святых Гор через ст. Славянск в Харьков, директор Славянских минеральных вод проф. С.И. Залеский по поручению Управления вод обратился к Владыке с ходатайством сооружения часовни св. Пантелеймона – целителя в одном из парков минеральных вод. По благословению владыки был создан особый комитет для сбора пожертвований, возглавил который А.В.Шнурков. Часовня св. Пантелеймона – целителя была построена. В настоящее время здесь располагается бювет минеральных вод [7].

Губернская газета «Южный край» сообщала, что 10 октября 1905г. в Харькове был освящено новое трехэтажное здание на 25 квартир для чиновников духовной консистории по ул. Каплуновской. Стоимость здания составила 58 тыс. руб., из которых 3 тыс. пожертвовал А.Шнурков [13]. Известны его пожертвования на лечение малоимущих, детей-сирот [7].

Ещё более весомым был вклад братьев Шнурковых в строительство учебных заведений Славянска и прежде всего церковно-приходской школы, названной в их честь

– «Славянская второклассная церковно-приходская школа братьев Ивана и Авксентия Шнурковых». Это был своеобразный комплекс зданий, куда входили Воскресенская одноклассная церковно-приходская школа для мальчиков (ил.7), одноклассная церковно – приходская школа для девочек (ил.8), второклассная церковно-приходская школа (ил.9). Все указанные здания были возведены на городской усадьбе, принадлежащей Шнурковым [8,с.14-15]. Авксентий Шнурков (ил.10), глубоко верующий человек, посвятил этой школе почти двадцать лет своей жизни. Очевидно, она была его гордостью и свидетельством щедрой души братьев. Не случайно современники отзывались о школе братьев Шнурковых как о просветительском центре. На сохранившейся почтовой открытке начала XX века под названием «Шнурковская платформа» (ил.11) просматривается комплекс построек учебного заведения, возле которого располагалась пассажирская платформа железнодорожной ветки. Платформа была построена на средства братьев Шнурковых «для облегчения посещения церковно-приходской школы детьми из пристанционного поселка Ново-Славянск» (район ж.-д. вокзала) [8,с.88]. Школа давала начальное образование детям из бедных слоев населения, готовила учителей для «захолустных уголков обширной Харьковской епархии» и отличалась образцовой постановкой учебно-воспитательного процесса. Сохранилась небольшая брошюра с описанием этой удивительной для того времени школы [8]. Основание школы было положено в 1889 году, когда городская дума приняла решение о создании Воскресенской одноклассной церковно-приходской школы и отвела для этой цели двухэтажный дом. На нужды школы было собрано 200 рублей, из которых 70 пожертвовал Авксентий Шнурков [8, с.5]. Школа приобрела популярность в городе. Дума, выразив благодарность устроителям школы – священникам Воскресенской церкви (отцу Николаю Доброславскому и псаломщику Федору Горбачевскому), продлила срок пользования домом. В 1892 году город посетил Иван Васильевич Шнурков. Много сделавший для обновления Воскресенского храма, он не оставил без внимания и Воскресенскую школу. Впечатленный ее успехами, он принял на себя звание попечителя, а брату поручил построить новое, более подходящее для школы здание. Красивое деревянное здание для школы было построено и обеспечено всем необходимым. Расходы по отоплению, приобретению мебели и школьных принадлежностей, содержанию прислуги и прочее взял на себя попечитель [8].

«Доведши до возможного совершенства» школу для мальчиков, Шнурковы принялись создавать школу для девочек. 20 ноября 1894 года для этого была выделена отдельная классная комната и приглашена учительница Анастасия Рыбалкина [8, с.10]. Жалование и квартиру учительница получала за счет средств Шнурковых. После смерти брата Ивана Авксентий Шнурков принял на себя обязанности попечителя, задавшись целью воздвигнуть «более солидный монумент в память горячо любимого брата и назвать такое учреждение его именем» [8].

Еще 12 сентября 1892 года обер-прокурор Святого синода обратился с циркулярным письмом к начальникам губерний, попросив их содействовать учреждению на местные средства двухклассных ЦПШ с учительскими курсами и курсами сельского хозяйства. Курсы должны были готовить учителей для школ грамоты. С этой целью предполагалось учредить в каждом уезде по две второклассных школы и принимать в них лучших учеников в возрасте от 13 лет, окончивших окрестные одноклассные

школы. Авксентий Шнурков принял на себя звание попечителя вновь учреждаемой школы. 1 октября 1896 года Воскресенская ЦПШ была преобразована во второклассную [8]. Новое каменное здание Славянской второклассной церковно-приходской школы братьев Шнурковых было построено в 1897 году. Оно впечатляло современников своими размерами и внутренним обустройством. Длинным коридором здание разделялось на две половины и состояло из 17 отдельных помещений. По одну сторону коридора – три класса, мастерская, рекреационный зал, спальная комната и квартира учителя (три комнаты). По другую – две спальни, сундучная, учительская, библиотека, комната для сторожа. Три комнаты были выделены для больницы. В ней три раза в неделю городской врач В.Н. Коссовский бесплатно осматривал учеников. В школе было организовано преподавание трех ремесел: столярно-токарного, слесарного и переплетного. Для практических занятий имелся полный набор инструмента [8]. На средства Шнуркова содержалась половина пансионеров (20 человек). Он знал каждого ученика и его нужды, причем, не только в процессе обучения, но и после окончания ими школы. Выпускники вели переписку с учителями и попечителем. Им помогали советом, оказывали материальную помощь. Церковно-приходская школа, где учились девочки, помещалась в отдельно построенном здании. Для занятий с юными славянками в 1898 году была дополнительно приглашена учительница Александра Яновская. Она занимала должность старшей учительницы и преподавала рукоделие. Стол, квартиру и жалование получала от попечителя [8].

В конце учебного года попечитель совместно с детьми совершал традиционное паломничество в Святогорский монастырь [8, с.65].

Заведующий школой священник Николай Доброславский (ил.12), учителя Григорий Навродский, Владимир Войтенко, диакон Иван Сукачев и другие вели преподавание на таком уровне, что церковно-приходская школа вскоре стала называться Славянской второклассной учительской школой.

Школу посещал наблюдатель церковных школ Российской империи В.И.Шемякин, члены Епархиального училищного совета, представители городского и общественного управления, духовные лица и все, кто интересовался народным образованием. Учителя школы щедро делились опытом, устраивали «показательные» уроки. О школе писала губернская и столичная пресса.

12 августа 1899 года школу посетил Высокопреосвященнейший Амвросий, архиепископ Харьковский и Ахтырский. Он оставил благодарственную запись в книге для записи почетных посетителей школы. По его ходатайству в том же году А.Шнурков был награжден орденом Анны 3-й степени, а городская дума ходатайствовала о присвоении ему звания почетного гражданина города Славянска. Это звание А.Шнуркову было утверждено Высочайшей волей 14 февраля 1900 года. Неоднократно награждался и преподавательский состав школы [12].

А.В.Шнуркова и его школу красноречиво характеризуют слова современника: «В такой глуши, как окраина заштатного города, увидать столь рационально, с таким знанием дела и щедростью устроенный истинный центр образовательно-воспитательный, – удается не каждый день… Если бы каждый уезд имел своего «Шнуркова», нашим Славяносербским и Бахмутским земским управам не приходилось бы обсуждать мертворожденные проекты о «всеобщем, обязательном, первоначальном образовании» [4].

А.В.Шнурков ко всему был членом Славянского отделения Харьковского благотворительного общества [6], Изюмского уездного отделения Харьковского епархиального училищного совета [9].

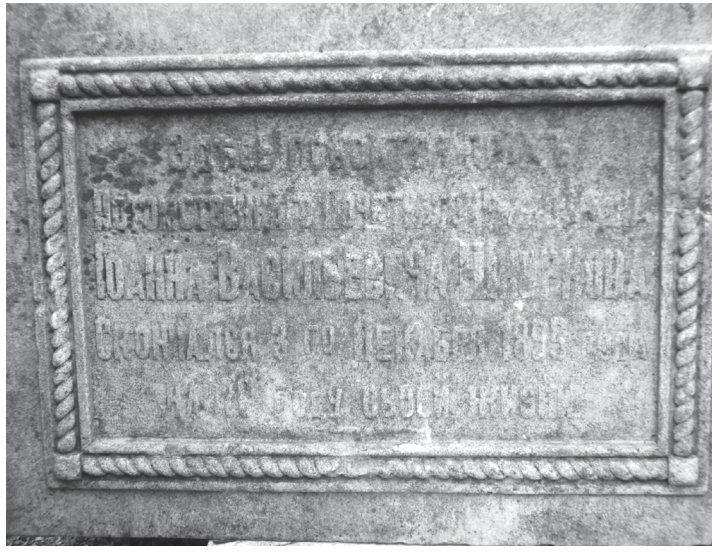
Точная дата смерти А.В.Шнуркова пока не установлена. Возможно 1909 год. Косвенно на нее указывает тот факт, что с этого года попечительницей школы числилась Марфа Андреевна Шнуркова, супруга А.В.Шнуркова [4]. В 1912 году в память А.В.Шнуркова Марфой Андреевной была построена деревянная Архангело-Михайловская церковь в селе Приволье, где находилось поместье Шнурковых [14]. Церковь не сохранилась.

В Славянске, на старом городском кладбище, находилась родовая усыпальница Шнурковых, где были захоронены Василий Максимович Шнурков, его жена, сыновья Иван, Иона и дочь Мария. На месте семейного захоронения Авксентий Шнурков установил красивое надгробие из итальянского мрамора.

Література:

1. Адресная книга города С.-Петербурга... / Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П.О. Яблонского. – Санкт-Петербург: Лештуков. скоропеч. Яблонского, 1892-1902.
2. Вера и разум. Том II. Листок для Харьковской епархии. – Харьков, 1895,1898.
3. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на... / ред. Н.И. Игнатов. – [Санкт-Петербург]: А.С. Суворин: [1894]-1914. Весь Петроград..., 1916-1917.
4. Именной список лиц, служащих по церковно-школьному управлению заведывающих и учащих в церковно-учительских и второклассных школах на 1913 год. - СПб.: Синодальная типография, 1913.
5. Краско А.В. Петербургское купечество: страницы семейных историй. – М.: Центрополиграф, 2010.
6. Очерк полувековой деятельности Славянского отделения Харьковского благотворительного общества (1846-1896). Составил А.В.Мандрикин. – Славянск: типография А.О.Котлярова, 1896.
7. Сезонный листок Славянских минеральных вод. – Славянск, 1898-1909 гг.
8. Славянская второклассная церковно-приходская школа Харьковской епархии братьев Ивана и Авксентия Шнурковых. – Харьков: Типо-литография «Печатное дело» кн. Гагарина. Клочковская ул., №5, 1900.
9. Харьковский календарь на 1905г. Издание Харьковского губернского статистического комитета под редакцией М.И. Плещеева. – Харьков, 1904.
10. Центральный государственный исторический архив Российской Федерации в Санкт-Петербурге. – Фонд 1343 опись 39 дело 5586.
11. Церковные ведомости. Том 1. – Харьков, 1897.
12. Церковные ведомости. Том 2. – Харьков, 1899, 1901.
13. Южный край. Газета. 10 октября 1905г. №8597.
14. Сайт департамента генеалогии Харьковского частного музея городской усадьбы.- [Электр. ресурс] – Режим доступа: http://www.otkudarodom.com.ua/kurulka.html

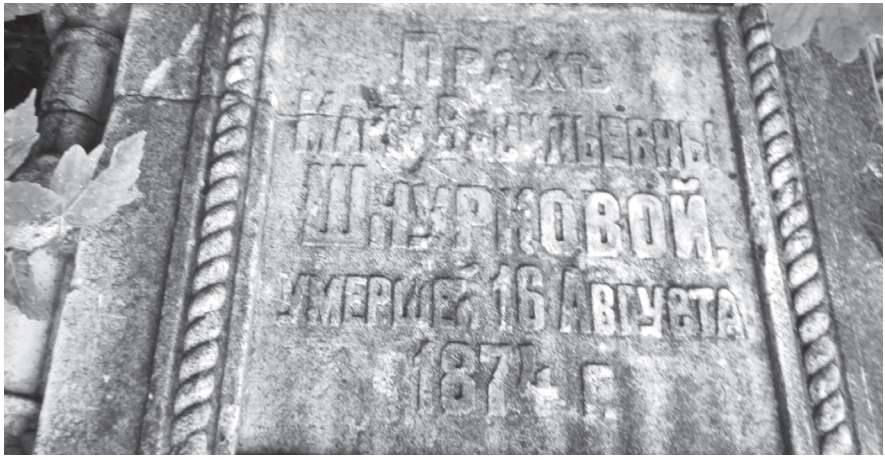
Ил.1. Почтовая открытка. Славянск. Воскресенская церковь.



Ил.2. Фрагмент семейного надгробия Шнурковых.

Ил.3. Фрагмент семейного надгробия Шнурковых.

Ил.4. Фрагмент семейного надгробия Шнурковых.



Ил.5. Фрагмент семейного надгробия Шнурковых.

Ил.6. Хирургическое отделение Славянской ЦГБ им. Ленина (больница Шнуркова).

Ил.7. Одноклассная мужская ЦПШ в Славянске.

Ил.8. Одноклассная женская ЦПШ в Славянске.

Ил.9. Второклассная ЦПШ в Славянске.

Ил.10. Портрет А.В.Шнуркова.

Ил.12. Священник Н. Доброславский, заведующий Славянской ЦПШ.

Ил.11. Почтовая открытка. Славянск. Шнурковская платформа.

Щибря Л.И.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СВЯТОГОРЬЕ
(из опыта работы по поиску места гибели лётчика А. Казакова)

События второй мировой войны на плацдарме среднего течения Северского Донца освещались различными авторами. Достаточно полно освещены вопросы военных операций при оборонительных боях 1941-1942 годов, наступление и освобождение плацдарма от немецко-фашистских захватчиков летом 1943 года [2].Отдельные издания, или, вернее сказать, разделы в изданиях, посвящены истории противостояния в воздухе лётчиков Красной армии и Люфтваффе [3].

Вместе с тем, тема военной истории становится неисчерпаемой, когда речь идёт о конкретных человеческих судьбах, о погибших и пропавших без вести бойцах. Говорят, что война не закончилась, пока не захоронен последний солдат. В оврагах, лесах, среди полей ещё много солдат, которые остались лежать в старых траншеях и воронках. В обобщающем издании «Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Известные и неизвестные страницы истории», вышедшем в издательстве «Донеччина» в 2008 году, вопрос воинских захоронениях стал предметом исследования. В частности авторы отмечали, что «вопрос о местах захоронения погибших воинов был и остаётся до настоящего времени крайне слабо изученным. Ни в государстве, ни в области… до сих пор нет точной цифры воинских захоронений периода Великой Отечественной войны…» [1,с.228]. По данным авторов выше упомянутого издания, установлены районы наибольшей концентрации останков погибших воинов, в том числе на территории Славянского района – более 20 тысяч [1,с.228]. Конкретные места гибели многих воинов и места их захоронений неизвестны до настоящего времени. Из собственного опыта поисковой работы на территории Изюмского и Славянского районов могу констатировать, что из 75 обнаруженных останков незахороненных солдат только у двоих были найдены посмертные медальоны. Благодаря им останки без вести пропавшего Николая Звягинцева с Кубани были похоронены на мемориальном комплексе села Долгенькое Изюмского района. Дочь Николая Звягинцева узнала о месте гибели и захоронения её отца. Умирзак Ихтеляпов из Кустанайского края получил известие о месте гибели дяди Султана Эркимбаева, останки которого были недавно похоронены в селе Ерёмовка Изюмского района.

Настоящий материал посвящён опыту поисковой работы последних лет, когда была поставлена задача отыскать место гибели и по возможности останки погибшего на территории Славянского района Донецкой области, на плацдарме Северского Донца, близ Святых Гор лётчика Алексея Казакова (ил.1).

Начало поисков было положено приездом в село Ерёмовку Изюмского района группы поисковиков из Москвы. Инициатором выступил москвич Алексей Панфёров, племянник погибшего лётчика. Предварительно проделав огромную работу по поиску свидетельств, архивных документов по личному составу части – 31-го истребительного авиационного полка (ИАП) 295-й истребительной авиадивизии 9-го смешанного авиакорпуса 17-й Воздушной армии Юго-Западного фронта, где служил его родной

дядя. В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), в городе Подольске был найден материал о 21-летнем лётчике, младшем лейтенанте Алексее Казакове и последнем его бое с самолётами люфтваффе в небе над Святыми Горами [4; 5].

Из личного дела Алексея Казакова следовало, что учился он летать на знаменитом самолёте По-2 в Борисоглебском аэроклубе Осоавиахима, что в Воронежской области. Обучение проходил в 1938-1939 годах, в период своей учёбы в Борисоглебском дорожном техникуме. Недавно на чердаке одного из домов была обнаружена фотография курсантов аэроклуба, среди которых был и Алексей Казаков (ил.2). Успешно завершив обучение в аэроклубе, А.Казаков поступил в Борисоглебскую школу военных лётчиков им. В.П.Чкалова и после окончания её стал лётчиком-инструктором.Вначале 1943 года он был переведён в действующий 31-й истребительный авиационный полк. Среди других материалов в ЦАМО РФ сохранились оперативные сводки, именные списки потерь, фотоальбом полка. Один из снимков воспроизводит личный состав 2-й эскадрильи 31-го ИАП в феврале 1943 года, когда полк находился на переподготовке на ст. Сейма Горьковской области (ил.3.1;3.2) [4, л.45, 60].

Алексей Казаков летал на одном из лучших истребителей второй мировой войны – Ла-5. На его счету было шесть лично и один в группе сбитых самолётов противника.Сохранился любопытный документ – «Заявка на победы младшего лейтенанта Казакова А.Ф.» (ил.4.). Согласно тексту документа А.Казаков менее чем за месяц (с 28 июня по 23 июля 1943 года) сбил пять немецких самолёта Bf-109 и один– Hs-126 [2, л.37]. Касательно расшифровки названий сбитых самолетов, указанных в таблице, следует заметить, что Bf-109 более известен под названием «Мессершмитт Bf109», так как он разрабатывался Вилли Мессершмиттом в компании «Баварские Авиазаводы» (Bayerische Flugzeugwerke). Во всех официальных немецких документах в обозначении самолёта использовалась аббревиатура «Bf». Тем не менее, после июля 1938 года, когда компания «Bayerische Flugzeugwerke» была переименована в «Messerschmitt AG», внутри компании, а также в некоторых изданиях Люфтваффе стало широко использоваться обозначение «Me 109». В литературе используются оба обозначения, и оба считаются правильными. Упоминаемый там же Hs-126 – это немецкий биплан «Хеншель», который использовался люфтваффе в качестве штурмовика и разведчика.

За два дня до своей гибели А.Казаков потерял своего напарника, капитана Мартыненко. Согласно оперативной сводке за 21 июля 1943 года пара Казаков-Мартыненко вылетела из аэродрома Сватово в район боёв по линии Камянка-Букино-Красный Яр. Сбито было 3 самолёта противника. Капитан Мартыненко и младший лейтенант Казаков вели бой с тремя группами Ме-109Ф. Самолёт Казакова был повреждён, но лётчик сумел вывести самолёт и дотянуть до аэродрома.Капитан Мартыненко был подбит и упал в районе Студенка [5, л.61-63].

Житель села Студенок, Шмулич Николай Артёмович, рассказал поисковикам, как он, будучи еще ребенком, летом 43-го года видел упавший Ла-5. Пилота с оторванными ногами выбросило из самолета. Этим пилотом мог быть капитан Мартыненко.

За сбитые самолёты противника Алексей Казаков был представлен к наградам – ордену Боевого Красного Знамени и медали «За отвагу» [5, л.71]. Награды пришли в полк, когда лётчик уже погиб в воздушном бою. Алексей Панфёров связался с истори-

ками, занимающимися изучением боевых действий лётчиков люфтваффе. В немецкой заявке на победу унтер-офицера Герберта Циммера значилось, что 23 июля 1943 года в 17-20 он сбил советский ЛаГГ-5 (так немцы обозначали советский самолёт Ла-5) на высоте 3000 метров в районе села Красный Яр. Исследователям поисковой группы удалось найти оперативную сводку боевых действий лётного состава 31 ИАП (ил.5) и реконструировать картину дня, когда погиб Алексей Казаков [5, л.42об., 44].

В свой первый вылет, утром 23 июля Алексей Казаков сбил «Мессершмитт», который упал возле села Хрестыще. Второй самолёт противника также был подбит А.Казаковым, но тот с «дымами» ушёл на свою территорию. Второй вылет совершён в тот же день, в 17-10. Тройка ЛА-5 вылетела из Сватово на поддержку своих войск в район Голой Долины. Возглавлял тройку лейтенант Горбунов. Третьим был, предположительно, сержант Калашонок. Под крыльями у каждого было по две фугасних 50 килограммовые (или 25 кг) авиабомбы (ФАБ). Линию фронта перешли на высоте 3 000 метров и, получив по рации наведения приказ уйти под. облачность на высоту 1 500 метров, «нырнули» в облака. Но в этот момент они были замечены группой «Мессершмиттов» из 6 самолётов. Самолет А. Казакова, видимо, шел замыкающим и был болем уязвим для противника. Он попал под обстрел немецкой группы «мессеров» и был сбит. Можно предположить, что самолет полностью заправленный топливом, с полным боекомплектом, при «касании» с землей взорвался. Была сильная мгновенная вспышка и клубы дыма, по которым Горбунов с Калашонком заметили место падения самолёта А. Казакова, отмеченное в оперативной сводке [5,л.29,37]. Место гибели лётчика определялось в 1.5-2 км южнее села Красный Яр. Указанное место приходится на Теплинский лес Славянского района на правом берегу Северского Донца, где-то между сёлами Богородичное и Ерёмовка [5, л.57].Сбивший Алексея Казакова немецкий лётчик Герберт Циммер был сбит в 1944 году, попал в госпиталь, где скончался от ран.

В 2011 году группа поисковиков, в которую вошли Иван Двойченко – г. Донецк, Сергей Бурлака – с. Долгенькое, Павел Зорин – г. Изюм, Илья Климачёв – г. Москва, Александр Ливнов – г. Изюм, Роман Зимин – г. Москва, Аня Панферова – г. Москва, а также автор статьи начали поиск места гибели самолёта и останков лётчика Алексея Казакова. Сразу же столкнулись с первой трудностью – место расположения давно исчезнувшего села Красный Яр было трудно определимо. С помощью старых карт и рассказов местных жителей была установлена точка центра села. Отсчитав расстояние 1,75 км на юг от принятой точки села, начали поиск по спирали.Местопадения самолёта, указанное в оперативной сводке, было определено Горбуновым и Калашонком на глаз. По приблизительным подсчётам предполагаемая территория обследования могла доходить до 100 гектаров в черте Теплинского леса. Любая воронка привлекала внимание и обследовалась, но поисковые работы сезона 2011 года ожидаемого результата не дали.

В 2012 году группа продолжила поиск места падения самолёта Ла-5 Алексея Казакова. Как всегда, в лесу попадалось много свидетельств войны, но следов упавшего самолёта долгое время не попадалось. Однажды член группы Илья Климачёв с помощью металлодетектора обнаружил циферблат с доски приборов самолёта. Вокруг были обнаружены множественные детали самолёта. Взрыв был настолько сильным,

что даже корпус наручных часов, который обнаружили там же, оказался разорваным пополам... Можно предположить, что лётчик погиб в воздухе, самолёт в пике вошёл в землю и взорвался вместе с боекомплектом. Тогда найти останки лётчика не удалось.

Осенью того же года Алексей Панфёров и Илья Климачёв приехали вновь на Изюмщину, чтобы установить памятник Алексею Казакову. Пока Панфёров занимался организационными вопросами, Илья продолжал поиск, горсть за горстью перебирал землю. В день установки памятника были найдены четыре пули предположительно пулемёта MG-131. Такие пулемёты устанавливались на Bf-109.Тогда же обнаружили множество металлических кусочков от самолёта и несколько маленьких фрагментов костей.

На месте гибели Алексея Филипповича Казакова в Теплинском лесу был установлен памятник (ил.6).

Координаты памятника: 49 град. 3`5``С; 37 град. 25`43``В.

Или: С 49,05161 град.

В 37,42837 град.

Под впечатлением поиска и его результатов, член группы Александр Ливнов написал стихотворение:

Сколько ж вас, неизвестных погибших солдат,
Меж озёрных болот и прибрежных лесов,
По полям и долинам, в оврагах лежат,
Возле старых дорог и речных рукавов?...

Но мне кажется, будто бы очень давно
Ваши души солдатские вовсе не спят
И беззвучно, как в старом забытом кино,
В наши мысли житейские часто летят.

В них рисуя картины невиданной силы,
Они струны душевные нам теребят,
Просят нас отыскать-разыскать их могилы,
С той войны неизвестных забытых солдат.

Ведь недаром писал всенародный мудрец,
Что тебе подтвердит старый воин:
«Отгремевшей войне не наступит конец,
И не будешь ты в жизни спокоен,
Если даже последний погибший боец
С честью нами не был упокоен».

Но точку в этой истории ставить ещё рано. Генетическую экспертизу найденных останков сделать родственникам Алексея Казакова пока не удалось. Вот отрывок из письма А.Парфёнова автору статьи: *«...пока экспертизу не сделали и, соответственно, не захоронили останки... Для меня это все как-то очень и очень серьезно. И, еще,*

я …боюсь, что ли... Боюсь результатов…Боюсь вообще делать эту экспертизу… Я говорю, что поскольку это все, что происходило, – происходило, как бы само собой происходило. Откуда-то появлялись мысли… Находились документы, люди. Зачастую совершенно не знакомые… Мало того те, о существовании которых я даже не представлял, не догадывался … Меня понесло куда-то, куда я и в мыслях не держал поехать. Да я и не ездил никогда и никуда за рулем дальше ста пятидесяти - двухсот километров от дома…Для этого ведь есть поезда и самолеты. Про Изюм я, конечно, слышал, а вот про Святогорск – нет. Я даже не представлял, что есть такие места, кстати, очень красивые. Я не льщу. Я много где был и что видел… Но вот лавра – это что-то, что стоит, наверное, в одном ряду с теми же Метеорами… А Кремянец. Нет – не сам по себе, а когда поднялся на него и начинаешь вниз к Каменке спускаться!!! Реально – не мог представить… Вот,значит, отвлекся, а история эта с Лешей Казаковым все никак не заканчивается… Все куда-то движется и движется… ПОЭТОМУ я, честно говоря, совершенно даже не представляю, куда это все придет…)

Литература и источники:

1. Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Известные и неизвестные страницы истории. – Донецк: АОЗТ «Издательство «Донеччина», 2008. – 432с. с илл.
2. Святогорский плацдарм 1941-1943. Документы и свидетельства участников боев. Составитель В.Н.Дедов. – Донецк, 2008. – 284 с.
3. Советские асы 1941-1945. Победы Сталинских соколов. Сборник. Составитель М.Ю. Быков. Москва, Яуза, Эксмо. 2008. – 608 с.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).- Ф. 31-ИАП, оп. 223405, д. 27, коробка № 699.
5. ЦАМО РФ, Ф. 31-ИАП, оп. 223396, д. 2, коробка № 11.

Ил.1.
Алексей Казаков.
Фото из семейного альбома.

Ил.2. Выпуск Борисоглебского аэроклуба 1939 года.

Ил.3.1. 2-я эскадрилья 31-ИАП. Февраль 1943 г. [1, л.60]

Первый ряд слева направо: 3-й – Цыкин Михаил Дмитриевич (будущий Герой Советского Союза, полковник, после выхода в отставку проживал в Люберцах, умер в 1995 году, похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.); 4-й – Кравцов Дмитрий Степанович (будущий Герой Советского Союза, командир эскадрильи 31-ИАП, майор, с 1946 года в отставке, жил в Киеве, работал начальником товарного депо станции Киев, умер 08.09.1996 года, похоронен в Киеве на городском кладбище Берковцы); 6-й – Мартыненко Виктор Сергеевич, (командир 2 АЭ 31-ИАП, капитан, погиб 21 июля 1943 года в р-не Студенка).

Второй ряд: 7-й – Капустянский Ипполит Петрович, старший лейтенант, (после войны проживал в Троицком Луганской области, возглавлял Троицкий районный дорожный отдел); 8-й – Казаков Алексей Филиппович, младший лейтенант.

Ил.3.2. 2-я эскадрилья 31-ИАП. Февраль 1943 г. [1, л.45]

No.	Дата	Время	Тип	Место	Часть	На самолете	Офиц.	Прим	Ист
1	28.06.43		Bf-109	Хотомля	31 иап	Ла-5	+		[1]
2	05.07.43		Bf-109	Соломино	31 иап	Ла-5	+		[1]
3	06.07.43		Bf-110	юго-зап. Нелюдовка	31 иап	Ла-5	+		[1]
	17.07.43		Bf-109	юж. Изюм	31 иап	Ла-5	+	В группе из 4 самолетов	[1]
4	18.07.43		Bf-109	юго-зап. Голая Долина	31 иап	Ла-5	+		[1]
5	18.07.43		Hs-126	юж. Каменка	31 иап	Ла-5	+		[1]
6	23.07.43		Bf-109	вост. Хрестище	31 иап	Ла-5	+		[1]

Ил.4. Заявка на победы младшего лейтенанта Казакова А.Ф. [4, с.235]

Серия "Б"

Оперативная сводка № 048 штаб 31 иап Сватово 21.00 23.7.43 г.
КАРТА 500.000

1. 31 ИАП в течение 23.7.43г. прикрывал свои войска в районе боевых действий, производил разведку скопления и движения войск противника.

Произведено 39 самолетовылетов налет 42.50 мин.

Из них: на прикрытие 32 самолетовылета налет 38 час. 06 мин.
на разведку 7 самолетовылетов налет 4 час. 44 мин.
проба матчасти 2 самолетовылета налет 0 час. 09 мин.
на Як-7 на связь 2 самолетовылета налет 0 час. 40 мин.

Проведено 14 групповых воздушных боев. Летало 12 самолетов. Сбито 2 самолета противника 1 Ю-87 и 1 Ме-109ф, 1 Ме-109ф подбит. 1 Ю-87 сбил КАБАНОВ, 1 Ме-109ф сбил КАЗАКОВ. Сбитый воздушном бою М.Лейтенант КАЗАКОВ- погиб, и Сер ДОРОХОВ- выпрыгнул. на парашюте.

Расходовали 2525 снарядов ШВАК.

2. 8.30-9.55 4 Ла-5 ведущий лейтенант ГОРБУНОВ прикрывали свои войска в районе КАМЕНКА, ГОЛАЯ ДОЛИНА, ПРИШИБ. В районе МАЯКА были направлены станцией наведения на помощь Ил-2, которых атаковали Ме-109ф в этом районе. На Н=300-400 м. Сержант КАПУСТИНСКИЙ отбил атаки от Ил-2 ех Ме-109ф. КАЗАК отбивая атаки Ме-109ф сбил одного Ме-109ф, который врезался в лес 3 км. в ХРЕЩЕВЩЕ, при втором воздушном бою М.Лейтенант КАЗАКОВ подбил Ме-109ф, который с пробитыми плоскостями ушел со снижением на свою территорию. КАЗАК прекратил преследование подбитого Ме-109ф из-за израсходование боеприпа

3. 10.20-11.45 4 Ла-5 ведущий лейтенант БЫСТРОВ прикрывали свои войска в районе ДОЛГЕНЬКАЯ. В районе ДОЛГЕНЬКАЯ встретили две шестерки Ю и Ю-87 под прикрытием 4 Ме-109ф. При атаки 4 Ла-5 бомбордировщики сброс бомбы на свои войска 4 км. С.В. ДОЛГЕНЬКАЯ. БЫСТРОВ, СМИРНОВ и ДОРОХОВ про вели 4 атаки по бомбордировщикам. Результатов не наблюдали. Ст. сержант КАЗ НОВ с двух очередей строго в хвост сбил одного Ю-87, который загорелись упал 5 км. ю.з. ДОЛГЕНЬКАЯ.

4. 14.54.-16.06 4 Ла-5 ведущий лейтенант ГОРБУНОВ прикрывали свои войска в районе КАМЕНКА, СТУДЕНОК. В районе СУЛАЙ КАМЕНКА встретили Ме-1 вели воздушный бой с двумя группами по 4 и 6 Ме-109ф. Результатов не набл дали.

5. 15.37 -17.10 4 Ла-5 ведущий Ст.Лейтенант КАЗАКОВ прикрывали св войска врайоне КАМЕНКА, ПРИШИБ. В районе КАМЕНКА вели воздушный бой с 10 Ме-110. На Н=300 м. По приказу " с командного пункта дивизии на линии фронта набрали высоту 2000. На этой высоте вели воздушный бой с 2 Ме-110 безрезультатно.

6. 17.10-19.14 3 Ла-5 ведущий ГОРБУНОВ прикрывали свои войска в районе КАМЕНКА, ДОЛГЕНЬКАЯ, МАЯКИ. Дойдя до района КАМЕНКА на Н=2800-3100 приняли по радио приказ рации наведения " ПАНТОН" идите под облачность на Н=1400 м. Самолет КАЗАКОВА был сбит 2 Ме-109ф и врезался в землю 1,5-2 км. ю. КРАСНЫЙ ЯР. два оставшихся ЛА-5 вели 2 воздушных боя. с 6 Ме-109ф, безрезультатно

Ил.5. Оперативная сводка боевых действий 31-ИАП за 23 июля 43 года [2, л.42об., 44]

Ил.6. Памятник погибшему лётчику Алексею Казакову.
У памятника: Сергей Бурлака, Илья Климачёв, сзади – Алексей Панфёрнов.
Фото автора.

Розділ IV

ДИСКУСІЇ

Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

После распада Хазарского каганата под ударами князя Святослава Игоревича, в 960-х годах, довольно густонаселенная область с сармато-аланским и протоболгарским населением в районе среднего течения Северского Донца, находящаяся на сухопутном торговом пути Кавказ – Европа, еще долго продолжала существовать за счет торговли, ремесленного производства и земледелия. Это подтверждается результатами археологических исследований на таких памятниках, как: Сидоровское городище у с.Сидорово Славянского района Донецкой области [3], городище «Царино» у с.Маяки Славянского района Донецкой области [7], могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) в Артёмовском районе Донецкой области [8]. Переживая нападения печенегов, торков, а затем половцев, это оседлое население, скорее всего, не оказывало большого военного сопротивления новым захватчикам, предпочитая откупаться данью, что в какой-то мере устраивало обе стороны. Захватив в 1055 г. эту территорию, глава донских половцев Блуш, по-видимому, подарил ее своему сыну и назвал самый большой из городов его именем. Этот район и стал политическим центром племенного объединения восточных половцев – Шаруканидов. В 1060 г. половцы во главе с ханом Сокалом сделали первую попытку ограбить богатые русские земли, но Святослав Ярославович Черниговский с дружиной смог разбить их вчетверо большее войско. В 1096 году военная кампания была неудачной для Киевского княжества, сильный половецкий хан Боняк захватил Киевские предместья и разорил Печерский монастырь. После этого поражения наступило некоторое затишье, но уже в 1103 году Святополк Киевский с Владимиром Мономахом, собрав еще несколько княжеских дружин, одержали победу в районе о. Хортица – эта победа была переломной, но до устойчивого мира с кочевниками было еще далеко, и вероятность реваншного похода половцев на Русь была еще велика, выяснение отношений между враждующими силами происходило с периодичностью в два-три года. И первой жертвой нашествия станет опять самое южное пограничное Переяславское княжество. В 1103 и 1107 годах были разбиты основные силы Бонякидов – западных половцев. Нападение же на Русь 1109 года было осуществлено в основном силами Шаруканидов – восточных половцев, и очередного удара можно было ожидать только от них, именно поэтому этот район и стал целью планируемого военного похода Владимира Мономаха на восток. С этого момента и началась сложная, полная браков и битв, набегов и военных союзов совместная двухсотлетняя история двух народов. Достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусской летописью, чтобы убедиться, насколько тесно сплелись судьбы русичей и половцев в XI–XII вв.

Свидетельствами этих событий являются многочисленные находки предметов Киевской Руси обнаруженные в среднем течении Северского Донца. Условно эти находки можно разделить на три группы: Культовые предметы. Предметы вооружения и снаряжения. Другие предметы (пряжки, накладки, монеты, вислые печати и пломбы). К первой, самой многочисленной группе относятся: привески, односторонние и двухсторонние иконки, кресты и кресты энколпионы (ил.1,2,3.). Находки

первой группы составляют 71 предмет. Подробное описание большинства их дано авторами в ряде предыдущих публикаций [9]. Предметы атрибутированы согласно классификации Корзухиной Г.Ф. и Песковой А.А. [2]. Ко второй группе относятся: наконечник копья, стремя, навершие меча, наконечники стрел, кистени, оконечье и обломок оконечья ножен меча, а также навершия рукоятей плетей. Из перечисленного материала особого внимания заслуживает навершие древнерусского меча, найденное на городище «Царино» (ил. 4,1). Навершие прямое, с округленными спусками в сечении – двояковыпуклая линза, отверстие подпрямоугольной формы находится в центре. Боковые стороны инкрустированы тонкой (0,7 мм) золотой проволокой в виде вертикальных линий, плотно расположенных по всей поверхности, навершие имеет размеры 6,5х3,15х1,95 см. Меч с подобным украшением рукояти классифицируется А.Н. Кирпичниковым как тип «Н» и датируется не позже XI века [1]. Подобный меч мог принадлежать знатному воину,например, княжескому дружиннику.

Большой интерес представляет третья группа находок, включающая в себя пряжки, накладки, монеты, вислые печати и пломбы. Среди типичных древнерусских ременных пряжек (ил.5,1), ареал распространения которых очень широк [6], следует отметить пряжку так называемого воинского поясного набора, найденную возле пгт. Донецкий Славянского района Донецкой области (ил.5,2). Аналогия пряжки имеется в подъемном археологическом материале X-XIII вв. с поселения Железки-2 [4]. Нечастыми находками для нашей территории являются также эмалевые пуговицы-дробницы, обнаруженные на территории городища «Царино» (ил.5,3). На обоих предметах присутствует криновидный орнамент, часто используемый мастерами Киевской Руси для украшения самых разнообразных предметов в период XII-XIII вв. Большая пуговица имеет размеры 21,5 мм по окружности с вписанной крестообразной композицией, которая заполнена желтой и зеленой эмалью. Меньшая пуговица имеет форму цветочной розетки с размером 19 мм по окружности, в углублениях которой также присутствуют синяя и красная эмали. Обе дробницы с обратной стороны имеют ушко для крепления.

К числу уникальных находок можно отнести накладку с изображением процветшего креста, в основании которого находятся криновидные отростки (ил.5,4). Место находки – окрестности пгт. Ямполь Краснолиманского района Донецкой области. Размеры сохранившейся части 4,5х4,2 см. Предмет выполнен в технике двухсторонней отливки и имеет с обратной стороны шипы для крепления к коже или дереву, сохранились остатки посеребрения. Указанное изображение было популярно как на территории Византии, так и в княжеско-боярской среде древнерусского государства во второй половине XII-XIII вв. Прямых аналогий не найдено.

Древнерусские свинцовые буллы, обнаруженные на вышеупомянутой территории, по своим размерам и назначению делятся на две разновидности – печати и пломбы (ил.5,8). Три пломбы не имеют информативных надписей. На двух пломбах изображены святые, не поддающиеся идентификации. Небольшие размеры и относительно простое оформление пломб говорит о том, что их функции были менее ответственными, чем те, которые несли печати. Вместе с тем, не исключено, что в некоторых случаях и печати, и пломбы выполняли одни и те же функции. Существует мнение, согласно которому пломбы связаны с торговыми операциями, и их наход-

ки на археологических памятниках свидетельствуют о наличии административных центров, несших функции таможен [5]. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является наличие многочисленных переправ через Донец в этом районе, зафиксированных в Книге Большому Чертежу.

Разнообразен нумизматический материал, найденный на территории среднего Подонцовья. Среди монет встречаются как византийские, в частности фоллисы императоров Романа III Аргира (1028-1034 гг.), Михаила VII Дуки (1071-1078 гг.) (ил.5,5), так и тмутараканские подражания византийским миллиарисиям, принадлежащие чеканке князя Мстислава Владимировича (1015-1034 гг.) (ил.5,6). Необычной для среднего течения Северского Донца является фоллис венгерского короля Беллы III (1172-1196 гг.) (ил.5,7). Вероятней всего фоллис, найденный возле с. Маяки, попал сюда вследствие активных галицко-венгерских взаимоотношений на рубеже XII-XIII вв. Сейчас сложно сказать, принадлежала ли она угорскому наемнику, находившемуся на службе у русских князей, или же русскому дружиннику, взявшему ее как трофей после вторичного занятия Галича владимирским князем Романом Мстиславовичем, важен сам факт находки, подтверждающий обширные политические и торгово-экономические связи данной территории с различными государствами того времени.

Статистические данные по находкам, относящимся к материальной культуре древнерусского государства, приведены в таблице относительно географических точек их концентрации:

Населенный пункт	Культовые предметы	Предметы вооружения	Другие предметы (пряжки, монеты, печати)
с. Маяки	57	9	16
г. Кировск	7	2	1
пгт. Донецкий			1
г. Райгородок			9
г. Красный Лиман	6		1
с. Кривая Лука	1		
с. Рай-Александровка		1	
пгт. Ямполь			1

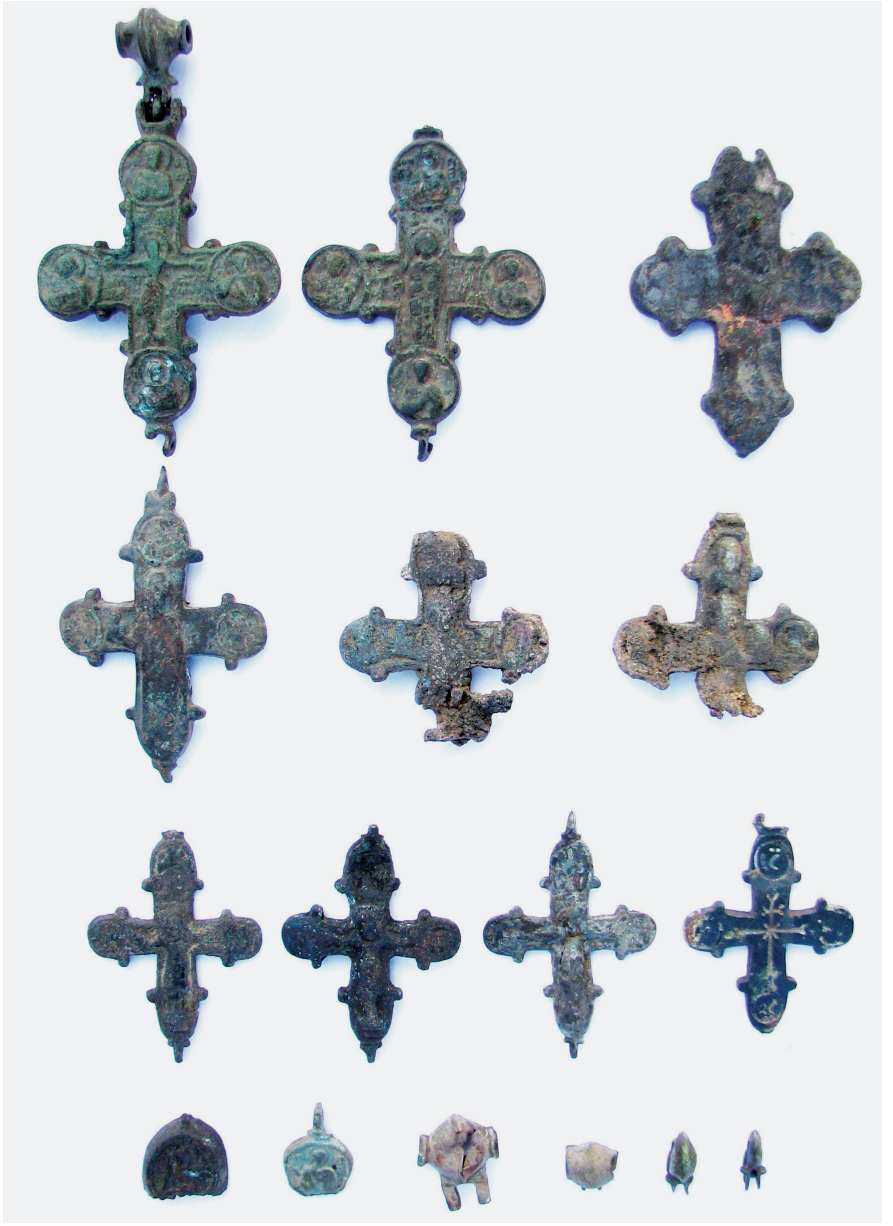
Выводы. Систематические сборы и разведки на средневековых памятниках археологии в среднем течении Донца дали значительный в количественном отношении материал (более 100 предметов), относящийся к материальной культуре Киевской Руси. Материал представлен предметами христианского культа, вооружением, воинским снаряжением, печатями, монетами и др.

Учитывая разнообразие древнерусского археологического материала, а также принимая во внимание географию находок, большая часть которых происходит из городищ с земляными валами, можно предположить наличие здесь населения христианского вероисповедания, которое непосредственно было связано с метрополией – Киевской Русью. Гипотетически можно представить наличие здесь пунктов контроля за торговыми путями, а также форпостов для ведения военных кампаний древнерусского государства в период его рассвета и победоносных походов в половецкую степь.

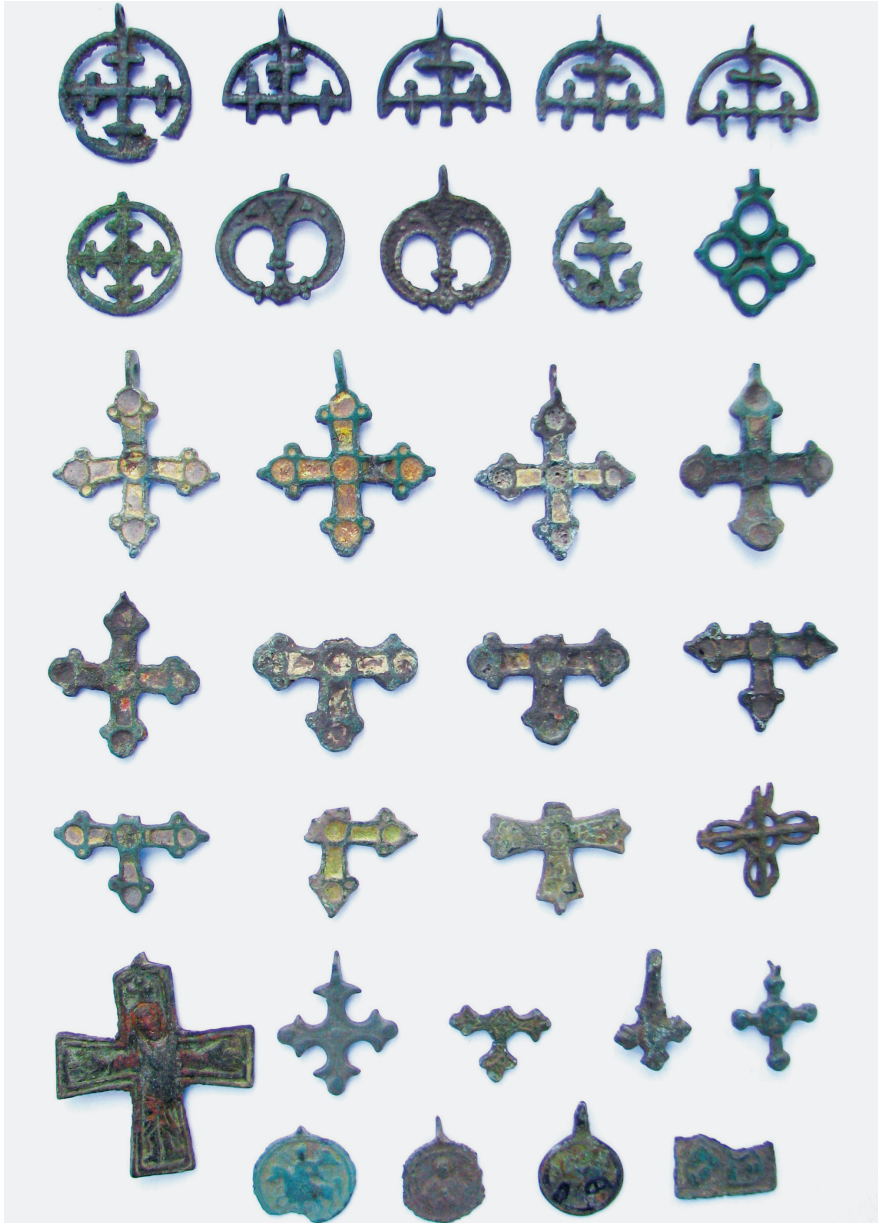
Література:

1. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие (Вып. 1) Мечи и сабли IX – XIII вв. – Москва-Ленинград: «Наука»,1966. – С. 26; табл. VIII.
2. Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты – реликварии XI – XIII вв. – СПб., 2003.
3. Кравченко Э.Е. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экпедиций 2001 – 2003 гг.) Э.Е Кравченко, В.В. Мрошниченко, А.Н. Петренко, В.В. Давыденко // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.4. – Донецк, 2005. – С. 261-356.
4. Кургина Т.С. Подъемный археологический материал X – XIII вв. с поселения Железки-2 // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. – К., 1997. – С.233-236.
5. Макаров Н.А. Чернецов А.В. Сфрагические материалы из Белозера // Древности славян и Руси. – М., 1988. – С. 230-241.
6. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода X – XV вв. – М.,1981. – С. 144, рис. 56-3.
7. Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В. Два праболгарских могильника на Северском Донце //Советская Археология, №1. – М.: Наука, 1986. – С. 209-221.
8. Татаринов С.И., Федяев С.В. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка-3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья: Т. 2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С. 365-374.
9. Шамрай А.В., Филиппов А.П. Кресты – энколпионы среднего течения Северского Донца //Святогірський альманах-2013. Донецьк, 2013 г. – С. 69-74; Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Новые данные о древнерусских находках в среднем течении Северского Донца //Святогірський альманах-2012. – Донецьк, 2012. – С. 55-60; Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Христианское население среднего течения Северского Донца в X-XIII вв. //Святогірський альманах 2010. – Донецьк, 2010. – С. 49-54; Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца // Святогірський альманах-2009. – Донецьк, 2009. – С. 56-60.

Ил. 1. Энколпионы. Древняя Русь XII-XIII вв.



Ил. 2. Энколпионы, оглавия и фрагметы. Древняя Русь XII-XIII вв.



Ил. 3. Кресты, привески, односторонние и двухсторонние иконки.

Ил. 4. Предметы вооружения и снаряжения.

Ил. 5. Пряжки, накладки, монеты, вислые печати и пломбы.

СВІДЧЕННЯ ПРО АВТОРІВ

Гаврилова Олександра Миколаївна — студентка Краматорського економіко-гуманітарного інституту (м. Краматорськ Донецької області).

Гриб Володимир Костянтинович — дослідник історико-культурної спадщини Донецького регіону (м. Донецьк).

Давиденко Володимир Вікторович — викладач кафедри історії і культурології Краматорського економіко-гуманітарного інституту (м. Краматорськ Донецької обл.).

Дєдов Володимир Миколайович — провідний науковий співробітник КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську», заслужений працівник культури України (м. Святогірськ Донецької обл.).

Дєдов Олександр Володимирович — молодший науковий співробітник КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.).

Дєдова Ярослава Дмитрівна — зав. науково-просвітницьким відділом КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.).

Духін Олексій Йосипович — краєзнавець, член т-ва «Просвіта» ім. Т.Г. Шевченка (м. Слов'янськ Донецької обл.).

Зоря Олександр Миколайович — краєзнавець (м. Слов'янськ Донецької обл.).

Ісаїв Олександр Якович — історик, заслужений працівник освіти України (м. Ізюм Харківської обл.).

Коваль Юрій Георгійович — старший науковий співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк).

Колесник Олександр Вікторович — канд. історичних наук, доцент кафедри історіографії, джерелознавства, археології і методики викладання історії Донецького національного університету (м. Донецьк).

Кохан Олексій Кузьмич — заслужений художник України, головний художник журналу «Перець» (м. Київ).

Коцаренко Володимир Федорович — голова Краматорської міської громадської організації «Клуб «Краєзнавець», Почесний краєзнавець України (м. Краматорськ Донецької обл.).

Кравченко Едуард Євгенійович — старший науковий співробітник Донецького обласного краєзнавчого музею (м. Донецьк).

Кучугура Лідія Іванівна — науковий співробітник Маріупольського краєзнавчого музею (м. Маріуполь Донецької обл.).

Легейда Алла Володимирівна — науковий співробітник Харківської філії Національного науково-дослідного реставраційного центру України (м. Харків).

Плахов Олександр Володимирович — краєзнавець (м. Слов'янськ Донецької області).

Поляцькова Надія Володимирівна — кандидат хімічних наук, технолог-реставратор (м. Київ).

Проскуряков Володимир Авенірович — художник-реставратор меблів та етнографічних пам'яток з дерева Харківської філії Національного науково-дослідного реставраційного центру України (м. Харків).

Рижкова Марія Сергіївна — кандидат педагогічних наук, старший викладач кафедри інженерної педагогіки та психології. (м. Слов'янськ Донецької області).

Ситниченко Світлана Миколаївна — науковий співробітник науково-дослідного відділу «Українське село 60-х-70-х років XX ст.» Національного музею народної архітектури та побуту України (м. Київ).
Соловкін Олексій Олексійович — краєзнавець (м. Миколаївка Донецької обл).
Соляник Анна Анатоліївна — зав. відділом «історичний музей» КЗ «Державний історико-архітектурнийзаповідник у м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.).
Трубачова Олена Ігорівна — краєзнавець (м. Слов'янськ Донецької обл.).
Філіпов Олександр Петрович — краєзнавець (м. Констянтинівка Донецької обл.).
Чепіга Галина Геннадіївна — кандидат історичних наук, викладач історії Донецької загальноосвітньої школи I — III ступеню № 47 (м. Донецьк).
Шабанова Валентина Миколаївна — краєзнавець (м. Слов'янськ Донецької обл.).
Шалаєва Наталія Григорівна — старший науковий співробітник КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.).
Шамрай Анатолій Васильович — старший науковий співробітник Слов'янського краєзнавчого музею (м. Слов'янськ Донецької обл.).
Шарабан Світлана Сергіївна — директор КЗ «Державний історико-архітектурний заповідник в м. Святогірську» (м. Святогірськ Донецької обл.).
Щибря Леонід Іванович — краєзнавець (м. Ізюм Харківської обл.).

Наукове видання

Святогірський альманах-2014
Збірка наукових праць

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет
ТОВ «РА «Ваш імідж»

Коректор
Т. П. Горобець

Підписано до друку 7.10.2014.
Формат 60x84/16. Папір офсетний № 1. Гарнітура Times. Цифровий друк.
Фіз.-друк. арк. 13,50. Умов. друк.арк. 12,56. Обл.-вид. арк. 18,73.
Зам. № 95. Наклад 200 прим.

Видавниче підприємство «Східний видавничий дім»
(Державне свідоцтво № ДК 697 от 30.11.2001)
83086, г. Донецьк, вул. Артема, 45
тел./факс (062) 338-06-97, 337-04-80
e-mail: svd3380697@gmail.com

Виготовлено ТОВ «РА «Ваш імідж»,
за участю ФОП Малихіна І. Б.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготовників
і розповсюджувачів видавничої продукції ДЦ № 135 від 09.02.2008.

Донецьк, 83048, вул. Челюскінців, 202а.
(062) 311-95-74
e-mail: 3356137@gmail.com